

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

3

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.vitebsk55@gmail.com
Заместитель главного редактора	КУЧКО Е. Е. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: avesol@yandex.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tvscholkova@yandex.ru

- Абдина А. К.** ИТ-университет в Астане, Астана, Казахстан.
- Алимбекова Г. Т.** Центр изучения общественного мнения, Алма-Ата, Казахстан.
- Безнюк Д. К.** Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь.
- Гигин В. Ф.** Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Горшков М. К.** Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
- Король А. Д.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Лапина С. В.** Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Мамедов А. К.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Мысливец Н. Л.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Нарбут Н. П.** Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
- Оюунханд Ш.** Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия.
- Симхович В. А.** Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
- Скворцов Н. Г.** Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Титаренко Л. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.** Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
- Филинская Л. В.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Хуэйжун Ч.** Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.vitebsk55@gmail.com
Deputy editor-in-chief	KUCHKO E. E. , doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: avesol@yandex.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tvscholkova@yandex.ru
<i>Abdina A. K.</i>	Astana IT-University, Astana, Kazakhstan.
<i>Alimbekova G. T.</i>	Center for Study of Public Opinion, Almaty, Kazakhstan.
<i>Beznyuk D. K.</i>	Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus.
<i>Gorshkov M. K.</i>	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
<i>Hihin V. F.</i>	National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Huizhong Z.</i>	Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China.
<i>Filinskaya L. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karol A. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Lapina S. V.</i>	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mamedov A. K.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Myslivets N. L.</i>	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Narbut N. P.</i>	RUDN University, Moscow, Russia.
<i>Oyunhand Sh.</i>	National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.
<i>Simkhovich V. A.</i>	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
<i>Skvortsov N. G.</i>	Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
<i>Titarenko L. G.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Toshchenko Zh. T.</i>	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.42:37.01

СОВРЕМЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО: ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И БУДУЩЕЕ

С. К. РАХМАНОВ¹⁾

¹⁾Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 9, 220016, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается процесс трансформации человечества под влиянием новых вызовов и рисков. Отмечается, что все аспекты глобального социума и глобальной экосистемы, включая окружающую среду и человеческое сознание, находятся в условиях нарастающих угроз. Особую озабоченность вызывает тот факт, что глобальное управление с ориентацией на обеспечение глобальных интересов человечества реально отсутствует, при этом нет недостатка в его имитации на уровне разных международных организаций. Доминируют частные интересы, которые фактически противоречат глобальным интересам при постоянных попытках выдать эти частные интересы за глобальные. Отсутствует стратегия глобального развития с видением адекватного будущего и путей его достижения. Указывается, что по мере трансформации человечества как биосоциальной системы роль его социальной составляющей усиливается. Однако до настоящего времени именно гуманистические механизмы трансформации социума остаются на периферии внимания человека.

Ключевые слова: трансформация человечества; глобальный мир; стратегия глобального развития; новые вызовы и риски; образование; гуманизация; человек.

Образец цитирования:

Рахманов СК. Современное человечество: глобальные угрозы и будущее. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;3:4–7.
EDN: NUCNNT

For citation:

Rakhmanov SK. Modern humanity: global threats and the future. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:4–7. Russian.
EDN: NUCNNT

Автор:

Сергей Кимович Рахманов – доктор химических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, профессор; член Совета старейшин.

Author:

Sergei K. Rakhmanov, doctor of science (chemistry), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, honored scientist of the Republic of Belarus, full professor; member of the Council of Elders.
fomushkovsergei@hotmail.com

MODERN HUMANITY: GLOBAL THREATS AND THE FUTURE

S. K. RAKHMANOV^a

^a*Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus,
9 Chyrvonaarmiejskaja Street, Minsk 220016, Belarus*

Abstract. The article examines the process of transformation of humanity under the influence of new challenges and risks. It notes that all aspects of global society and the global ecosystem, including the environment and human consciousness, are facing increasing threats. Of particular concern is the lack of genuine global governance focused on ensuring the global interests of humanity, despite the presence of various international organisations that claim to represent global interests. Instead, private interests prevail, often contradicting global interests, with constant attempts to disguise these private interests as global ones. There is no global development strategy with a vision of an adequate future and ways to achieve it. It is indicated that as humanity transforms as a biosocial system, the role of its social component increases. However, until now, it is the humanistic mechanisms of social transformation that remain on the periphery of human attention.

Keywords: transformation of humanity; global world; global development strategy; new challenges and risks; education; humanisation; human.

Человечество не может точно знать ни своего прошлого, ни своего настоящего, ни своего будущего. Прошрое спрятано в минувших веках и тысячеелетиях, оно во многом утрачено и искажено разного рода интерпретаторами в соответствующих интересах. В то же время даже при некоторой общности закономерностей становления и трансформации отдельных составляющих глобального социума из-за его постоянной фрагментированности прошлое не может иметь целостного характера. Настоящее погрязло в недоверии, эгоизме, ситуативности, прогрессирующей фрагментации, конфликтности, вражде и примитивном потребителстве. Будущее неопределенно из-за отсутствия общей конструктивной цели; к нему ведет много дорог, полных как надежд, так и угроз катастрофического характера. Какая из этих дорог станет реальной – совершенно не ясно. Также не ясна и сама судьба человечества. Будет ли у него возможность самосохраниться, воспроизвестись и развиваться в долгосрочной перспективе в космическом измерении или оно, подобно всем известным биологическим системам, закончит свое существование во времени и пространстве после достижения расцвета? Может быть, этот период уже остался в прошлом и мы катимся вниз по кривой дегуманизации под флагом технократизации и мировоззренческой примитивизации? А может быть, человечество все еще находится в индукционном периоде своего развития и все проблемы в нынешней зоне бифуркации являются необходимой средой для выработки единственно возможной траектории развития – истинно гуманистической?

Нам объективно не дано и никогда не будет дано полностью понять по меньшей мере три сущности: 1) бесконечную сущность макромира, включая космическое пространство с механизмами его регулирования; 2) бесконечную сущность микромира с присущей ему от природы бесконечной миниатюризацией; 3) сущность человеческого сознания

со всеми его составляющими как в индивидуальном формате, так и в масштабе социума. Понимание последней сущности является проблемой даже в субъективном плане в силу фрагментированности науки по направлениям и интересам (политическим и геостратегическим). Должная координация продолжает отсутствовать – не делается даже то малое, что по силам человечеству в его нынешнем несовершенном состоянии.

В указанном чрезвычайно сложном контексте можно высказать лишь отдельные соображения, которые корреспондируются с позициями ряда отечественных и зарубежных исследователей по проблематике будущего человечества. Эти соображения ориентированы на внесение некоторой ясности в хаос, который состоит из огромного множества всевозможных подходов, концепций и идеологий разного масштаба, во многом противоречащих друг другу, нацеленных преимущественно на достижение превосходства тех или иных субъектов в глобальном, региональном и местном противостоянии и отражающих лишь их интересы.

Для мыслящих людей очевидно, что еще никогда в истории состояние человечества не было таким перспективным и одновременно таким угрожающим. И то и другое состояние связано с созданием целого комплекса технологий и их практическим воплощением, благодаря чему глобальный социум приобрел статус геотектонического фактора, который может вызвать радикальную трансформацию Земли. Однако направление этой трансформации является неопределенным, так как человечество в целом находится, как указано выше, в зоне бифуркации, результаты выхода из которой могут быть как позитивными, так и негативными, вплоть до самоуничтожения.

Среди многочисленных угроз природного и антропогенного характера разного масштаба (угроз внутрпланетарного масштаба типа деградации

окружающей среды и угроз космического масштаба типа падения крупных космических тел или космического воздействия на магнитосферу Земли) особое значение имеет нарастающая проблема самоиндуцированного расчеловечивания. Данная проблема сохраняется даже в том случае, когда чисто физическое (биологическое) существование социума прямо не ставится под вопрос.

Сохранение превалирования телесной (биологической, а в перспективе и механической) составляющей человека над социальной (духовной) составляющей определяется отсутствием у человечества реального влияния на механизмы общественной трансформации. Эта трансформация включает как развитие (эволюцию), так и деградацию (деволюцию), а также тупиковые траектории. Указанные механизмы продолжают носить преимущественно биологический характер в рамках так называемой парадигмы социального дарвинизма, в соответствии с которым доминирующими факторами являются сила и способность к адаптации. Ситуация сохраняется несмотря на то, что наиболее развитые умы целого ряда эпох на протяжении тысячелетий ставили вопрос о необходимости изменения этих механизмов в сторону учета глобальных интересов в рамках доминирующей траектории гуманизации общества.

Однако реально из двух траекторий трансформации глобального социума – технологической и гуманистической – до сих пор только первая имеет восходящий характер. Вторая траектория носит волнообразный характер и на современном этапе характеризуется спадом из-за потенциала разрушительного воздействия так называемых подрывных технологий (сильный искусственный интеллект; редактирование генома человека; соединение центральной нервной системы с управляющими микроэлектронными устройствами; виртуальная и дополненная реальность; искусственные патогенные микроорганизмы и др.) на человеческую популяцию ввиду отсутствия гуманистического контроля на локальном и глобальном уровнях. Имеющаяся тенденция к нарастанию разрыва между этими ветвями создает ситуацию, когда такого рода технологии ведут человечество к вырождению, в том числе в форме трансгуманизации.

Соответствующим образом на глобальном уровне продолжают доминировать антигуманистические по сути идеологии типа неолиберализма и постмодернизма, в рамках которых упор делается на индивидуализм, государственный эгоизм, потребительство, агрессивную экспансию антинаучного универсализма, манипулирование общественным сознанием и примитивизацию социума для упрощения процесса управления им. К ним относятся также частные концепции антигуманистической направленности (концепции «новый релятивизм», «постправда», «злонамеренная правда», «человек экономический», «квалифицированный потребитель» и др.), которые стоят

на позициях легитимизации биологического порядка вещей при имитации социальной справедливости и сохранения глобального неравенства в пользу западной локальной цивилизации.

В указанном контексте при условии сохранения парадигмы социального дарвинизма любые подходы к трансформации мирового порядка, в том числе путем перехода к так называемому многополярному мироустройству, являются неадекватными, поскольку они не устраняют главную угрозу для человечества, заключающуюся в нем самом. Требуется качественный переход глобального социума в иное состояние, радикально отличающееся от состояния биологических систем с ограниченным сроком существования. В этом состоянии определяющим фактором трансформации социума должна стать не сила, не способность к адаптации, не процесс унификации, который подобен смерти, а единство в многообразии, предполагающее понимание общности глобальных интересов. В то же время односторонний подход с чисто гуманистическими механизмами регулирования социума является утопией; требуется баланс духовной и материальной сути человечества. Духовность укрощает технократизацию и потребительство, а технологическое развитие под контролем духовности обеспечивает недопущение утопизма.

В целом решающим фактором адекватной трансформации глобального социума является не перестановка мест глобальных игроков в рамках парадигмы социального дарвинизма, а интеллектуализация и гуманизация человечества через сферу образования и науки в противовес имеющейся тенденции к технократизации, финансиализации, деинтеллектуализации и дегуманизации данной сферы. Образование (особенно высшее) нацелено на формирование человека, а не квалифицированного потребителя. Наука, наряду с обеспечением технологического развития, должна ориентироваться на познание человека, социума, а также формирование видения адекватного гуманистического будущего и путей его достижения. Только таким образом может быть постепенно решена проблема формирования адекватных меритократических элит, от которых в решающей степени зависит решение вопроса «Быть или не быть человечеству?».

Нынешние глобальные элиты пока еще очень далеки от того уровня, при котором парадигма гуманизации и комплексной интеллектуализации может стать по-настоящему значимой составляющей мировоззрения человечества. По сути глобальных элит как носителей глобальных интересов не существует. Есть лишь носители довольно примитивной концепции государственного эгоизма, наиболее сильные из которых оказывают решающее влияние на глобальную ситуацию. Крайней формой и проявлением этой концепции выступил дикий нацизм как эволюционный продукт парадигмы социального дарвинизма и рыночного капитализма. В настоящее

время данная концепция в некоторых формах продолжает существовать и трансформироваться, в том числе в странах, достигших высокого уровня экономического развития. Эта концепция развивается и в отдельных странах другой категории, где неудовлетворенные амбиции временных элит не соответствуют реальному социально-экономическому статусу государств, а представители данных элит организуют формирование авантюристической виртуальной истории и виртуальной реальности.

Рыночная система является по сути лишь одной из последних форм реализации на практике биологической парадигмы социального дарвинизма. Ключевая проблема этой системы в контексте сказанного выше состоит в значительной утрате гуманистической (духовной) составляющей трансформации глобального социума в пользу биологической (материальной) составляющей. Уродливым проявлением этой системы является неестественное противопоставление нищеты, детской смертности от болезней, голода и абсурдно гигантских расходов на создание и развитие средств уничтожения себе подобных, в том числе средств массового уничтожения. Биологический паразитизм в современном глобальном социуме на основе силовой составляющей (военной, финансовой, технологической, информационной) приобрел невиданные масштабы. В то же время данный паразитизм преподносится как кодекс правил международных отношений, претендующий на институционализацию. В целях максимизации прибыли и повышения уровня потребления (для получения этой же прибыли) системно уничтожается природная и социальная среда обитания человечества и имитируются действия в рамках парадигмы так называемого устойчивого развития, где не обеспечивается главное – ответственность. В силу этого обществу преподносится полуправда, которая хуже прямой лжи, поскольку «затушевывается» острота имеющейся экзистенциальной проблемы человечества.

В глобальном масштабе продолжает реализовываться инерционный сценарий социально-экономической трансформации по типу биологической эволюции со всеми ее тупиками и провалами. Однако в силу действия указанного выше геотектонического фактора эти провалы, в отличие от обычных биологических процессов, несут все более выраженную угрозу уничтожения не только человечества, но и многих других (особенно наиболее развитых) форм жизни. Последнее является уже не только угрозой, но и жестокой реальностью.

Даже если процесс тотальной деградации планетарной экосистемы еще не приобрел необратимого характера, у человечества уже не осталось достаточно времени для перехода от преимущественного биологических (инерционных) к преимуществен-

но гуманистическим (регулируемым) механизмам трансформации глобального социума. Для такого перехода требуются довольно форсированные изменения глобального управления в пользу реализации глобальных интересов человечества, а не интересов отдельных составляющих социума с их эгоистическим видением мира. В то же время необходимо именно мобилизационное воздействие посредством разных каналов (научное и экспертное сообщество; руководство ведущих стран мира и международных организаций глобального и регионального масштаба; руководство средних и небольших стран, достигших на своем уровне наилучших результатов в обеспечении баланса экономической и гуманистической составляющих развития), иначе будет поздно.

Безусловными противниками указанной трансформации глобального управления были и остаются глобальные игроки разного рода, в том числе субъекты в форме глубинного государства, которые являются основными получателями выгоды от существующей в мире ситуации и выступают под флагом разных идеологий, включая консерватизм и либерализм во всем его многообразии. Роль этого тотального меньшинства в условиях парадигмы социального дарвинизма в виде рыночного капитализма постоянно возрастает, поскольку работает инерционный сценарий, подпитываемый частными интересами. Такая ситуация требует скоординированных коллективных действий всех заинтересованных лиц из числа тотального большинства, наполненных адекватным интеллектуально-гуманистическим содержанием. Это наполнение может быть обеспечено только при приоритетном развитии сбалансированной научно-образовательной сферы глобального масштаба для реализации творческого потенциала всего человечества, который пока используется в катастрофически малой степени преимущественно в узких направлениях.

Формирование «критической массы» для развития интеллектуально- и гуманистически-ориентированного глобального социума принципиально невозможно по инерционному (эволюционному) механизму с чисто биологической природой. Требуется объединение мыслительной энергии великих гуманистов прошлого и современных ученых, экспертов, аналитиков, государственных деятелей для преодоления тупикового инерционного барьера. Таким образом может быть осуществлен перевод человечества в то состояние, которое позволит не только сохранить планетарную экосистему и сам социум, но и благодаря скоординированным коллективным действиям на стратегической основе преодолеть ограничения по срокам существования, характерные для биологических систем, включая ограничения планетарного характера.

УДК 141.3

ЭПОХА ВОДОЛЕЯ – ЭРА ПОДЛИННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ПОРАБОЩЕНИЯ (ОТ ОБЩЕСТВА ИЗОЛЯЦИИ И РАЗОБЩЕНИЯ К ОБЩЕСТВУ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ)

Ё. КАРИБЕ¹⁾

¹⁾Научно-исследовательский институт самоуправления,
Сторк Тауэр 1108, Яёи-чэ 2-15-1, Нака-ку, 231-0058,
г. Йокогама, преф. Канагава, Япония

Аннотация. Отмечается важность сознания человека как члена общества. Справедливо указывается, что существующая система воспитывает в человеке узкий эгоизм, ориентацию на беспощадную конкуренцию за ограниченные ресурсы, игнорирование интересов других людей и общества в целом, которые являются корневыми причинами большинства кризисных явлений в современном мире. Прогнозируется глобальная катастрофа как логический и наиболее вероятный исход подобной модели развития, подчеркивается необходимость смены парадигмы для сохранения будущего человечества. Акцентируется важность воспитания человека на основе гуманистических и альтруистических идеалов.

Ключевые слова: свобода духа; материализм; идеализм; эгоизм; сознание; карма; алая-виджняна; духовное просветление; гуманизм; смена цивилизационной парадигмы.

THE AGE OF AQUARIUS – AN ERA OF TRUE LIBERATION FROM ENSLAVEMENT (FROM A SOCIETY OF ISOLATION AND FRAGMENTATION TO ONE OF COEXISTENCE AND INTEGRATION)

Yo. KARIBE^a

^aResearch Institute on Self-Government,
1108 Stork Tower, 2-15-1 Yayoi-cho, Naka-ku,
Yokohama 231-0058, Kanagawa, Japan

Abstract. The importance of a person's consciousness as a member of society is noted. It is rightly pointed out that the current system fosters narrow-minded selfishness, a focus on ruthless competition for limited resources, and a disregard for the interests of others and society as a whole, which are the root causes of most of the crises in the modern world. The article predicts a global catastrophe as the logical and most likely outcome of this development model and emphasises the need for a paradigm shift to preserve humanity's future. The importance of educating individuals based on humanistic and altruistic ideals is highlighted.

Keywords: spiritual freedom; materialism; idealism; egoism; consciousness; karma (karmic causality); alaya-vijnana; spiritual enlightenment; humanism; civilisational paradigm shift.

Образец цитирования:

Карибе Ё. Эпоха Водолея – эра подлинного освобождения от порабощения (от общества изоляции и разобщения к обществу сосуществования и интеграции). Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2025;3:8–13.
EDN: SIHHBW

For citation:

Karibe Yo. The Age of Aquarius – an era of true liberation from enslavement (from a society of isolation and fragmentation to a society of coexistence and integration). *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:8–13. Russian.
EDN: SIHHBW

Автор:

Ёсихито Карибе – кандидат политических наук, кандидат исторических наук; председатель.

Author:

Yoshihito Karibe, PhD (politics), PhD (history); chairman.

Введение

Обрело ли человечество благодаря демократии во имя свободы, равенства и братства подлинную свободу духа, действительно ли оно смогло получить суверенитет и освободиться от всевозможных форм порабощения? Способны ли образование и наука даровать ему подлинную свободу? Смогла ли философия, восходящая к благородной традиции Греции, реализовать цель освобождения человечества? А каковы результаты науки, претендовавшей на универсальность и пытавшейся заменить религию? Что можно сказать о политике, экономике и праве, которые должны были обеспечить благополучие и счастье народа? А что насчет медицины? Понимая, что здоровье зиждется на духовном состоянии человека, современная материалистическая медицина далеко ушла от настоящего гуманизма (仁術) и превратила человеческое тело в вещь и прибыльную индустрию. Она не смогла даровать человечеству освобождение и не преодолела «четыре страдания» –

страдания от рождения, болезни, старости и смерти. За исключением некоторых частных случаев, проблемы человеческой жизни не устранены, и люди до сих пор полностью не освобождены от состояния рабства и сопряженной с ним духовной неустойчивости. Мы говорим о несвободе человечества, но разве не были искоренены ее основы с уничтожением рабства в Северной Америке президентом А. Линкольном? Стоит признать, что эмансипация рабов, осуществленная А. Линкольном, не была совершенной. За исключением японского императорского дома и мировых монархических и аристократических родов, большинство народов Земли на протяжении долгого времени вынуждены в полупринудительном порядке исполнять налоговое бремя, получая крайне скудный «возврат» от вложенных средств. До сих пор человечество обманывают и «убаюкивают» иллюзиями. Можно констатировать, что долгие века оно оставалось в состоянии рабства.

Утрата человеком подлинного понимания себя и сведение его идентичности к ограниченному телесному Я

Бедное человечество: многие его представители ошибочно отождествляют себя с ограниченным телесным Я и, увлеченные эгоизмом, расчетливым стремлением к выгоде и малыми удовольствиями (т. е. мелкими эгоцентрическими наслаждениями), оказываются в плену. Духовный человек, изначально свободный, оказывается заключенным в физическое тело, способное реализовать лишь около 5 % его возможностей, ограниченное пятью чувствами и поверхностным сознанием. Это тело становится приве (プリベ) – изолирующим сосудом, своеобразной камерой, где царит ошибочное убеждение «Если никто не узнает, то в частном пространстве позволено все». Так человечество продолжает пребывать в узнице конечного материализма.

На протяжении долгого времени люди обманывались так называемым либеральным капитализмом, основанным на культе денег и богатства, и коммунизмом, представляющим собой однопартийную диктатуру. По существу, различие между ними сводилось лишь к длине «поводка», которая зависела от конкретных условий. Однако ни одна из систем не позволяла выйти за пределы ограниченного, духовно бедного материализма. В мире подразумевающего конечность любого ресурса материализма внимание к невидимым, неосязаемым посредством пяти чувств явлениям, таким как духовность (靈性), душевная природа (魂性) и внутренний мир (心), ослабевает; смерть тела считается концом самого человека, а другие люди, не являющиеся его собственным телом, в контексте свободной конкуренции, основанной на разделении и противопоставлении, ста-

новятся врагами. Раб сражается с рабом, личная выгода провозглашается высшей справедливостью, и, поскольку смерть все обрывает, общество превращается в безнравственную, безответственную среду, где совесть теряет всякий вес. В подобных условиях многие люди продолжают удерживать свою душевную природу в телесной тюрьме «приве» – тюрьме эгоизма, расчетливости, где во главе угла находится получение удовольствий. Большинство людей утратили изначальную свободную божественную суть и душевную природу – те качества, которые должны быть наивысшим приоритетом. Если соотнести телесную тюрьму материализма и сопряженное с ней поверхностное сознание, связанное с пятью чувствами, с нормами буддийского учения йогачары (唯心論) или с глубинной психологией К. Г. Юнга, можно предположить, что они позволяют реализовать лишь около 5 % потенциальных возможностей, изначально присущих человеку. Тем самым человек низводится до крайне неэффективного состояния. Исключение составляют лишь некоторые духовно одаренные люди или истинные гении, которые могут превзойти это ограничение поверхностного сознания. В то же время властвующим, которые веками господствовали над человечеством и эксплуатировали его, исключительно удобно иметь дело с массами, замкнутыми в телесной тюрьме «приве» и ограниченными поверхностным сознанием, которое функционирует лишь на 5 %; рабами эгоизма, расчетливости, мелких плотских удовольствий, склонными к взаимной вражде. Эта замкнутость была несравненно полезным и удобным средством управления.

Социально-образовательные условия формирования человека как существа, лишенного знания о собственных внутренних ресурсах и путях духовного становления

Порабощенные люди так и не получили инструкции по эксплуатации самих себя. Когда человек покупает новый автомобиль, смартфон или иной прибор, он, как правило, внимательно изучает прилагаемое руководство по эксплуатации. Однако разобщенные люди, твердо убежденные в том, что их тело и есть они сами, а все остальные – соперники, никогда не получали инструкции по правильному функционированию. Ни родители, ни старшие товарищи, ни школьные учителя не давали целостного руководства, которое могло бы существенно повысить эффективность использования человеческого потенциала, в первую очередь скрытых способностей (潜在的能力) и подсознания (潜在意識). Никогда не существовало «программы спасения человечества», в соответствии с которой эти важнейшие знания передавались бы каждому человеку индивидуально. С точки зрения социальной инженерии можно констатировать, что если позволить людям водить автомобиль без водительских прав под лозунгом свободной конкуренции и либерализации, то результатом будут нескончаемые аварии, и общественный порядок рухнет. В нынешнем мире однополярного глобализма воцарилась следующая логика: допустимо все, пока не арестуют. В современном обществе под знаменем свободной конкуренции господствуют принцип приоритета прибыли и принцип злоупотребления. В подобном мире успешны либо выдающиеся люди (гении), либо те, кто имеет особые связи и привилегированное образование.

Но большинство людей ограничены узким материализмом (唯物論), в соответствии с которым эгоистическое Я находится во главе, а все прочие считаются врагами, и обречены возводить горы неудач и крушений в силу действия закона кармической причинности (因果応報). Причина этого кроется в крайней узости ума и духовной бедности. Эгоистический утилитаризм ограниченного материализма, в рамках которого почитается узкое телесное Я и превыше всего ставится личная выгода, в силу всеобщих космических законов в конце концов получает воздаяние по закону кармической причинности (в большинстве случаев – поражение и крах). Однако боги оказываются слишком равнодушными к судьбам серьезных людей. А ведь ради мироздания и самой Земли необходимо воспитывать подлинно ценную человеческую личность. Если обратиться к истории, то можно заметить, что в Новое время Запад лишь внешне восхищался демократией, только на словах провозглашал демократическую свободу и демонстрировал почтение к ней. Но в своей сущности, начиная с древнейших времен, он, по нашему убеждению, всегда стремился опираться на рабскую классовую модель. И, если говорить откровенно, Запад строил такие системы управления, которые не допускали появления серьезных соперников для существующих правящих слоев. Божества были и остаются слишком холодны к порабощенным. Человечество так и не получило настоящего руководства по эксплуатации самого себя.

Метафизическая картина мира, в рамках которой человеческая жизнь рассматривается как результат проекций глубинных слоев сознания

Мы считаем, что в настоящий момент человечество переживает поворотный момент в развитии мироздания. После августа 2025 г. трехмерная материалистическая модель сменится более многомерной (пятимерной) моделью, в рамках которой гармония будет превыше всего. В ближайшем будущем фактически рабская классовая модель человечества завершит свое существование. Низкоуровневое общество эгоизма и разрушения будет отвергнуто и отброшено прочь. Произойдет рождение подлинного мира примирения и слияния духа и тела, духа и материи, что будет означать переход от эпохи изоляции и разобщенности к эпохе сосуществования и интеграции.

Согласно общеизвестной буддийской концепции (рис. 1), человеческая жизнь формируется теми системами мыслей, верований и представлений, которые через пять чувств поверхностного сознания проникают в подсознание и сохраняются в нем, а именно в восьмом сознании – алае-виджняне (阿賴耶識). Отпечатки психических состояний, сохраненные

и запечатленные в этом сознании, становятся детализированной «пленкой», которая впоследствии воспроизводится на экране времени и пространства как жизненный фильм человека. Таким образом, жизнь человека есть не что иное, как созерцание призрачных образов «кинофильма», сформированного и запечатленного в хранилище восьмого сознания. Именно здесь берет начало закон кармической причинности – воздаяния по заслугам. Те призрачные образы на экране времени и пространства, которые были сформированы человеком на уровне его внутренних установок, ценностных ориентаций и сохранены на подсознательной «пленке», и становятся его жизнью. Источником света (真光) для этой «киноленты» является Творец (Беспредельный) или, по выражению Платона, совершенный мир идей. Следовательно, задача человечества состоит в том, чтобы накапливать в хранилище восьмого сознания прекрасные образы и звуки, наполненные возвышенными мыслями и намерениями, устремлениями

и мечтами, и таким образом создавать великолепные, яркие жизненные «киноленты». Именно в этом заключается условие успеха человечества.

Воздаяние по заслугам означает, что на экран времени и пространства без искажений и обмана проецируется то, что человек сформировал на уровне внутренних установок и ценностных ориентаций. История человечества – это история того, как люди переносили на экран времени и пространства

те «картины», которые отражали их психические состояния, и получали собственные образы назад. Если «кинолента» состояла из эгоизма, культа узкого почитания индивидуального тела, то ее картины становились безобразными и мучительными. Современный мир беден и уродлив именно потому, что сердца людей слишком низменны. Материалистическая жажда выгоды до предела осквернила человеческий дух.

Рис. 1. Иерархия структурных компонентов сознания человека
Fig. 1. Hierarchy of structural components of human consciousness

Условия духовного освобождения человека, практические пути его реализации и ценностные основания нового этапа человеческого развития

Человечеству срочно требуется освобождение от кармы, или иннэн-гэдацу (因縁解脱), которое означает исчезновение дурных деяний прошлого и настоящего под воздействием великого просветления, или тайго (大悟), – интуитивного постижения устройства Великой Вселенной и Великого Бога. Наша планета уже перешла в пятое измерение, однако ограниченное человечество, ставящее во главу угла низменные состояния эгоистического телесного сознания, воспринимающее других как врагов, углубляющее разделение и усугубляющее дискриминацию, продолжает оставаться заключенным в тюрьме «приве». Возникает вопрос: сможет ли оно переправиться на «иной берег» – в мир пятого измерения, где необходимы высокие духовные качества? С этим вопросом связана идея воздаяния и возмездия за деяния прошлого – Страшного суда.

Костюм, сшитый из первоклассных тканей лондонских ателье, расположенных на ул. Сэвил-Роу, или

тканей миланских ателье, поражает своим великолепием. Его совершенный блеск создается, разумеется, благодаря основе (вертикальным и горизонтальным нитям). В мире духа вертикальная нить означает идею или Творца («все во всем», Великую Вселенную), а также способы построения отношения собственной душевной сущности с этим Абсолютом и его постижение. Горизонтальная нить, в свою очередь, символизирует способы построения форм и содержания собственной жизни. Эта нить основывается на учении йогачары, согласно которому три времени (прошлое, настоящее и будущее) есть не что иное, как накопления и проекции внутренних состояний сознания. Вся жизнь человека есть выражение его собственного ума, и вся ответственность принадлежит только ему.

Лишь сочетая вертикальную нить – прочную основу, соединяющую с Абсолютом, и горизонтальную нить, наполненную душевным благородством (умением заботиться прежде всего о других

и внутренним достоинством), можно воспитать гармонию сердца и, впитав в себя энергию Великой Вселенной (идеи как совершенства), обрести успех в жизни. Для этого применяются медитация, особые методы гармонизации и уравнивания духа и тела, включая утверждение глубокой мировоззренческой структуры, а также особые дыхательные практики, стимулирующие и активирующие различные отделы мозга, которые направлены на соединение и примирение с Великой Вселенной. Создание духовной ткани призвано подарить жизнь, основанную на великой гармонии, свободе, радости, бесконфликтности.

Такое устремление к интуитивному постижению многомерной Вселенной и повышению собственного уровня бытия называется «великое просветление». Уничтожение ошибочных деяний и мыслей, накопленных в прошлых жизнях, посредством света и чистоты называется «иннэн-гэдацу». Иннэн-гэдацу – это фактор, значительно улучшающий жизнь. Практические исследования этих концепций многочисленны и сложны, поэтому их рассмотрение в рамках настоящей статьи нецелесообразно. В данном исследовании приведены лишь фундаментальные духовные положения.

То, что человек воспринимает свое тело как самого себя, объяснимо и неизбежно. С рождения он погружен в социальную среду, которая формирует такое восприятие. В связи с этим необходимо без промедления обрести освобождение от кармы и постичь устройство Великой Вселенной и Великого Бога. В противном случае эгоизм, ограниченный телесностью, породит установку «другие – враги», и множество слабых духом людей, оказавшихся в плену у своего эго, окажутся подвержены изоляции и разделению. Эти люди начнут верить, что без победы над другими успех невозможен и что если не стать «победителем», то, гонимые страхом, они всю жизнь будут бороться за существование. Эгоистическая изоляция приведет к проявлению различных форм эгоизма и исказит человеческую жизнь, закрепив круговорот отрицательной кармы. К формам эгоизма относятся самоутверждающийся эгоизм, в рамках которого личная выгода становится идолом; ненасытная жажда материальных благ; навязывание собственных взглядов и подходов другим; малодушие, трусость и леность слабого эгоиста; жажда власти и привилегий, реализуемая через насилие, принуждение или использование социального положения;

ропот и недовольство слабого человека, склонного винить других.

Эти тяжелые, низменные духовные вибрации постепенно накапливаются и в конечном счете вызывают разрушительные последствия, порождая цепи дурной кармы. Подобный эгоизм противоположен Творцу, Великой Вселенной и ведет не к прогрессу, а к саморазрушению. Так, если вспомнить легенды о гибели Лемурии (10 568 лет назад) и Атлантиды (10 260 лет назад), можно сказать, что наша планета несколько раз переживала крах цивилизаций, споткнувшихся о низменный эгоизм, который обернулся катастрофическим самоуничтожением – неизбежным результатом дурной кармы.

Жизнь, основанная на узком материалистическом почитании телесного Я, приводит к краху. В противоположность этому в японских традициях и культурных практиках длительное время сохранялись духовные семена и образцы антиэгоизма.

Япония – особая, самобытная страна. Во время Второй мировой войны она пережила массовые бомбардировки гражданского населения зажигательными бомбами (нарушение международных норм войны), приведшие к гибели свыше 3 млн мирных жителей, и два атомных удара, ставших беспрецедентным бесчеловечным экспериментом. После этого на протяжении уже 80 лет страна фактически остается в условиях оккупации и используется как финансовый донор. Однако японский народ не поднимает активных протестов. Это обстоятельство объясняется тем, что в подсознании народа прочно укоренено глубокое понимание истинного кармического воздаяния и непреложных небесных законов.

В августе 2025 г. духовная ось вознесения Земли сместится на Беларусь, Россию и Японию, которые, по-видимому, станут центрами мирового пробуждения. В этих странах необходимо развивать образование, раскрывающее божественную природу в человеке, альтруистические и гуманистические социальные движения, поддерживающие не себя, а других.

Человечество стоит на пороге завершения эпохи эгоистического материализма, разобщения, изоляции и вступает в новую эпоху сосуществования и интеграции в условиях вознесения Земли. Оно должно возвыситься до уровня, где возможно обретение неограниченного богатства и бесконечной энергии, подлинной свободы и беспредельного могущества, высшей мудрости и полного освобождения от рабства. В противном случае нашу планету ждет полный крах.

Заключение

Грядущий мир станет духовнее, мысли и устремления человека будут гораздо быстрее проецироваться на экране времени и пространства. Неясно, какой процент людей сможет адаптироваться к новой среде. Не сумевшие адаптироваться люди не смогут выжить, именно поэтому нравственные

качества должны измениться. Человечеству надлежит взрастить следующие качества:

- честность (универсальная справедливость как путь к совместному процветанию);
- милосердие и доброту, умение поддерживать других людей;

- умение быть в гармонии со всеми;
- чистоту, ясность ума и искренность;
- простоту (подлинное богатство без излишеств);
- благодарность всему;
- умение правильно молиться.

Таким образом, общество пятого измерения станет антитезой ограниченному материалистическому

эгоцентризму. Его основу составят великодушные и целеустремленные люди. Человечество получит неограниченное благополучие (無限供給), всеведение и всемогущество (全知全能), свободу и беспредельность (自由無碍), великое блаженство (大常樂), великое просветление и освобождение от кармы. Каждый человек обретет свободную и счастливую жизнь (рис. 2).

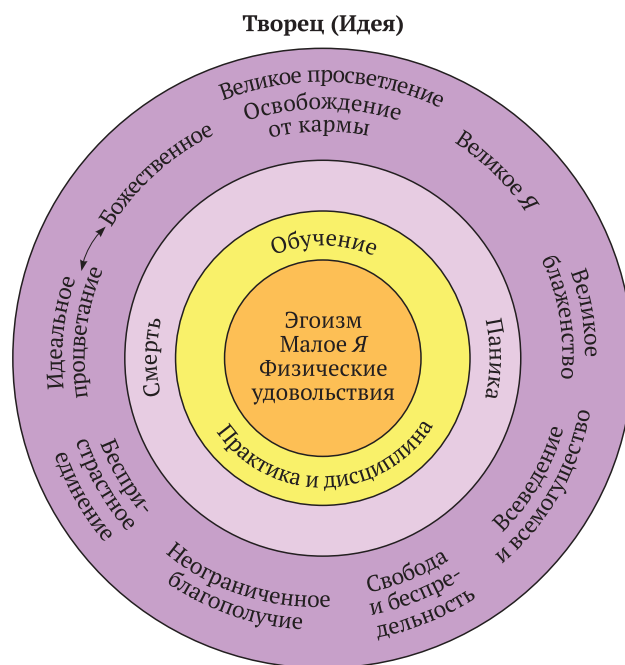

Рис. 2. Структура сознания и путь освобождения человека

Fig. 2. The structure of consciousness and the path of human liberation

С самого начала человек был наделен всем необходимым – неограниченным благосостоянием, всемогуществом, свободой, блаженством, просветлением и освобождением от кармы. Но в тот момент, когда он надел «черные очки убогого серд-

ца» и уверовал, что тело – это и есть он сам и что, чтобы разбогатеть, достичь успеха, надо побеждать других и отнимать чужое богатство, началась его бедная, низменная, лишенная достоинства рабская жизнь.

Статья поступила в редколлегию 15.09.2025.
Received by editorial board 15.09.2025.

Перевод Д. В. Труфанова¹.

¹Дмитрий Валерьевич Труфанов – генеральный директор АО «Аргентум Буллет Консалтинг».
Dmitry V. Trufanov, general director, Argentum Bullet Consulting Ltd.
E-mail: info@argentumbullet.com

УДК 101.1.316

ДУАЛЬНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУПИК И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ В ЭПОХУ БИФУРКАЦИИ

П. А. ВОДОПЬЯНОВ¹⁾, И. Н. СИДОРЕНКО²⁾

¹⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследована взаимосвязь двух ключевых кризисов современности: экологического и антропологического, раскрываемая через синтез концепции глобального эволюционизма и философской критики. Доказано, что эти кризисы не являются автономными, а представляют собой две стороны одного цивилизационного разлома, раскрывающегося в доминировании инструментальной рациональности и антропоцентрической модели господства. Экологический кризис интерпретирован как внешнее проявление утраты бытийных основ мира, антропологический – как внутреннее следствие этой утраты, выражающееся в экзистенциальной бездомности и онтологическом нигилизме. В качестве философского ответа обоснована эволюционно-гуманистическая стратегия, предлагающая путь одновременного преодоления двух кризисов через принятие биосферного императива и экзистенциальное обретение «укорененной» ответственности.

Ключевые слова: экологический кризис; антропологический кризис; глобальный эволюционизм; инструментальная рациональность; онтологический нигилизм; эволюционно-гуманистическая стратегия; биосферный императив; экзистенциальная бездомность.

THE DUALITY OF CIVILISATIONAL RIFT: ECOLOGICAL IMPASSE AND ANTHROPOLOGICAL ALIENATION IN THE AGE OF BIFURCATION

P. A. VODOPIANOV^a, I. N. SIDORENKO^b

^aBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. N. Sidorenko (iri_na2000@rambler.ru)

Abstract. The article explores the profound interconnection between two key crises of our time: the ecological crisis and the anthropological crisis (the crisis of the human condition). This interconnection is revealed through a synthesis of the concept of global evolution and philosophical critique. It is argued that these crises are not autonomous but represent

Образец цитирования:

Водопьянов ПА, Сидоренко ИН. Дуальность цивилизационного разлома: экологический тупик и антропологическое отчуждение в эпоху бифуркации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;3:14–18.
EDN: TICFGQ

For citation:

Vodopianov PA, Sidorenko IN. The duality of civilisational rift: ecological impasse and anthropological alienation in the age of bifurcation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:14–18. Russian.
EDN: TICFGQ

Авторы:

Павел Александрович Водопьянов – доктор философских наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; профессор кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Ирина Николаевна Сидоренко – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Pavel A. Vodopianov, doctor of science (philosophy), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology. pva1940@bk.ru

Irina N. Sidorenko, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

iri_na2000@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

two sides of a single civilisational rift rooted in the dominance of instrumental rationality and an anthropocentric model of domination. The ecological crisis is interpreted as an external manifestation of the forgetfulness of the ontological foundations of the world, while the anthropological crisis is viewed as its internal consequence, expressed in a state of existential homelessness and ontological nihilism. As a philosophical response, the authors substantiate an evolutionary-humanistic strategy that proposes a path toward the simultaneous overcoming of two crises through the adoption of a biospheric imperative and the formation of existentially grounded responsibility.

Keywords: ecological crisis; anthropological crisis; global evolution; instrumental rationality; ontological nihilism; evolutionary-humanistic strategy; biospheric imperative; existential homelessness.

Введение

Современная техногенная цивилизация переживает эпоху исторической бифуркации, характер которой определяется не столько наложением множества кризисов, сколько их фундаментальной спаянностью. В центре представленного анализа – два кризиса, образующие структурное ядро цивилизационного разлома: 1) кризис отношений между человечеством и биосферой; 2) кризис внутреннего мира самого человека. Традиционно они рассматриваются как отдельные сферы (внешняя – экология и внутренняя – антропология), в действительности же представляют собой два проявления одного и того же мировоззренческого тупика.

Данный тупик обусловлен исчерпанностью проекта, основанного на инструментальной рациональности, которая, по словам выдающегося белорусского философа В. С. Стёпина, привела к исчерпанности базовых ценностных и мировоззренческих оснований техногенной культуры. «Техногенная цивилизация подошла к рубежу, за которым прежние ценностные ориентиры утрачивают регулятивную функцию и перестают обеспечивать выживание человечества» [1, с. 231]. Инструментальный разум, редуцированный до функций расчета, контроля и оптимизации, не только преобразовал планету в объект безграничной эксплуатации, но и, обратив эту логику внутрь, произвел глубоко отчужденного, «бездомного» субъекта. Таким образом, экологическая деструкция и антропологическое опустошение – симптомы одной болезни, а именно утраты бытия в его целостности и самоценности.

Актуальность представленного исследования обусловлена острой необходимостью философски осмыслить системный кризис современной цивилизации, который выходит за рамки узкоспециальных, политических или экономических трактовок. В условиях нарастающих климатических аномалий, шестого массового вымирания видов и повсеместного ощущения экзистенциального вакуума и бездомности в гипертехнологизированном обществе предлагаемый анализ дуальной природы кризиса (экологического и антропологического) как двух сторон одной мировоззренческой катастрофы приобретает критическую важность. Считаем, что данная статья отвечает на запрос времени, который заключается

в необходимости создания синтетической теории, способной связать внешние планетарные границы с внутренним кризисом смысла, и предлагает не просто критику, а конструктивную эволюционно-гуманистическую стратегию как каркас для будущего. Исследование особенно значимо в контексте поиска новых ценностных и когнитивных оснований для образования, политики и культуры, без которых любые технологические или институциональные решения остаются поверхностными и неэффективными.

Цель настоящей работы заключается в раскрытии диалектической взаимосвязи экологического и антропологического кризисов, демонстрации того, что преодолеть их можно только синхронно, через формирование новой парадигмы мышления и бытия.

Методологическая основа представленного исследования имеет междисциплинарный и синтетический характер, сочетает в себе философскую онтологию, социальную философию и концепции глобального эволюционизма. В качестве базового принципа авторы используют диалектический подход, позволяющий рассматривать экологический и антропологический кризисы не как изолированные феномены, а как взаимно обусловленные моменты одного цивилизационного процесса. Для анализа причин и сущности двух кризисов используется инструментарий феноменологической и экзистенциальной традиций, ориентированный на выявление структур человеческого бытия-в-мире и механизмов отчуждения субъективности. Одновременно авторы применяют системно-эволюционный подход, характерный для идей глобального эволюционизма (В. С. Стёпин, Н. Н. Моисеев), который позволяет интерпретировать человеческую деятельность в контексте биосферных и ноосферных ограничений. Дополнительную аналитическую функцию выполняет критическая теория общества, раскрывающая роль инструментальной рациональности и механизмов технократического господства. Такое методологическое соединение обеспечивает возможность одновременно анализировать внешние (экологические) и внутренние (антропологические) измерения кризиса и служит основанием для выработки интегративной эволюционно-гуманистической стратегии.

Основная часть

Экологический кризис как утрата бытия природы. Современный экологический кризис – это не просто совокупность технологических и управленческих провалов. В философском измерении он есть прямое следствие метафизической установки, сформировавшейся в рамках новоевропейской науки и философии [2, с. 49–54]. Речь идет о редукции природы до статуса *res extensa*, протяженной и лишенной внутренней цели субстанции, которая существует лишь для того, чтобы быть покоренной, измеренной и использованной. Данный подход, очень эффективный в плане покорения стихий, привел к системному разрыву между ускоренной социокультурной эволюцией и медленными циклами биосферы.

С нашей точки зрения, концепция глобального эволюционизма позволяет осмыслить масштаб данной катастрофы, поскольку она интерпретирует человеческую историю не как автономный процесс, а как специфическое продолжение биологической эволюции. Ускорение, вызванное техногенным прогрессом, привело к опасной диспропорции. Как предупреждал Н. Н. Моисеев, «человечество впервые оказалось в ситуации, когда его дальнейшее существование зависит не от силы разума как таковой, а от способности разума к самоограничению» [3, с. 23]. Нарушение биосферных лимитов – это не ошибка прогресса, а закономерный итог мировоззрения, поставившего человека вне и над эволюционным целым.

Инструментальная рациональность, достигшая своего апогея в XX в., окончательно исключила вопросы о цели, смысле и допустимых пределах деятельности [2, с. 49–54]. Природа в такой логике предстает как «постав» (*bestand*), по выражению М. Хайдеггера [3], т. е. наличный резерв, ожидающий извлечения. В сложившейся ситуации мир утрачивает свое бытийное достоинство, становясь безразличным складом ресурсов. Критическая мысль представителей Франкфуртской школы, в частности Т. Адорно и М. Хоркхаймера, показала, как логика господства над природой неизбежно оборачивается логикой господства человека над человеком и в конечном счете самоотчуждением [4]. Таким образом, экологический кризис правомерно определить как кризис типа разума, утратившего способность к ценностно-смысловой рефлексии и не знающего иных критериев, кроме эффективности и сиюминутной выгоды.

В представленном ракурсе исследования под антропологическим кризисом понимаем внутреннее измерение внешней катастрофы. Если экологический кризис есть результат экспансии инструментального разума вовне, то антропологический кризис является следствием его экспансии внутрь человеческой сущности. Мир, превращенный в «постав», не может не породить и соответствующего субъекта – отчужденного, лишенного подлинной

историчности и переживающего состояние экзистенциальной бездомности.

Указанное состояние находит свою точную философскую дешифровку в понятии «онтологический нигилизм». Согласно М. Хайдеггеру нигилизм понимается здесь не как идеология отрицания ценностей, а как фундаментальное событие утраты (забвения) бытия. «Нигилизм есть не отрицание сущего, а забвение бытия» [5, с. 68]. В мире, где все сущее стало объектом расчета и оптимизации, исчезает само пространство для подлинного человеческого бытия-в-мире. Труд утрачивает связь с творческим созиданием, время дробится на дедлайны, а пространство жизни превращается во взаимозависимые модули. По меткому выражению российского философа грузинского происхождения М. К. Мамардашвили, человек становится «полым» существом, неспособным «взвалить на свои плечи существование чего-то в мире» [6, с. 121].

Технократическая система, доводящая принцип рациональности до абсурда, порождает феномен банальности, суть которого заключается в растворении ответственности в анонимных процедурах, вследствие чего зло становится рутинной административной функцией. Как справедливо отметила Х. Арендт, «самое страшное зло совершается не из демонических побуждений, а из неспособности мыслить» [7, с. 124]. Индивид, даже рационально осознавая абсурдность происходящего, продолжает в нем участвовать, укрываясь в приватном комфорте или циническом согласии. Этот цинический разум, описанный П. Слотердайком, есть высшая форма нигилизма: просвещенное сознание, которое видит ложь, но действует в соответствии с ней, считая сопротивление бессмысленным [8, с. 792].

Апогеем утилитарной логики, продуцируемой сверхрациональностью, стандартизованностью мышления, становятся проекты радикального трансгуманизма, предлагающие преодолеть человеческую уязвимость и конечность через ее полную инструментализацию. Вместе с тем, пытаясь технически решить экзистенциальные вопросы (смерть, хрупкость жизни, смысл существования), трансгуманизм лишь завершает процесс дегуманизации, окончательно превращая человека в проект его собственного инженерного усовершенствования. Более того, как справедливо отметил Ю. Хабермас, «попытка технически усовершенствовать человека таит в себе риск утраты самого понимания человеческого достоинства» [9, с. 16]. Таким образом, антропологический кризис – это кризис нигилистического отрицания времени, ответственности и самой основы человеческого способа быть в мире.

Диалектика кризисов и контуры эволюционно-гуманистического ответа. Проведенный анализ показывает, что экологический и антропологический кризисы не просто сопутствуют друг другу, а находятся в отношениях взаимного порождения

и усиления. Инструментальный разум, разрушающий внешнюю природу, не может не разрушить природу внутреннюю. Так, «бездомный» человек, утративший связь с собственным бытийным основанием, не способен увидеть в природе ничего, кроме ресурса для сиюминутного потребления. В итоге образуется порочный круг: экологическое отчуждение углубляет антропологическое, а антропологическое отчуждение как раскол человеческого бытия, деградация его природы и дегуманизация делает невозможным преодоление экологического тупика.

Авторы убеждены, что преодолеть данную проблему можно только путем радикальной мировоззренческой трансформации, которая должна быть одновременно и внешней, и внутренней. Эволюционно-гуманистическая стратегия предлагает такую двунаправленную трансформацию, синтезируя императив эволюции с экзистенциальным призывом к ответственности.

На внешней – экологической – оси эволюционно-гуманистическая стратегия требует перехода от парадигмы господства к парадигме коэволюции, что означает безусловное принятие биосферного императива как высшего закона человеческой деятельности. В практическом плане это предполагает переход к экономике разумной достаточности, отказ от догмы бесконечного роста, развитие природоподобных технологий и законодательное закрепление экологических лимитов. Однако, и это намного важнее, мировоззренческий поворот от антропоцентризма к био(антропо)центризму невозможен без признания внутренней ценности всего живого и понимания человека не как хозяина, а как ответственного «пастыря бытия» и части целого.

На внутренней – антропологической – оси эволюционно-гуманистическая стратегия нацелена на преодоление «бездомности» через возвращение человеку его историчности и конечности [10]. Путь заключается не в бегстве от негативности (страха, от-

ветственности, осознания смерти), а в мужественной встрече с ней. Экзистенциальная философия, начиная с работ С. Кьеркегора и заканчивая работами М. Хайдеггера, указывает на это: именно осознание собственной уникальной смертности (бытие-к-смерти) вырывает человека из анонимного существования и делает его ответственным автором своей жизни. Обозначенное является основой для обретения непрекладаваемой ответственности не только за свою судьбу, но и за мир в целом. В связи с этим культура и образование должны быть переориентированы на воспитание не узкопрофильного специалиста, а целостной личности, обладающей экологическим сознанием и биосферным мышлением, видящей взаимосвязь всех процессов, понимающей их суть и прогнозирующей последствия своих действий.

Соответственно, суть эволюционно-гуманистической стратегии заключается в том, что указанные два поворота, две оси нерасторжимы. Главным принципом этой стратегии как в мировоззренческом, так и в праксиологическом контексте является биосферный императив: «Поступай так, чтобы максима твоих действий и поступков согласовывалась с законами эволюции биосферы, так, чтобы выжить в условиях экстремальной экологической ситуации» [11, с. 463]. Биосферный императив не будет принят обществом «бездомных» циников, видящих в природе лишь фон для своих симулякров. И наоборот, экзистенциальное прозрение отдельного человека останется маргинальным жестом, если не будет поддержано новой цивилизационной моделью, создающей материальные и социальные условия для жизни в согласии с природой. Подлинное преобразование начнется тогда, когда забота как фундаментальная структура человеческого бытия распространится и на окружающий мир, а экологический императив будет переживаться не как внешнее принуждение, а как внутренняя необходимость ответственного существа.

Заключение

Исследование дуального кризиса современности – экологического и антропологического – позволяет сделать несколько фундаментальных выводов, которые не только определяют суть проблемы, но и представляют способы ее решения.

1. Единство причин и нераздельность решений. Анализ подтвердил, что экологическая катастрофа и антропологическое опустошение не являются параллельными или случайно совпавшими процессами, они есть два проявления одного системного сбоя, другими словами, проявления кризиса меры. Инструментальный разум, утративший способность задаваться вопросами о должных границах и конечных целях, породил мир без качественных ориентиров. В таком мире количественная экспансия становится единственным законом, одинаково действующим

как в случае покорения природы, так и в случае конструирования человеческой субъективности. В связи с этим любые попытки исправить последствия одной из сторон кризиса (будь то зеленые технологии без изменения потребительской этики или психотерапевтические практики в обществе, продолжающем жить в логике бесконечного роста) обречены на неудачу, так как они лишь перераспределяют наше внимание и силы, но не решают проблему.

2. Эволюционно-гуманистическая стратегия как философия предела. Предложенный нами синтетический подход представляет принципиально иную логику: не безграничной экспансии, а осмысленного самоограничения. Однако это ограничение понимается не как вынужденный отказ или регресс, а как акт высшей свободы и зрелости человека и общества.

Философским основанием такой новой социальной практики выступает двойное признание: объективного предела, данного законами биосферы и эволюции (что отражено в биосферном императиве), и экзистенциального предела, заложенного в конечности и историчности самого человеческого бытия. Именно в точке встречи с этим двойным пределом рождается подлинная ответственность: не как внешнее предписание, а как внутреннее императивное условие возможности будущего.

3. От управления к со-бытию: смена парадигмы отношения. Выход из кризиса лежит не через усовершенствование инструментов управления (природой, обществом, человеком), а через радикальную смену модуса отношения. Следовательно, нужен переход от господства над природой к сопричастности и коэволюционному партнерству, от конструирования идентичности через потребление к обретению самости через ответственный поступок и «укорененность» в историческом времени (т. е. необходимость думать не только о себе, но и о потомках), от технократического администрирования к восстановлению политического порядка как пространства диалога о целях и пределах, где обсуждается не как достичь большего, а зачем и в какой мере это необходимо.

В обозначенном контексте биосферное мышление становится не просто набором экологических знаний – новой целостной формой сознания, интегрирующей научное понимание взаимосвязей, этику ответственности перед Другим (включая будущие поколения и нечеловеческие формы жизни) и экзистенциальное переживание сопричастности к единому мирозданию.

4. Практический горизонт: образование как катализатор метаморфозы. Ключевой практической

ареной для реализации этой стратегии становится сфера образования и культуры. Речь должна идти не о добавлении экологического модуля в учебные планы, а о фундаментальной переориентации педагогических целей. Главной задачей образования будущего должно стать формирование человека меры, т. е. личности, способной к критическим размышлениям над ценностями техногенной цивилизации, наделенной экологическим воображением, эмоциональной чуткостью к живому и мужеством принимать на себя бремя свободного и ответственного выбора в условиях неопределенности.

Таким образом, осмысление дуального кризиса приводит нас к пониманию того, что современная точка бифуркации, в которой сейчас находится человечество, является не просто угрозой, а беспрецедентным шансом: шансом человечества перейти от незрелого состояния, одержимого могуществом и ростом без цели, к зрелости, основанной на мудрости самоограничения и глубине ответственных связей. Эволюционно-гуманистическая стратегия намечает контуры данного перехода, указывая на то, что путь к устойчивому будущему заключается не в отказе от человеческого, а в его радикальном переосмыслении: в обретении новой, экзистенциально-экологической меры нашего присутствия в мире. Успех указанного пути будет зависеть от нашей коллективной способности сделать выбор в пользу не сиюминутной эффективности, а долгосрочной осмысленности, не господства, а заботы, не безграничного Я, а ответственного Мы в границах общего, планетарного дома. В эпоху бифуркации это является единственным путем, который от разлома и кризиса приведет к целостности и стабильности.

Библиографические ссылки

1. Стёпин ВС. *Теоретическое знание: структура, историческая эволюция*. Москва: Прогресс-традиция; 2000. 744 с.
2. Водопьянов ПА, Сидоренко ИН. Рациональные идеи проекта нового Просвещения и контуры достижения безопасного будущего. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:49–54. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-49-54.
3. Моисеев НН. *Человек и ноосфера*. Москва: Молодая гвардия; 1990. 352 с.
4. Хоркхаймер М, Адорно ТВ. *Диалектика Просвещения: философские фрагменты*. Кузнецов М, переводчик. Москва: Медиум; 1997. 311 с. Совместно с издательством «Ювента».
5. Хайдеггер М. *Время и бытие*. Библихин ВВ, составитель и переводчик. Москва: Республика; 1993. 447 с. (Мыслители XX века).
6. Мамардашвили МК. *Как я понимаю философию*. 2-е издание. Сенокосов ЮП, составитель и редактор. Москва: Прогресс; 1992. 415 с.
7. Арндт Х. *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. Кастальский С, Рудницкая Н, переводчики. Москва: Европа; 2008. 424 с. (Холокост).
8. Слотердайт П. *Критика цинического разума*. Перцев АВ, переводчик. Екатеринбург: У-Фактория; 2009. 800 с. (Philosophy). Совместно с издательством «АСТ».
9. Хабермас Ю. *Будущее человеческой природы*. Хорьков МЛ, переводчик; Петренко ЕЛ, редактор. Москва: Весь мир; 2002. 144 с.
10. Сидоренко ИН. *Идея историчности в философии немецкого экзистенциализма*. Минск: РИВШ; 2007. 122 с.
11. Водопьянов ПА. *На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего*. Минск: Беларуская навука; 2023. 469 с.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 1(091):008:327.56

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ В БОРЬБЕ ЗА МЕНТАЛЬНОСТЬ

И. Н. СИДОРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основании концепции К. Клаузевица и исторических типов научной рациональности, предложенных отечественным философом В. С. Стёпиным, раскрывается эволюция войны и выделяются основные ступени ее трансформации: классическая война, неклассическая война и постнеклассическая война. В качестве критериев выделения данных ступеней используются вооруженные силы, территория и воля противника, субъект военных действий, территория, экономика, линия фронта, мирный договор и другие. Отмечается, что постнеклассическая война коренным образом отличается как от традиционных классических войн, так и от неклассических, в частности тем, что, несмотря на многообразие определений, она может быть описана как культурно обусловленный вид деятельности и в меньшей степени зависит от производственно-экономической сферы. Анализируются специфика и природа современной войны как консциентальной, направленной на захват и трансформацию сознания за счет перекодирования ценностной системы, исторической памяти и паттернов поведения, утверждается связь консциентальной войны с политикой идентичности. Рассматриваются возможные механизмы противостояния консциентальному оружию.

Ключевые слова: классическая война; неклассическая война; постнеклассическая война; консциентальная война; гибридная война; постнациональная война; насилие.

Образец цитирования:

Сидоренко И.Н. Трансформация войны в современном мире: вызовы в борьбе за ментальность. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;3:19–23 (на англ).
EDN: LJWRDZ

For citation:

Sidorenko IN. The transformation of war in the modern world: challenges in the battle for mindscape. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:19–23.
EDN: LJWRDZ

Автор:

Ирина Николаевна Сидоренко – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Irina N. Sidorenko, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
iri_na2000@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

THE TRANSFORMATION OF WAR IN THE MODERN WORLD: CHALLENGES IN THE BATTLE FOR MINDSPACE

I. N. SIDORENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. In this article, based on the concept of K. Clausewitz and the definition of historical types of scientific rationality by the Russian philosopher V. S. Stepin, the evolution of war was revealed and the main stages of its transformation were identified: classical, non-classical and post-non-classical wars. As selection criteria, such components as the armed forces, the territory and will of the enemy, the subject of military actions, territory, economy, front line, peace treaty and others were used. It was noted that the post-non-classical war is fundamentally different from both traditional classical wars and non-classical ones, in particular, in that, despite the variety of its definitions, it can be described as a «culturally conditioned type of activity» and is less dependent on production and economic spheres. The author of the article analyses the specifics and nature of modern war as a consensual war aimed at capturing and transforming consciousness by recoding the value system, historical memory and patterns of behaviour. The connection between the consensual war and identity politics is asserted. Possible mechanisms of countering consensual weaponry are studied.

Keywords: classical war; non-classical war; post-non-classical war; consensual war; hybrid war; post-national war; violence.

The early 21st century confronts humanity with transformations unprecedented in their radicalism, intensity, and planetary scale. These shifts permeate individual existence, heightening visceral awareness of physical and spiritual vulnerability, existential anxiety, and premonitions of civilisational rupture – evoking what might be termed «end-times» dread. The contemporary condition mirrors an anticipatory «explosion», fostering pervasive uncertainty while amplifying fear and disorientation. The dissolution of the bipolar order in the 20th century constituted a tectonic realignment, fundamentally altering not only global geopolitical architecture but the very ontology of military violence. Novel risks, challenges, and threats have emerged from this rupture. Today's multipolar world manifests chaotic centrifugal and centripetal forces, generating proliferating zones of instability that simultaneously escalate threats to nation-state security, erode established international norms, and barbarise social practices through normalised aggression. Consequently, critical examination of the drivers transforming political processes, military violence, security paradigms, and sovereignty itself becomes imperative. As military historian professor M. van Creveld of the Hebrew University of Jerusalem trenchantly observed: «Many of our so-called advanced civilisation – including its highest decision-making echelons – have persistently misunderstood war's essential nature. If this epistemic failure endure, civilisation's viability stands imperiled»¹ [1, p. 14]. Thus, societal and state security within this fluid global order hinge upon recognising that both politics and war have undergone fundamental metamorphosis. This conceptual reckoning is not merely academic, it is an urgent prerequisite for formulating effective responses to evolving threats. To elucidate the essence of contemporary conflict, we must therefore trace warfare's evolution and analyse its ongoing transformation.

In this article, a distinction is maintained between war as a political and historical phenomenon and warfare as a mode of organised violence and a set of practices through which war is conducted. This distinction allows for a more precise analysis of the transformation of contemporary conflicts.

The seminal contributions of C. von Clausewitz (the preeminent German military theorist and philosopher) established the foundational nexus between politics and armed conflict, profoundly shaping the development of modern war theory. Central to his analysis is the proposition that war's outcome hinges upon a triad of determinants: armed forces, territory, and the adversary's will [2]. The contemporary recalibration of these components' relative significance fundamentally reconfigures warfare's rationality, compelling us to recognise its structural transformation.

Building upon C. von Clausewitz's framework and integrating V. S. Stepin's typology of historical scientific rationalities [3], we deem it methodologically sound to advance a tripartite evolutionary schema that includes classical, non-classical, and post-non-classical warfare.

Classical warfare fundamentally integrates all Clausewitzian components (force, territory, and will) operating unequivocally as an extension of politics through armed conflict. Its decisive instruments remain formal armed forces and paramilitary formations, while its essential substance resides in organised combat. We owe this conceptualisation substantially to C. von Clausewitz, who in his seminal treatise «On war» defines warfare as «an act of violence intended to compel our adversary to fulfill our will» [2, p. 35]. The theorist analogises this to a duel between wrestlers, each imposing their will through violence [2, p. 34–35].

War thus constitutes violence in its most radical form: simultaneously the product and instrument of statecraft

¹Here and further translated by us. – I. S.

that exchanges diplomatic engagement for militarised coercion. From C. von Clausewitz's framework, we derive a critical axiom: the political objective stands as the supreme criterion by which classical warfare must be measured.

We contend that the World War I and World War II, alongside the Cold War, constitute archetypal manifestations of non-classical warfare. It bears emphasis that the Great Patriotic War remains classified within the classical paradigm, distinguished by its unequivocal objective: national survival and the attainment of peace. Within non-classical warfare, will and spirit assume paramount importance. Technology, meanwhile, serves dual purposes: securing tactical superiority to enhance prospects of victory, most critically in the nuclear domain, establishing the paradoxical foundation for conventional stability – effectively deterring full-scale conflict during the bipolar era of the latter 20th century. This represents a fundamental departure from pre-20th century conflicts, where war functioned as the groundwork for peace. Historically, the affirmation of peace as war's terminus endowed conflicts with inherent rationality and containment. By contrast, 20th-century warfare – inaugurated by the Great War – introduced an unprecedented and ambiguous peril: the decoupling of peace as war's ultimate objective, thereby engendering cyclical recurrence. A defining characteristic of non-classical wars is their resistance to rationalisation. This epistemic rupture progressively erodes boundaries between private and public spheres while blurring the distinction between war and peace. Having relinquished peace as its telos, war ceases to function as the «crucible of nationhood» or an instrument of state renewal. Consequently, it constitutes a fundamental error (and grave strategic miscalculation) for nation-states to assess 21st-century military threats through the conceptual framework of classical warfare.

Encompassing low-intensity conflicts, irregular warfare, hybrid operations, and conventional clashes among others, this modality constitutes a «culturally conditioned activity» [1] with diminishing dependence on industrial-economic foundations. Critically, traditional armies adhering to classical war rationality demonstrate structural disadvantage against irregular forces in localised conflicts. Their predictable failures often precipitate state disintegration. German philosopher H. Hofmeister offers a pivotal theoretical departure from C. von Clausewitz: contemporary war represents not the instrument of politics but its negation born from political impotence [4]. Here, impotence denotes not the absence of power, but the elite's inability to wield power as political means. Given H. Hofmeister's conceptualisation of politics as bounded by discursive parameters, warfare emerges as violence supplanting verbal discourse. This epistemic shift compels us to recognise modernity itself as a transformation in the sociocultural character of armed conflict.

A hallmark of post-non-classical warfare is the dissolution of war's necessary coupling with armed con-

frontation. As Russian military scholar I. S. Danilenko observed, contemporary warfare may now proceed without direct combat [5, p. 30]. This view is reinforced by V. P. Gulin, philosopher and Rear Admiral, who notes the ascendance of bloodless, painless, and civilised warfare – wherein objectives are achieved not through kinetic intervention but via alternative vectors of coercion (economic, diplomatic, informational, and psychological) [6, p. 15]. Consequently, military strategy undergoes fundamental reconceptualisation: indirect action now predominates, manifesting as political and economic coercion, moral-psychological manipulation, systematic disinformation campaigns, internal subversion of adversarial polities. This marks a radical inversion of strategic paradigms. Where force-centric strategies – premised on numerical superiority and decisive annihilation – once dominated, indirect approaches historically occupied subsidiary roles. Now, they assume primacy in contemporary conflict.

We now turn to the fundamental catalysts underpinning warfare's metamorphosis. The primary causal factor resides in the hybridisation of social orders and practices, which reconstitutes contemporary conflict at its core. The transition from traditional to modern society entails the erosion of monolithic world-representations. This dissolution not only fuels ideological competition over futural visions but also destabilises legitimate regimes controlling violence. Consequently, consolidated authority over armed forces and destructive technologies becomes institutionally unattainable.

A secondary determinant manifests in the emergence of multipolarity, characterised by following points:

- 1) new non-state actors (transnational corporations) undermining the nation-state's monopoly on violence;
- 2) collapse of systemic checks and balances wherein contemporary international politics, having invalidated prior norms, fails to establish viable alternatives – generating novel risks;
- 3) deconventionalisation of global order, rendering strategic forecasting increasingly untenable.

Historically, both classical and non-classical warfare operated within conventional frameworks, their conduct constrained by international norms. Even Cold War dynamics relied on nuclear arsenals as counterweights enabling strategic agreements. Today, however, the fragile equilibrium sustained through such conventions disintegrates. War now transcends its instrumental political function: it becomes politics itself, reframed as a «new convention» purporting to salvage – yet fundamentally reconstituting – the global order [7].

A defining feature of the emergent political order is the ascendancy of force and economic power over ethical and legal frameworks. This paradigm manifests conceptually as militarised humanism that is a term introduced by American linguist N. Chomsky to denote the co-option of humanitarian rhetoric for coercive ends [8]. Militarised humanism constitutes the inverse of democratic expansion: it legitimises both threats and kinetic force, deployed either through international institutions

(including UN sanctions) or unilaterally. This operational logic suggests the modern democratic order fundamentally relies upon humanitarian intervention as its organising principle. Such humanism emerges from policies leveraging military threats to engineer «peaceful» global change, thereby eroding the distinction between war and war preparedness. Diplomatic instruments become functionally equivalent to perpetual militarisation. While one might counter that democracies exhibit greater peace-seeking tendencies than authoritarian regimes, late 20th and early 21st century praxis reveals a contrary dynamic: democracies demonstrate marked aggression in promoting democratic expansion, readily instigating conflicts with non-democratic states.

One more driver of military transformation involves the reconfiguration of war's objectives without abandonment of utility. Post-non-classical warfare now prioritises creating zones of tension to facilitate: economic coercion, covert resource appropriation, manipulation of adversarial states. This shift perverts international humanitarian assistance which is often achieving outcomes diametrically opposed to its stated aims. Top-down conflict resolution frequently bolsters belligerents' legitimacy while enabling their consolidation. As British scientist M. Kaldor warns, aid risks subsidise war economies [9]. Functionally, such warfare operates as perpetual political mobilisation through manufactured instability. Herein lies the paradox: the elites must foment military hysteria to sustain mobilisation, yet stabilising high-risk regions undermines their authority. Whereas classical wars forged nations, post-non-classical warfare engineers identities. This identity-construction freedom enables commensurate freedom in manufacturing enemies. Consequently, powerful states exploit flexible enemy designations to launch preemptive wars under «self-defense» pretexts and impose emergency powers.

Conversely, identity politics permits the tyranny of identity. As British scientist M. Kaldor aptly observes: «Identity politics concerns claims to power through label appropriation... directly tied to idealised, nostalgic representations of the past» [9, p. 40]. Unlike unifying political ideologies, identity politics operates through exclusion, thereby fragmenting social space. Alignment ceases to matter, opposition becomes paramount. Consequently, identity transforms into both the foundation for military mobilisation and the exclusive justification for warfare.

This brings us to conscientious warfare (*консциентальная война*) which is a modality where post-non-classical conflict manifests. This paradigm emerged gradually in the early 20th century, evidenced during World War I when military propaganda systematically distorted reality. It reached maturity in the Cold War,

substituting kinetic engagement between nuclear superpowers with cognitive confrontation – its objective being mental polarisation when «hot» war proved untenable. Regarding 21st-century conflicts, a critical distinction must be emphasised: conscientious warfare functions not as autonomous conflict but as the substrate and core constituent of war's evolving nature. Modern warfare cannot be waged solely on battlefields, all operations are preceded or accompanied by information campaigns targeting hearts and minds. This cognitive orientation confirms war's hybrid essence, defined by two synergistic dimensions: 1) fusion of kinetic and symbolic violence integrating physical attacks with informational coercion; 2) threat displacement subjecting nation-states to simultaneous external aggression and internal destabilisation, dramatically increasing risks of interstate conflicts devolving into civil wars [7].

The term «conscientious warfare» (derived from Latin word *conscientia* which means consciousness), was pioneered by Russian scholars Yu. V. Gromyko and Yu. V. Krupnov². This novel conflict paradigm exhibits a defining paradox: while involving geographically bounded, low-intensity «hot» combat, it simultaneously unleashes unbounded violence upon social systems through informational attacks on consciousness. Crucially, such warfare transcends mere media representation, it actively shapes kinetic events through incendiary narratives amplifying hatred, strategic preconditioning of military operations, systemic dismantling of international conventions.

Its operational vectors generate distinct societal hazards:

- illusory expansion of consciousness whereby media saturation produces an «informational overdose» that fragments cognitive autonomy;
- manufactured consensus in which fabricated civil solidarity conceals eroded social cohesion;
- the dominance of collective mythology whereby ideological constructs supersede empirical reality;
- the mass production of consciousness in which standardised narratives replace critical engagement;
- pseudo-rationalised rhetoric whereby fear-driven discourse pathologises dissent;
- manipulation of historical memory through the ideological reframing of cultural heritage.

A further hallmark of conscientious warfare lies in its temporal indeterminacy: commencement is elusive, termination is equally problematic. Consequently, the critical question shifts from ending such conflicts to countering their cognitive aggression. Drawing upon Yu. V. Gromyko's work³, we identify two defensive mechanisms: 1) authentication cultivating a culturally-anchored identity core to arrest the infinite regress of arbitrary self-identification; 2) meta-screen technologies. Deconstruction of event representations aimed

²Gromyko Yu. V. Conscientious weapons and conscious war. Lecture // Humanities portal. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782> (date of access: 24.03.2017) (in Russ.) ; Krupnov Yu. How Russia can prevent World War V // Yu. Krupnov : website. URL: <http://kroupnov.ru/pubs/2005/02/09/10403/#1-14> (date of access: 24.03.2017) (in Russ.).

³Gromyko Yu. V. Conscientious weapons and conscious war...

at «purifying» constructed narratives and revealing mediated reality as artificial construct.

Nevertheless, it must be emphasised that effective implementation of these mechanisms requires cultivation of critical thinking and imaginative capacity, alignment between culturally sanctioned identity and individual self-perception (a condition profoundly compromised in societies fragmented by conscientious weaponry). Counterpropaganda may offer tactical mitigation against conscientious warfare's informational assaults, yet comprehensive cognitive defense remains

contingent upon rigorous analysis of the operational conscientious weapons logic, the epistemological architecture of conscientious warfare itself. Absent such foundational understanding, developing robust countermeasures against cognitive threats proves unattainable.

Regrettably, military violence persists as an enduring feature of human civilisation, perpetually adapting its manifestations. In the 21st century, warfare evolves into a grandmaster strategically maneuvering actors across the chessboard of a multipolar world order.

References

1. ван Кревельд М. *Трансформация войны*. Хранчихин А, редактор. Москва: Альпина Бизнес Букс; 2005. 344 с. (Кузнецов Ю, редактор. Военная мысль).
2. Клаузевиц К. *О войне*. Рачинский А, переводчик. Москва: Логос; 1997. 448 с. Совместно с издательством «Наука».
3. Стёпин ВС. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. В: Стёпин ВС, Киященко ЛП, Аршинов ВИ, Астафьева ОН, Бахтияров ОГ, Бевзенко ЛД и др. *Постнеклассика: философия, наука, культура*. Санкт-Петербург: Мир; 2009. с. 249–295.
4. Hofmeister H. *Der Wille zum Krieg oder die Ohnmacht der Politik: ein philosophisch-politischer Traktat*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht; 2001. 160 S.
5. Даниленко ИС. От прикладной военной науки – к системной науке о войне. *Военная мысль*. 2008;10:23–32.
6. Гулин ВП. О новой концепции войны. *Военная мысль*. 1997;2:13–17.
7. Сидоренко ИН. *Философия насилия: от метафоры к контексту*. Минск: БГУ; 2017. 175 с.
8. Chomsky N. *Power systems: conversations on global democratic uprisings and the new challenges to U. S. empire*. Glushakov V, translator. Moscow: Azbuka-Attikus; 2014. 256 p. Co-published by the «KoLibri». Russian.
9. Kaldor M. *New and old wars: organised violence in a global era*. Cambridge: Polity; 2012. 268 p.

Received by editorial board 24.06.2025.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾, С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрыты концептуально-прикладные аспекты кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности. Обоснованы сингулярные и плюралистические модели эссенциалистской и конструктивистской идентичности. Выявлены концептуальные различия четырех типов кросс-культурных моделей и определены возможности и пределы их применимости: сингулярные модели эссенциалистской идентичности ориентированы на разработку универсальных критериев, плюралистические модели – на разработку универсальных критериев в заданных масштабах; сингулярные модели конструктивистской идентичности направлены на поиск условий соизмеримости культур, плюралистические модели – на поиск условий сосуществования несоизмеримых культур.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность; сингулярные модели идентичности; плюралистические модели идентичности; эссенциалистская идентичность; конструктивистская идентичность.

CONCEPTUAL AND APPLIED ASPECTS OF CROSS-CULTURAL MODELS OF CIVILISATIONAL IDENTITY

A. A. LIAHCHYLIN^a, S. V. VOROBYOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. A. Liahchylin (liahchylin@bsu.by)

Abstract. The article reveals the conceptual and applied aspects of cross-cultural models of civilisational identity. Singular and pluralistic models of essentialist and constructivist identity are substantiated. The conceptual differences between four types of cross-cultural models are revealed and the possibilities and limits of their applicability are determined. Singular models of essentialist identity are focused on developing universal criteria, pluralistic models – on developing universal criteria on given scales. Singular models of constructivist identity are focused on finding conditions for commensurability of cultures, pluralistic models – on finding conditions for coexistence of incommensurable cultures.

Keywords: civilisational identity; singular models of identity; pluralistic models of identity; essentialist identity; constructivist identity.

Образец цитирования:

Легчилин АА, Воробьева СВ. Концептуально-прикладные аспекты кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;3:24–30.
EDN: GTVKIQ

For citation:

Liahchylin AA, Vorobyova SV. Conceptual and applied aspects of cross-cultural models of civilisational identity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:24–30. Russian.
EDN: GTVKIQ

Авторы:

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.
Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liahchylin@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>
Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
cherbourg@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2173-6418>

Введение

К настоящему времени разработано множество теорий глобальной и региональной динамики, в которых изложены концептуальные идеи цивилизационной идентичности (А. Тойнби, Р. Доуз, Т. Парсонс, Р. Дарендорф, Ч. Мерриам, С. Хантингтон, И. Валлерстайн, Р. Шартье, О. Хеффе и др.). Они стали актуальными в организации кросс-культурных исследований цивилизационной идентичности, а также

при поиске ответов на следующие вопросы: «Социальные отношения образуют (идентифицируют) людей или люди образуют социальные отношения?», «Что считать приоритетным – онтологию или эпистемологию в идентификационных механизмах цивилизации?». В зависимости от ответов на эти вопросы выстраиваются и кросс-культурные модели цивилизационной идентичности.

Постановка проблемы

Актуальность вопросов кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности обусловлена онтологическим и эпистемологическим переходом от эволюционистских моделей объяснения к моделям коммуникативного типа. В них многомерный образ истины предполагает соотнесенность с культурным контекстом, генерирует значения понятий «транс», «между», «кросс». Это означает, что в глобальном мире соизмеримость и интерпретация различий требует постоянного пересмотра. Понимание происходящих процессов, их предвидение предполагает выявление и осмысление факторов формирования ценностей, традиций, укладов жизни на уровне

цивилизаций. Значение этих факторов определяется их влиянием на социальные, политические, экономические процессы.

Указанная предопределенность представляет собой синергизм множества идентификационных механизмов – лингвистических, этнических, национальных, образовательных, конфессиональных, сетевых, территориальных и иных, выстраивающих ментальность под влиянием цивилизационных сдвигов во всех типах социальных взаимодействий. Исходя из вышесказанного, цель статьи – раскрыть концептуально-прикладные аспекты кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности.

Анализ основных исследований по проблеме

Кросс-культурные исследования цивилизационной идентичности осуществляются в разных научных плоскостях и аспектах. Теоретико-методологические аспекты осмысления цивилизационной идентичности представлены в трудах Н. Элиаса [1], Г. Чайлда [2], Ш. Эйзенштадта [3], Ж. Деррида [4; 5]. В ряде концептуальных разработок выявлены характерологические особенности цивилизаций и географических контактных зон [6], объяснена специфика цивилизационной идентичности в переходную эпоху [7; 8], обосновано влияние сетевых коммуникаций на идентичность [9].

В контексте исследований цивилизационной идентичности обращает на себя внимание диалектический анализ глобального и локального, раскрывающий особенности формирования национальной и наднациональной идентичности в условиях глобализации [5]. В нем обосновываются новые взгляды на национальный вопрос [10; 11]. Следует подчеркнуть, что подобный диалектический подход методологически важен в контексте вызовов, с одной стороны, радикального нивелирования национального сознания, влекущего космополитизм, с другой – его укрепления за счет вытеснения инонационального, что может стать триггером перерождения в нацизм.

Особое значение в решении проблемы цивилизационной идентичности отведено контексту культу-

ры. Подход к анализу и оценке цивилизации в этом аспекте включает осмысление нового ее состояния как «крутого» поворота «в развитии ее ценностного содержания», необходимого для того, чтобы избежать искаженных образов будущего [12, с. 11]. В связи со сказанным «в условиях нарастания глобальной нестабильности» актуализирована тема, связанная с определением роли культуры в переходе к новой цивилизации, «выстраиванием нового идеала цивилизационного развития», определением его связей с цивилизационным наследием [13, с. 17].

В ряде публикаций исследуется проблема европейской и постсоветской идентичности. В частности, европейская идентичность изучена в культурных аспектах ее дискурса [14], в политическом контексте [15], а также на прагматическом примере цивилизационной самоидентификации белорусской государственности [16]. Постсоветская идентичность исследована в ракурсе таких «драматических последствий», связанных с распадом СССР, как «парад суверенитетов», непрочность новых интеграционных образований [17, с. 4].

В научной литературе представлены базовые концепты, направления и перспективы кросс-культурного анализа [7; 18], методологические аспекты кросс-культурных исследований, а также возможности и пределы их применимости [14; 19].

Обсуждение проблемы

Под цивилизационной идентичностью следует понимать механизмы самоопределения в условиях культурной, социальной и языковой множественности транзитивного, изменчивого и неопределенного глобального мира. В таком мире концепт цивилизационной идентичности становится более мощным в сравнении с другими формами идентификации. Он вносит изменения в системы разделяемых ценностей и трансформирует процессы отчуждения. В связи с этим научно-методологическое значение данного концепта обусловлено процессами самоопределения индивидов, общностей, обществ, государств на уровне цивилизаций (например, западной, восточной, исламской, православной), для которых характерны самобытность и отсутствие любых заимствований. Это с одной стороны. С другой стороны, не исключены сценарии цивилизационной идентичности в межкультурном пространстве в контексте понятий «транс», «между», «кросс». Сказанное предполагает выявление противоречий и осмысление вытекающих из них многообразных и многомерных форм конфликтной динамики глобального мира, что делает государства, нации, этносы, индивидов элементами одного порядка, т. е. принадлежащими определенной цивилизации. Такое обобщение изменяет тренды и сценарии в их самоопределении, которое становится рискованным вследствие множественности и многозначности практик, размывающих идентичности более низких уровней.

Кросс-культурные модели цивилизационной идентичности представляют собой формализацию культурного многообразия, которое отображается в квадрантах ортогонального пересечения онтологического и эпистемологического подходов. В первом подходе необходимо различать эссенциалистские и конструктивистские онтологии, во втором – сингулярные и плюралистические эпистемологии. В результате кросс-культурное моделирование обретает контуры аргументации в пределах одной из четырех решеток исследовательского поля, образующихся вследствие объединения онтологических и эпистемологических параметров: онтологический эссенциализм / сингулярная эпистемология, онтологический конструктивизм / сингулярная эпистемология, онтологический эссенциализм / плюралистическая эпистемология, онтологический конструктивизм / плюралистическая эпистемология.

Различие онтологий лежит в плоскости разграничения антипсихологических и психолого-антропологических факторов формирования цивилизационной идентичности. Их предикторами в кросс-культурных моделях служат соответственно статические и динамические категории. Статические категории эссенциалистской онтологии определяют сдвиги в сторону порядка, воспроизводя устойчивые аспекты цивилизационной идентичности. Динамические

категории конструктивистской онтологии определяют сдвиги в сторону свободы, фиксируя интервалы в неравновесных самоорганизующихся процессах самоидентификации.

Онтологический эссенциализм цивилизационной идентичности принимает во внимание объективно существующие, реалистические, т. е. стабильные или неизменные, качества носителя идентичности, исключая их культурную множественность и вариативность. К ним относятся цивилизации, а также нации, расы, гендер, язык и др. Вытекающие из них различия – цивилизационные, национальные, расовые, гендерные, языковые и иные – позволяют выявлять константные формы организации и социального устройства, которые проективно интерпретируются индивидами, оставаясь независимыми от дискурсивных практик. Онтологический конструктивизм цивилизационной идентичности опирается на культурное многообразие и многомерность истины. Его предпосылками выступают исторические условия и социально-культурные контексты, обуславливающие спорность и подвижность границ идентичности. Предикторы спорности и подвижности актуализируют зависимые от дискурсивных практик факторы нестабильности и изменчивости. В связи с этим динамика цивилизационной идентичности воспроизводится посредством предикторов субъективного оспаривания и пересмотра границ идентичности. Предикторы должны отражать то, с чем не согласен или против чего выступает субъект идентичности в зависимости от дискурсивного контекста.

Различие эпистемологических подходов к цивилизационной идентичности проистекает из дихотомии наличия/отсутствия эталонов в цивилизационной динамике. Наличие эталонов выступает условием сингулярной эпистемологии в кросс-культурных моделях, отсутствие эталонов – условием плюралистической эпистемологии в них. Из дифференциации сингулярных и плюралистических эпистемологий вытекает соответственно универсализм и партикуляризм решений в рамках интерпретации культурных сходств и различий.

Сингулярная эпистемология стремится разработать критерии эталонной цивилизации, опираясь на универсальные стандарты. Универсальные стандарты как сингулярные структуры понимания не допускают различий, имеющих значение, и как следствие такого изоляционизма не являются когерентными. Однако поскольку универсализации подлежат, как правило, западные стандарты и критерии, постольку модели оказываются европоцентристскими (Г. Чайлд, Н. Элиас). Г. Чайлд раскрыл археологические, антропологические и лингвистические признаки арийской культуры как основания европейской цивилизации. При этом он подчеркнул

сложность определения того, «что именно культура какого-нибудь индоевропейского народа заимствовала от проживавшего ранее на этой территории народа, какие ее черты являются следствием культурного заимствования, а какие она унаследовала от своих предков» [2, с. 104–105]. Н. Элиас, опираясь на принцип культурного изоляционизма, разработал теорию о «структурах аффектов», которые свойственны людям всех обществ, и контроля над ними. При этом стандарты и образцы такого контроля «могут отличаться на разных ступенях развития у различных слоев даже одного и того же общества» [1, с. 5]. Для выявления его критериев ученый проследил на историко-литературном материале становление форм поведения, считающихся цивилизованными в западноевропейской культуре.

Плюралистическая эпистемология предопределена культурным полиморфизмом, подразумевающим пространственно-временную множественность форм цивилизаций и их взаимодействий. Полицентризм как антитеза единственности эталона означает поиск специфических признаков, содержательно раскрывающих цивилизацию в заданных аспектах. Методологию плюралистического подхода раскрыл Ж. Деррида в своей полемике с Ф. Фукуямой по проблеме формально-логической неразрешимости концепта «демократия». Неразрешимость означает неполноту содержания данного концепта, подразумевающую дополнение универсальной дефиниции извне, например из партикулярных контекстов его применимости. Ж. Деррида подчеркнул, что демократия реализуется именно тогда, когда она отличается от себя, содержит в себе другой опыт, отсылая к иному месту и времени. В действительности демократия изначально не тождественна себе, из чего автор выводит заключение о том, что «не существует демократии без этого различия с самой собой»¹ [4, р. 63]. Наименование «демократия» не является термином в сингулярном понимании, так как не может быть идентифицировано само по себе, поэтому осмысление демократии как процесса возможно лишь по ту сторону формально-логических дефиниций, что исключает применимость к ней метафизических принципов тождества, сущности, основания и присутствия. Синкретизм данных позиций обуславливает неизменное начало вещи. Невозможность синкретизма означает то, что идея демократии не является данностью, идеей или регулятором. Ее рефлексия возможна лишь «по ту сторону каких-либо тождеств, идентичностей, топосов, мест; по ту сторону всех территорий, наций, границ и государств; по ту сторону любых истоков, корней, оснований» [4, р. 62–63]. Речь идет о необходимости проводить различие «между самореференцией и инореференцией», которое согласно Н. Луману «повторно вносит различие в то, что референция уже различила» [20, с. 144]. Например, Ф. Фукуяма

не учел национализма как «темной стороны демократии» [21, р. 112].

В качестве промежуточного вывода можно констатировать, что концептуальное содержание цивилизационной идентичности определяет эссенциалистская или конструктивистская онтология, к которой применимы сингулярные или плюралистические схемы понимания. В результате оказываются различимыми четыре типа кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности. Квалифицируем каждый тип.

Сингулярные модели эссенциалистской идентичности основаны на идее соответствия универсальным стандартам и эталонам. В частности, согласно Э. Гидденсу универсальными стандартами служат «структурные регулярности» и «социальные стратификации», влияющие на действия [22, с. 38–88]. В сингулярных моделях социальное целое доминирует над действующими субъектами (актерами), для того чтобы, во-первых, вытеснить герменевтику и интерпретационные подходы, во-вторых, дифференцировать функционализм и структурализм. Герменевтика, разводя социальные и естественные науки, противопоставила субъективности как «изначальному центру опыта культуры и истории» материальный мир, управляемый «безличными отношениями причины и следствия» [22, с. 39]. В связи с этим для устранения данной антитезы в сингулярных моделях в соответствии с аналогическими и гомологическими схемами различается функциональное и структурное содержание.

Функциональное содержание включает механизмы социальной адаптации и саморегулирования по аналогии с биологическими системами [22, с. 38]. В частности, многие контексты социальной жизни предопределены информационным фильтрованием, «когда акторы на стратегически важных местах рефлексивно регулируют общие условия системного воспроизводства для того, чтобы либо поддерживать существующее положение вещей, либо изменить его» [22, с. 73]. Структурное содержание раскрывается в контексте гомологии социальных и естественных наук, прежде всего в когнитивном плане, предполагающем, что «в каждой из них выражаются сходные черты общей структуры сознания» – рефлексии как «движущегося потока жизни» [22, с. 38, 40]. Индивидуальное поведение воспроизводит структурные качества более крупных коллективных образований, при этом структуру нельзя отождествлять с принуждением, так как она наряду с ограничениями создает возможности для действий [22, с. 70].

Плюралистические модели эссенциалистской идентичности основаны на рефлексии культурных структур, или паттернов, цивилизации. Таковыми паттернами являются, например, культурно-институциональные комплексы Ш. Эйзенштадта, культурно-сетевые структуры Р. Коллинза, габитус

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Л., С. В.

в топологии социального пространства П. Бурдьё. В частности, согласно Ш. Эйзенштадту ключевую роль в цивилизационной динамике играют верования и культурные представления, содержание которых репрезентировано в базисных образцах социальных взаимодействий [3].

Сетевые схемы Р. Коллинза и его сетевой анализ раскрывают механизмы трансляции имеющегося культурного капитала и превращения его в новую культуру посредством сдвигов в аргументации и дальнейшего формулирования новых идей. Теория интерактивных ритуалов и социальная концепция формирования долговременных репутаций подкреплены анализом философских традиций как духовной основы цивилизационной идентичности, поэтому сетевые паттерны охватывают культурное воспроизводство не столько в национальных, сколько в цивилизационных масштабах [23, с. 73].

Плюралистическая модель П. Бурдьё тяготеет к свободе, но онтология габитуса эссенциальна. Концепт габитуса представляет собой характерологическую структуру совокупности некоторых условий существования, обуславливающих идентичность в ситуациях выбора стратегий [24]. Сущность габитусов как систем устойчивых диспозиций заключается в генерировании и организации практик и представлений путем «реактивации смысла, объективированного в институтах» [25, с. 111].

Сингулярные модели конструктивистской идентичности разрабатывались как оппозиция нецивилизованым, варварским формам идентификационных механизмов. Цивилизованное действие в качестве нормы задается определенными социальными границами. Например, в социогенетической концепции Н. Элиаса первичными границами в конструктивистской идентичности выступают структуры повседневности – взаимосвязи с другими людьми. Они служат эмпирическими регуляторами бытия, детерминируя «цепочки взаимозависимостей» и определяя радиус общения [1, с. 5, 20]. Н. В. Мотрошилова в качестве таких границ рассматривает небиологические надындивидуальные бытийные формы и механизмы, благодаря которым «цивилизация выполняет свои главные функции – сохранение, преемственность и развитие человеческого рода» [26, с. 2].

Варварство как антитеза цивилизации проявляет себя посредством паттернов злонамеренного поведения в отношении неразделяемых ценностей. Явно или латентно оно лежит в основе любой формы самомнения и эгоизма. С латентным варварством, принимающим цивилизованный облик, связывают

современные кризисные общественные процессы. Их перечень довольно широк, от технологического порабощения человека и трансгуманизма до утраты культурных, христианских основ европейской цивилизации. Они воспринимаются как чуждые культурным образцам жизни [27, с. 157–158].

Плюралистические модели конструктивистской идентичности сложились в контексте несоизмеримости культур, полагающем культурную самобытность цивилизации и вытекающую из нее возможность несовместимости с культурами других цивилизаций. Пограничье разных культурных миров есть пространство проявления инаковости, которое разделяет мир на своих и чужих по разным критериям, например по критерию правых и неправых, верных и неверных, справедливых и несправедливых. Плюралистические модели конструктивистской идентичности связывают рост межкультурного разнообразия в структуре социальных взаимодействий с повышением терпимости к феноменам инаковости. Их цель заключается в поиске и обосновании условий непротиворечивого согласования разных тенденций в глобальных пространственных конфигурациях неопределенности и риска – территориях, зонах, границах инаковости.

В основу плюралистического моделирования положена идея о *Другом* [28; 29]. В соответствии с концепцией Э. Левинаса фундаментальным в вопросе идентичности выступает отношение *Я – Другой*: *Я* – это не только тождество, *Я* – еще и *Другой*. Иное в тождественности составляет субъективность, а замена тождественного на иное означает обретение бытием смысла или дополнение рационализма идентичности рационализмом трансцендентности, следовательно, логикой различия [28, р. 17].

Отношение к *Другому* проявляется в агрессивной нетерпимости как к чуждому или в толерантности как к иному. Радикальное неприятие или принятие *Другого* способствует соответственно росту отчуждения или самораскрытию. Отчуждение оставляет в тождестве, самораскрытие ведет к взаимодействию и диалогу. Выход за пределы доверия только своему опыту означает включение в процессы его совместного конструирования. Только обращенность к иной реальности и к иным критериям категоризации способствует осмыслению своей реальности и ее критериев. В результате нарциссизм доминантной культуры может оказаться нарциссизмом малых или отсутствующих различий.

Заключение

Концептуально-прикладные аспекты, характеризующие кросс-культурные модели цивилизационной идентичности, раскрываются в контексте онтологии и эпистемологии. Во-первых, особенно

сти концептуализации обусловлены различием эссенциалистской и конструктивистской онтологии, сингулярной и плюралистической эпистемологии. Если онтологический эссенциализм делает

акцент на стабильных качествах носителя цивилизационной идентичности и константных формах организации, независимых от дискурсивных практик, то онтологический конструктивизм – на факторах неустойчивости, зависимых от дискурсивных практик. Дифференциация в эпистемологии предопределена наличием или отсутствием эталонов в цивилизационной динамике. Сингулярная эпистемология основана на понимании, не допускающем различий, следовательно, она стремится разработать критерии эталонной цивилизации. Плюралистическая эпистемология базируется на понимании, допускающем культурный полиморфизм и множественность форм цивилизаций, значит, она ориентирована на поиск специфических признаков в соответствии с заданным контекстом.

Во-вторых, концептуализация опосредует прикладные аспекты кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности, которые обусловлены ортогональным пересечением указанных онтологий и эпистемологий. Каждый из образующихся четырех типов моделей выступает методологическим прообразом одномерной или многомерной истины и воспроизводит двойственные тенденции. С одной стороны, имеет место универсализация, при которой цивилизация предполагает стратегии приобщения к определенным эталонным образцам (например, приобщение к схемам эффективных экономик или систем образования). С другой стороны, тенденция уникальности предполагает учет культурного многообразия индивидуальных и надындивидуальных общностей. Это означает, что кросс-культурные модели цивилизационной идентичности позволяют выявлять

глубинные причины конфликтов между различными геополитическими образованиями, основанных на культурных различиях, понимать, оценивать и модифицировать условия межкультурного диалога и эффективного взаимодействия и сотрудничества.

В-третьих, единство концептуальных и прикладных аспектов кросс-культурных моделей означает когерентность и диалектическую взаимосвязь их различных сторон. Цивилизационная идентичность в контексте эссенциалистской онтологии представляет собой институционализированные формы, основанные на культурном сходстве. Ее сингулярные модели ориентированы на поиск или разработку критериев стабильности и неизменности цивилизационной идентичности, плюралистические модели – на поиск или разработку критериев ее стабильности и неизменности в заданных аспектах и масштабах. Цивилизационная идентичность в контексте конструктивистской онтологии представляет собой неинституционализированные формы, основанные на культурных различиях. Ее сингулярные модели ориентированы на поиск условий соизмеримости культур в контексте их многообразия. Предпосылкой соизмеримости выступает трактовка глобализации как общности целей и действий. Плюралистические модели ориентированы на поиск условий сосуществования несоизмеримых культур в контексте их многообразия. Предпосылкой сосуществования выступает трактовка глобализации как взаимодействия и открытости между государствами и культурами.

Библиографические ссылки

1. Элиас Н. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1, Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада*. Руткевич АМ, переводчик; Бойцова ОЮ, редактор. Москва: Университетская книга; 2001. 332 с. (Книга света).
2. Чайлд Г. *Арийцы. Основатели европейской цивилизации*. Емец ИА, переводчик. Москва: Центрполиграф; 2007. 270 с. (Загадки древних цивилизаций).
3. Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации. *Неприкосновенный запас* [Интернет]. 2010 [прочитано 12 мая 2025 г.]; 6:42–67. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczi.html>.
4. Derrida J. *Voyous: deux essais sur la raison*. Paris: Galilée; 2003. La raison du plus fort (Y a-t-il des États voyous?); p. 17–161.
5. Derrida J. *Voyous: deux essais sur la raison*. Paris: Galilée; 2003. Le «monde» des Lumières à venir (Exception, calcul et souveraineté); p. 163–217.
6. Легчилин АА, Сайганова ВС, Воробьева СВ. Географическая идентичность в условиях глобализации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;4:22–30. EDN: OYCWRU.
7. Кондаков ИВ, Соколов КБ, Хренов НА. *Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты*. Москва: Прогресс-традиция; 2011. 1024 с.
8. Левчук НН. Цивилизационное позиционирование в эпоху глобализации. *Беларуская думка*. 2014;3:57–62.
9. Емелин ВА, Тхостов АШ. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета. *Вопросы философии*. 2013;1:74–84. EDN: PLURVF.
10. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма*. Николаев ВГ, переводчик; Баньковская СП, редактор. Москва: Кучково поле; 2016. 416 с.
11. Миллер АИ. *Нация, или Могущество мифа*. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге; 2016. 146 с. (Азбука понятий). EDN: VPLKHY.
12. Данилов АН. Культура как «плавильный котел» истории: ценностный профиль новой цивилизации. В: Иваненко АА, Адольфи Р, Васильев ВВ, Зайцев ДВ, Козырев АП, Кротов АА и др., редакторы. *Философия истории философии. Том 2*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета; 2022. с. 7–19. DOI: 10.21638/spbu34.2021.101.

13. Данилов АН. Сова Минервы вылетает в сумерки: культура и новая цивилизация. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;1:17–22. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-17-22.
14. Шишкина ЕВ, Викторова ЕВ. Культурные аспекты дискурса европейской идентичности. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018;3:437–449. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-437-449.
15. Воронин МС. Когнитивное моделирование навигационных процессов в идеологическом пространстве «новой Европы». *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016;4(часть 4):30–36. EDN: VVTDFE.
16. Легчилин АА, Воробьева СВ, Сайганова ВС. Интеллектуальная история белорусской государственности: методологические аспекты исследования. В: Лазаревич АА, Дудчик АЮ, Завадский МБ, Адуло ТИ, Бобков ИМ, Еворовский ВВ и др., редакторы. *Интеллектуальная культура Беларуси: от Просвещения к современности. Материалы Восьмой Международной научной конференции; 21–22 ноября 2024 г.; Минск, Беларусь. Том 1*. Минск: Четыре четверти; 2024. с. 85–88.
17. Данилов АН. Новые геополитические реалии будущей цивилизации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:4–12. EDN: YSFSWL.
18. Воробьева СВ, Легчилин АА. Логико-методологические аспекты кросс-культурных исследований. В: Данилов АН, Абламейко СВ, Елсуков АН, Данильченко АВ, Легчилин АА, Рубанов АВ и др., редакторы. *Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина*. Минск: БГУ; 2014. с. 136–144.
19. Воробьева СВ, Легчилин АА. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:17–22. EDN: YSJLJR.
20. Луман Н. Концепт общества. В: Соколова ГН, Титаренко ЛГ, составители. *Западная социология: современные парадигмы*. Минск: Беларуская навука; 2015. с. 131–145.
21. Mann M. *The dark side of democracy: explaining ethnic cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. X, 580 p.
22. Гидденс Э. *Устройство общества: очерк теории структуризации*. 3-е издание. Москва: Академический проект; 2015. 528 с. (Концепции).
23. Коллинз Р. *Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения*. Розов НС, Вертгейм ЮБ, переводчики. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2002. 1281 с.
24. Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики*. Шматко НА, составитель и редактор. Москва: Институт экспериментальной социологии; 2005. 576 с. (Gallicinium). Совместно с издательством «Алетейя».
25. Бурдые П. *Практический смысл*. Бикбов АТ, Вознесенская КД, Зенкин СН, Шматко НА, переводчики; Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. Книга 1, Критика теоретического разума. Глава 3, Структура, габитус, практика; с. 100–127 (Gallicinium). Совместно с Институтом экспериментальной социологии.
26. Мотрошилова НВ. *Цивилизация и варварство в современную эпоху*. Москва: Институт философии РАН; 2007. 268 с.
27. Любарт МК. Понятие «внутреннее варварство» современной цивилизации в научной и публицистической мысли Франции. В: Буданова ВП, Арзаканян МЦ, Балезин АС, Васютин СА, Вдовченков ЕВ, Воробьева ОВ и др., редакторы. *Цивилизация и варварство. Выпуск 8, Антропология латентного варварства*. Москва: Аквилон; 2019. с. 156–182.
28. Lévinas E. *Le temps et l'autre*. Montpellier: Fata Morgana; 1979. 91 p.
29. Messina AL. *L'anarchie de la paix: Lévinas et la philosophie politique*. Paris: CNRS éditions; 2018. 218 p.

Статья поступила в редколлегию 28.06.2025.
Received by editorial board 28.06.2025.

ОПРОС СИНТЕТИЧЕСКИХ РЕСПОНДЕНТОВ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЛИ УГРОЗА ДОСТОВЕРНОСТИ ДАННЫХ?

Е. Е. КУЧКО¹⁾, М. В. ВИШНЯКОВА^{1), 2)}, Я. И. МАРЧУК²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Гипросвязь, ул. Сурганова, 24, 220012, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены основные направления применения моделей искусственного интеллекта в профессиональной деятельности социолога. Особое внимание уделено использованию больших языковых моделей и их роли в генерации ответов синтетических респондентов. Отмечено, что использование синтетических респондентов позволяет провести исследование в сжатые сроки, осуществить взаимодействие с труднодоступными группами, устранить эффект интервьюера. Подчеркнуты методологические ограничения опроса синтетических респондентов: невозможность учета эмоциональных реакций, редуцирование социального контекста, низкое качество обучения больших языковых моделей, вызванное недоступностью тренировочных датасетов.

Ключевые слова: большая языковая модель; искусственный интеллект; синтетический респондент; социологическое исследование; машинное обучение.

SURVEY OF SYNTHETIC RESPONDENTS: NEW OPPORTUNITIES OR THREATS TO DATA RELIABILITY?

E. E. KUCHKO^a, M. V. VISHNYAKOVA^{a, b}, Ya. I. MARCHUK^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bGiprosvyaz, 24 Surganova Street, Minsk 220012, Belarus

Corresponding author: E. E. Kuchko (avesol@yandex.ru)

Abstract. The article explores the main applications of artificial intelligence models in the professional work of sociologists. Particular attention is paid to the use of large language models and their role in generating responses from synthetic

Образец цитирования:

Кучко ЕЕ, Вишнякова МВ, Марчук ЯИ. Опрос синтетических респондентов: новые возможности или угроза достоверности данных? Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2025;3:31–35.
EDN: HQLWGG

For citation:

Kuchko EE, Vishnyakova MV, Marchuk YaI. Survey of synthetic respondents: new opportunities or threats to data reliability? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2025;3:31–35. Russian.
EDN: HQLWGG

Авторы:

Елена Евгеньевна Кучко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Маргарита Владимировна Вишнякова – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук¹⁾, начальник научно-исследовательского отдела анализа и прогноза развития Центра перспективных исследований в сфере цифрового развития²⁾.

Яна Игоревна Марчук – специалист научно-исследовательского отдела цифровых технологий Центра перспективных исследований в сфере цифрового развития.

Authors:

Elena E. Kuchko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

avesol@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2376-4639>

Margarita V. Vishnyakova, PhD (sociology); associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences^a, and head of the department of analysis and development forecast, Centre for Advanced Research in Digital Development^b.

vishnyakova@giprosvjaz.by

Yana I. Marchuk, specialist at the department of digital technologies, Centre for Advanced Research in Digital Development.

marchuk@giprosvjaz.by

respondents. It is noted that the use of synthetic respondents allows for faster research, access to hard-to-reach groups, and the elimination of the interviewer effect. At the same time, methodological limitations are emphasised, including the inability to account for emotional reactions, the reduction of social context, and the low quality of training of large language models caused by the unavailability of training datasets.

Keywords: large language model; artificial intelligence; synthetic respondent; sociological research; machine learning.

Введение

В ходе эволюции опросных технологий кардинально изменились методология и особенности проведения исследований. Широкое использование возможностей сети Интернет, а также активное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сочетании с ростом вычислительных мощностей трансформируют привычные подходы к организации исследовательской деятельности и открывают новые возможности для сбора и анализа данных. Сегодня ключевым трендом становится симбиоз естественного и искусственного интеллектов для изучения проблемных ситуаций социологами.

Способность ИИ имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и достигать результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности, позволяет использовать его алгоритмы для решения ряда исследовательских задач (в том числе узкоспециализированных) – от генерации дизайна исследования до предоставления итоговых документов.

ИИ дает возможность проводить различия, классифицировать и прогнозировать данные, что допускает его применение в количественных исследованиях при статистической обработке данных. Апробация потенциала ИИ для анализа данных количественного исследования отражена в работах Е. Е. Фомина (анализ результатов анкетного опроса) [1], В. В. Круглова и М. И. Дали (кластерный анализ) [2], Д. А. Котова (факторный анализ) [3], Е. Г. Ашихмина и его соавторов В. В. Левченко и Г. И. Селетковой (описательная статистика – частотные таблицы, средние значения и многомерная статистика – сводные таблицы, корреляции) [4].

Широкий потенциал ИИ кроется в анализе данных качественных исследований для категоризации ответов, определения модальности текста [5], анализа визуальных данных (изображения, фотографии) [6]. Кроме того, ИИ позволяет социологу автоматизировать ряд задач – создавать тексты отчетов, готовить презентации, генерировать код для визуализации или анализа данных.

Основная часть

В последнее время популярны большие языковые модели (*large language model*, LLM), что связано с их доступностью и стремительным развитием. LLM обучены как на обширном наборе открытых данных, содержащихся в сети Интернет (отчеты, отзывы, файлы cookies и др.)¹, так и на закрытых, узкоспециализированных наборах данных, полученных в результате исследований, что повышает точность ответов в нишевых областях.

Возможности LLM, позволяющие прогнозировать потенциально релевантные реальным респондентам точки зрения, лежат в основе формирования феномена синтетического респондента.

Под синтетическим респондентом мы понимаем искусственно созданную при помощи алгоритмов ИИ симуляцию реального представителя целевой аудитории, формируемую с учетом заданных исследователем характеристик (социально-демографических, психографических, поведенческих и пр.). Так, «алгоритмы модели генерируют ответы, которые отражают прогнозируемые мнения человека

с указанными характеристиками, что позволяет исследователям изучать гипотетические точки зрения, не полагаясь на прямой вклад реальных людей» [7]. Генерация и опрос синтетических респондентов позволяют оперативно собирать данные. Синтетические респонденты не испытывают усталости от интенсивных мыслительных процессов, что дает возможность исследовать широкий спектр вопросов и проверить множество гипотез в сжатые сроки.

Опрос синтетических респондентов при изучении уязвимых групп имеет ряд потенциальных методологических преимуществ. Наиболее значимым преимуществом является преодоление проблем взаимодействия с труднодоступными категориями респондентов. В традиционных исследованиях такие группы часто недостаточно представлены из-за географической изоляции, языковых барьеров, опасений опрашиваемых раскрывать свою принадлежность к стигматизированным сообществам или из-за сложностей установления контакта. Синтетические респонденты могут помочь в моделировании

¹Незговорова М. Синтетические респонденты: от теории к практике [Электронный ресурс]. URL: <https://socforum.niioz.ru/wp-content/uploads/2024/11/1.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).

мнения таких групп на основе имеющихся данных, обеспечивая тем самым некоторое представление о социальной реальности.

В исследованиях с участием реальных респондентов из числа уязвимых групп может наблюдаться эффект социальной желательности, когда участники сознательно или бессознательно корректируют свои ответы в соответствии с существующими социальными нормами или собственными представлениями об ожиданиях интервьюера. Синтетические респонденты, будучи свободными от подобных психологических барьеров, дают ответы, не искаженные страхом последствий или стремлением произвести благоприятное впечатление.

Важным преимуществом опроса синтетических респондентов является их потенциальная способность нивелировать эффект интервьюера, что минимизирует систематические искажения, характерные для традиционных опросов. При изучении реальных уязвимых групп этот эффект может быть особенно выражен, так как представители маргинализированных сообществ могут демонстрировать различное поведение при взаимодействии с интервьюерами из гомогенной чужой аутгруппы.

Синтетический респондент генерирует ответы, не зависящие от внешних факторов, что особенно актуально при изучении сенситивных тем. В таких случаях технология позволяет обойти ограничения, связанные с возможной ретравматизацией жертв или риском юридических последствий для респондентов при изучении противоправных действий. Кроме того, следует помнить, что отсутствие эмоциональной составляющей в ответах синтетических респондентов в ходе исследования высокочувствительных тем может привести к опасной дегуманизации – излишне упрощенному и механическому пониманию сложных социальных явлений, мотивов и последствий.

Таким образом, использование синтетических респондентов для изучения немногочисленных и уязвимых групп, с одной стороны, помогает преодолеть некоторые ограничения традиционных методов, с другой – создает иллюзию репрезентации там, где ее в действительности нет. Это особенно опасно в случае принятия социально значимых решений на основе подобных данных, поэтому применение такого подхода требует разработки строгих методологических стандартов и этических протоколов, гарантирующих, что потенциальные преимущества будут достигнуты не за счет снижения уровня научной достоверности и нарушения прав малочисленных и уязвимых групп на подлинное представительство в исследованиях. Соответственно, этические последствия внедрения синтетического респондента в социологическую практику носят фундаментальный характер, затрагивая саму суть

социологического познания. Ключевой этический вызов заключается в сохранении баланса между методологической эффективностью и онтологической аутентичностью объекта исследования. Однако даже при соблюдении всех этических предосторожностей вопрос экономической целесообразности исследований с использованием подобных технологий остается открытым.

На первый взгляд, использование синтетических респондентов позволяет существенно сократить расходы за счет отсутствия затрат на проведение полевого этапа исследования (рекрутинг участников, организация вознаграждения и иные сопряженные расходы). Однако финансовые затраты на разработку, обучение и внедрение LLM-моделей являются серьезным препятствием для их широкого применения и представляют высокие риски для небольших исследовательских коллективов или малобюджетных проектов. В случае использования готовых проприетарных решений с безвозмездным доступом (например, *Deepseek*) или готовых решений с открытым кодом не следует полагаться на высокую достоверность полученных данных. Даже после дополнительного обучения модели на собственных датасетах необходимо ограничивать изучаемую область разведывательными исследованиями – поиском инсайтов в фактических данных, структурированием исторических данных, предварительным тестированием гипотез. Важно помнить, что результаты такой работы подлежат обязательной последующей валидации посредством опроса реальных респондентов.

Качество исходных данных, послуживших основой обучения модели, является приоритетным. Поскольку языковая модель обучается на большом массиве данных, сгенерированных представителями определенных социально-демографических групп, анализ данных на ее основе может приводить к искажениям, не отражать реальной картины. В связи с этим исследователям необходимо контролировать качество подготовленной модели во время ее использования. Инструментами контроллинга могут выступать сверка с внешними источниками данных, консультации экспертов, проведение серии методических экспериментов, направленных на валидацию данных, А/В-тестирование моделей на ответах реальных респондентов, а также бенчмаркинг. Последний позволяет оценить производительность LLM по ряду задач и метрик с упором на адекватность логических рассуждений модели и техническую точность результатов ее работы. Основными критериями производительности являются понимание кода, логическое мышление, понимание прочитанного, общие знания о мире и профильные компетенции.

Как утверждает И. Ю. Барская, ключевым инструментом в области оценки рассуждений и проверки

знаний LLM в таких областях, как гуманитарные и социальные науки, история, информатика и право, выступает Multimodal Language Understanding (MLLU). Несмотря на высокую оценку ряда моделей по данному тесту (к примеру, GPT-4-omni – 88,7 %, Claude 3 Opus – 86,8 %), это не означает, что они стали экспертами в определенной сфере. Бенчмарки не учитывают возможную сложность и контекст реальных взаимодействий, а знание фактов и умение применять их на практике не всегда позволяет подойти творчески к пониманию проблемы или решить ее². В связи с этим жизненный цикл LLM предполагает постоянное совершенствование модели и регулярную валидацию выходных данных.

Кроме того, следует учитывать, что дополнительное обучение моделей не исключает вероятность случайных ошибок и намеренных искажений в ответах, поэтому для подтверждения валидности полученных данных фактчекинг необходимо проводить на всех этапах работы с LLM.

Применение LLM в некотором смысле ограничивает исследователя, использование синтетических респондентов не позволяет собрать креативную фокус-группу или провести глубинное интервью, синтетический респондент сможет лишь по-новому применить заложенные ранее шаблоны.

Исследователи отмечают, что использование одних и тех же моделей генерации синтетических данных не позволяет брендам получить уникальные инсайты, которые помогли бы им выделиться на рынке³. Одинаковая методология генерации данных для конкурентных компаний может привести к тиражированию системных ошибок, сделать результаты предсказуемыми, что в целом снизит конкурентное преимущество, приведет к некорректным стратегическим решениям, а в перспективе и вовсе исказит конъюнктуру рынка. При этом отметим, что конкурентное преимущество в исследованиях рынка кроется в промптинге – постановке вопросов и умении интерпретировать полученные данные с учетом внутренних данных компании (финансовая аналитика) и особенностей интеграции полученных данных в бизнес-процессы.

Методологическая прозрачность и научная строгость социологических исследований подтверждается раскрытием сроков проведения сбора данных, объема выборочной совокупности, ошибок выборки, метода ее формирования, метода сбора данных. Для демонстрации научной ценности исследования, проведенного с использованием опроса синтетических респондентов, помимо указанных выше параметров, репрезентации должны подвергаться характеристики, описывающие условия разработки и функцио-

нирования LLM. К ключевым мы относим следующие: 1) описание использованной модели с указанием названия, версии, разработчика, модели распространения; 2) описание набора обучающих данных (если возможно), поскольку это определяет уровень знаний LLM и верифицирует ее ответы; 3) принципы и характеристики, влияющие на формирование аудитории синтетических респондентов; 4) метод генерации ответов (вероятностное моделирование типовых ответов и пр.); 5) используемые промпты (аналог инструментария в классическом формате социологического исследования, гайд глубинного интервью или фокус-группы), содержащие перечень вопросов к изучению; 6) протокол проведения опроса синтетического респондента на базе LLM с описанием алгоритма взаимодействия с языковой моделью.

Российские социологи отмечают, что для использования LLM-моделей в социологическом исследовании LLM не хватает опыта, эмоций, мотивации [8]. Действительно, излишняя рациональность синтетических респондентов – это серьезный методологический риск, не позволяющий социологу оценить эмоциональный фон, который нередко служит основой для понимания особенностей поведения. К примеру, политическое поведение может быть основано на эмоциональной привязанности, а потребительское – на желании быть как все или, наоборот, противопоставлять себя группе.

Исследователю важно помнить, что при работе с ИИ существуют риски, связанные с обработкой данных, содержащих конфиденциальную информацию. В связи с этим возникает несколько вопросов: не является ли сервер, обрабатывающий данные, сторонним, какие последствия несут владельцы ИИ-платформы в случае возникновения киберинцидентов и т. п. Отсутствие прозрачных правовых норм в области работы с ИИ создает предпосылки для возможных конфликтов между разработчиками ИИ, исследователями, заказчиками и даже их потенциальными конкурентами.

Кроме того, привлечение ИИ на любом этапе исследовательского цикла означает его участие в данном процессе, что порождает вопрос об авторстве материалов, созданных с его помощью. Указанная проблема лежит в плоскости прав интеллектуальной собственности.

Безусловно, представленные ограничения варьируют в зависимости от уровня готовности к использованию технологий ИИ, зрелости нормативно-правовой базы, понимания социологами принципов машинного обучения и промпт-инжиниринга, доступности вычислительных мощностей и др.

²Barskaya I. Benchmarks for LLMs // Unite.AI : website. URL: <https://www.unite.ai/benchmarks-for-llms/> (date of access: 02.06.2025).

³Using synthetic participants for market research // Market Research Society : website. URL: https://www.mrs.org.uk/pdf/MRS_Delphi_synthetic.pdf (date of access: 23.06.2025).

Заключение

Применение ИИ в исследовательском цикле изменяет привычную природу сбора и анализа данных. Ввиду того что использование алгоритмов ИИ при проведении исследований находится на стадии становления, а их эффективность напрямую связана с преодолением существующих ограничений, утверждать о формировании нового этапа в эволюции опросных технологий преждевременно. Вероятно, мы подходим к пику развития постгэллаповского периода изучения общественного мнения, в котором цифровые технологии трансформируют саму при-

роду познания, открывая исследователям возможность изучения гибридной реальности, существующей на стыке реального и синтетического, живого и цифрового. Использование ИИ в профессиональной деятельности социолога все больше дистанцирует исследователя от социума – эти изменения требуют новых подходов к пониманию принципов познания, исследовательской этики, профессиональной идентичности социолога. Сохранить научную строгость и достоверность данных в условиях таких изменений – главный вызов настоящего времени.

Библиографические ссылки

1. Фомина ЕЕ. Применение аппарата нейронных сетей для анализа результатов анкетирования. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2020;2:99–110. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.2.8.
2. Круглов ВВ, Дли МИ. Применение аппарата нейронных сетей для анализа социологических данных. *Социологические исследования*. 2001;9:112–114.
3. Котов Д. Алгоритмы искусственного интеллекта в прикладных социологических исследованиях. *Социодиггер* [Интернет]. 2023 [прочитано 24 июня 2025 г.];4(7–8). Доступно по: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/algorithmy-iskusstvennogo-intellekta-v-prikladnykh-sociologicheskikh-issledovaniyakh#_ftn1.
4. Ашихмин ЕГ, Левченко ВВ, Селеткова ГИ. Опыт применения больших языковых моделей для анализа количественных социологических данных. *Вестник университета*. 2024;11:205–215. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-11-205-215.
5. Ашихмин ЕГ, Левченко ВВ, Селеткова ГИ. Опыт применения больших языковых моделей для анализа социологических данных, полученных в результате интервью о восприятии студентами предпринимательской деятельности. *Цифровая социология*. 2024;3:4–14. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-3-4-14.
6. Драч ВЕ, Торкунова ЮВ. Использование генеративного искусственного интеллекта для социологических исследований. *Дискурс*. 2025;11(1):52–70. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70.
7. Shrestha P, Dario K, Koaik F, Schnider R, Sayess D, Binbaz MS. Can synthetic survey participants substitute for humans in global policy research? *Behavioral Science & Policy*. 2025;2:26–45. DOI: 10.1177/23794607241311793.
8. Филипова АГ, Абросимова ЕЕ, Зубова ОГ. Метод синтетических фокус-групп в контексте цифровой трансформации социологических исследований. *Социодинамика*. 2025;5:1–17. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.5.74430.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025.
Received by editorial board 24.07.2025.

ИНТЕРВЬЮ

INTERVIEW

УДК 001.89

«НАС ОБЪЕДИНЯЛО ЖЕЛАНИЕ ИЗУЧАТЬ СЕМЬЮ...»

С. Н. БУРОВА¹⁾, А. Н. ДАНИЛОВ²⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлено интервью С. Н. Буровой, известного белорусского социолога, кандидата юридических наук, доцента, в связи с ее юбилеем. Она рассказала о своем жизненном пути, исследовательских проектах, научной школе социологии семьи, учителях и коллегах, порассуждала о роли социологии в обществе, проблемах, с которыми сталкиваются социологи, поделилась своим опытом, дала напутствие молодежи, идущей в социологию. Разговор затронул проблемы современной социологической науки, темы методологии и методов социологии, междисциплинарности в изучении новых вызовов и угроз, особенностей и основных требований к современным исследованиям. Дискутировался вопрос развития и перспективных направлений отечественной социологии семьи, совершенствования образования социологов.

Ключевые слова: С. Н. Бурова; история социологии; Центр социологических и политических исследований БГУ; Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований; сектор прикладной социологии; научная школа социологии семьи; научная школа Н. Г. Юркевича; кафедра социологии БГУ; международные социологические проекты; социологическое образование.

Образец цитирования:

Бурова СН, Данилов АН. «Нас объединяло желание изучать семью...». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;3:36–57.
EDN: HORJXB

For citation:

Burova SN, Danilov AN. «We were united by a desire to study the family...». *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:36–57. Russian.
EDN: HORJXB

Авторы:

Светлана Никифоровна Бурова – кандидат юридических наук, доцент; независимый исследователь.
Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Svetlana N. Burova, PhD (law), docent; independent researcher.
svetic45@mail.ru
Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.vitebsk55@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0007-2110-0229>

«WE WERE UNITED BY A DESIRE TO STUDY THE FAMILY...»

S. N. BUROVA^a, A. N. DANILOV^b^aIndependent researcher, Minsk, Belarus^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.vitebsk55@gmail.com)

Abstract. The interview is dedicated to the anniversary of renowned Belarusian sociologist, PhD in law, docent S. N. Burova. She reflects on her life, the role of sociology in society, and her transition to sociology, citing the example of her teacher, N. G. Yurkevich, her research projects, the academic school of family sociology, her teachers and colleagues, discusses the challenges sociologists face, shares her experiences, and offers advice to young people pursuing a career in sociology. The conversation touches on the challenges of modern sociological science, the methodology and methods of sociology, interdisciplinarity in the study of new challenges and threats, and examines the characteristics and key requirements of contemporary research. The discussion also touches on the development and promising directions of Russian family sociology and the improvement of sociologist education.

Keywords: S. N. Burova; history of sociology; Centre for Sociological and Political Research of the Belarusian State University; Problem Research Laboratory of Sociological Research; sector of applied sociology; scientific school of family sociology; scientific school of N. G. Yurkevich; department of sociology of the Belarusian State University; international sociological projects; sociological education.

Александр Данилов: Светлана Никифорова, что бы Вы хотели рассказать читателям нашего журнала о своих родителях, детстве, школьных годах?

Светлана Бурова: Все мы родом из детства... Такова истина, поэтому вполне логично начать рассказ о жизненном пути с детства и семьи. Тем более что почти всю свою профессиональную жизнь я посвятила исследованию семьи как социального института и как малой социальной группы. В процессе осмысления теории социологии брака и семьи я пыталась установить связь между утверждениями исследователей и их личным опытом. И такая связь была мною обнаружена.

Я хочу рассказать не только и не столько о себе, сколько о социальном времени и людях, которые жили в советские и первые постсоветские десятилетия. Говоря социологическим языком, мой случай является типичным для представителей послевоенного поколения нашей страны, поколения второй половины XX и начала XXI в.

С родителями мне очень повезло: папа и мама – замечательные люди, стойкие и трудолюбивые. Именно такие качества были присущи подавляющему большинству советских людей, выстоявших в военные годы и восстановивших разоренную врагами страну после ее освобождения. Столько страданий, столько лишений пришлось пережить, но они были оптимистами, могли довольствоваться малым, верили в то, что постепенно жизнь наладится. Удивительное поколение!

Отец Никифор Захарович Мартынов и мать Анна Павловна встретились во время Великой Отечественной войны в партизанском отряде в Россонском районе Витебской области. Из-за тяжелого заболевания легких отец был признан негодным к военной службе, а накануне войны находился на грани жизни и смер-

ти, но маме удалось вылечить его народными средствами. В годы оккупации папа сражался с врагом в рядах партизан, имел государственные награды. После освобождения Беларуси в июле 1944 г. он был назначен комендантом городского поселка Россоны и оставался им до окончания войны. Документы отца военных лет хранятся в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны.

Мама училась в педагогическом институте в Витебске, но из-за войны не окончила его. Мои родители были из многодетных крестьянских семей, причем уверена религиозных. Они получили неплохое по тем временам образование и профессию. После войны мама работала в сфере народного образования, была на государственной службе, а отца направили в Москву учиться по специальности «инженер лесной промышленности», с которой он был связан до конца своей жизни. Именно из-за профессии отца наша семья часто переезжала из одного населенного пункта в другой, где были леспромхозы – предприятия лесного промышленного хозяйства, которые вели заготовку и разделку древесины.

Родилась я в прекрасное время – почти через месяц после Победы, 7 июня 1945 г., в городском поселке Россоны. В семье я была единственным ребенком. Однако общения мне было достаточно благодаря многочисленным двоюродным братьям и сестрам, а также ровесникам во дворе. Отношения между родителями не всегда были безоблачными, но я всегда чувствовала от них любовь, заботу и внимание. Мама была очень красивой женщиной, доброй, спокойной, совершенно неконфликтной, аккуратной хозяйкой, очень терпеливой и, я бы сказала, целомудренной. Она никогда не повышала голос. Мама была необычайно творческим человеком: любила петь, умела шить, вышивать, вязать. Она занималась этим

всю жизнь. Не помню, чтобы мама сидела без дела. Если возле очередного нашего дома (а у нас никогда не было собственного жилья, только служебное в виде деревянной постройки с печным отоплением и удобствами во дворе, которую получал отец как сотрудник) был огород, то у мамы там все росло и цвело. Живые цветы в горшках всегда находились в доме. Поскольку отец часто болел и был физически слабым человеком, маме приходилось выполнять и мужскую работу, например колоть дрова, а она была небольшого роста и в молодые годы выглядела довольно хрупкой.

Мама привила мне терпение, любовь к труду и чтению. Собственным примером она учила уважать старших, сострадать и помогать тем, кому трудно, учила быть благодарной. Мама выработала у меня «иммунитет» к нецензурной речи. Примерно в три или четыре года я повторила за кем-то ругательное слово. Не знаю, что она мне сказала или что сделала, но с тех пор подобные слова стали для меня табу. Я и сейчас чувствую почти физическую боль, если слышу ругательства. Для меня осталось тайной, как она сумела достичь такого результата. Мама учила видеть в жизни красивое, делала это не специально, а естественно, в бытовых ситуациях, с простыми вещами: обращала мое внимание то на разноцветные осенние листья, то на нежные голубые незабудки среди зарослей травы у ручейка, то на яркие звезды на ночном небе, то на птички трели... Сейчас я понимаю, что у нее практически не было недостатков. Мама навсегда осталась для меня примером доброты, любви и трудолюбия.

От родителей мне передалась любовь к спортивным занятиям и активному образу жизни. Зимой я каталась на санках с крутых горок, на лыжах и коньках, а летом гоняла на велосипеде, плавала, ходила с мамой в лес за ягодами и грибами, рыбачила с отцом на лесном озере. Впрочем, практически все советские дети занимались физкультурой и спортом. Комплекс ГТО (готов к труду и обороне) был частью государственной идеологии СССР, направленной на укрепление здоровья всего населения – от школьников до пенсионеров.

Отец умер довольно рано, в 57 лет. Для лечения ему каждый год давали бесплатную путевку в санаторий. Так, папа поправлял здоровье в Прибалтике, на Кавказе, в Крыму. По возвращении он интересно рассказывал о поездке, море, горах, привозил маленькие сувениры, фотографии и открытки с красивыми видами мест отдыха. Во время лечения он легко обзаводился знакомыми и друзьями, на этом примере учил меня устанавливать хорошие отношения с людьми. Может быть, именно поэтому я всегда хотела путешествовать, открывать для себя новые города. Папа умел дружить. Каждый год весной перед Днем Победы собирались большие компании бывших партизан, нередко с членами своих семей. Они вспоминали военные дни, погибших бо-

евых товарищей, делились новостями. Все искренне радовались друг другу. Отец иногда брал меня на такие встречи. Я помню, что это было шумно, эмоционально и очень по-доброму. В дальнейшем люди поддерживали друг с другом отношения, их объединяли общие интересы. В 1950-х гг. среди бывших партизан была популярна белорусская песня на музыку В. Оловникова и слова А. Русака. Она стала очень близкой и мне: *Ой, бярозы да сосны, партызанскія сёстры, / Ой, шумлівы ты лес малады. / Толькі сэрцам пачую тваю песню лясную, / І ўспомню былыя гады.*

Отец ориентировал меня на хорошую учебу и достижение поставленных целей. В день 18-летия он подарил мне маленький барельеф Московского государственного университета, на нем было выгравировано: «Люби науку, жизнь и труд». Эти слова стали напутствием в жизни. Папа и мама привили мне большую любовь к малой родине: с теплотой вспоминаю деревянные сельские домики в глухих белорусских деревушках среди лесов и полей (я часто проводила летние каникулы у бабушек и дедушек). Родители научили любить и огромную страну под названием Советский Союз. В первом классе мы специально поехали в Москву, чтобы я увидела столицу нашей Родины. Город поразил меня своими масштабами и достопримечательностями: удивительные Кремль, Красная площадь, мавзолей, метро... Я знала, что мы живем в самой большой и самой прекрасной стране мира. Полет в космос Юрия Гагарина добавил и огромное чувство гордости за Родину. Помню, что день 12 апреля 1961 г. был теплым и солнечным. В то время наша семья жила в Лепеле. Утром по радио я услышала сообщение о полете человека в космос. Родители были на работе, и не с кем было поделиться новостью... Я не пошла, а побежала в школу, чтобы радоваться вместе с одноклассниками и учителями. Событие было грандиозным. Первый человек полетел в космос, и он был гражданином СССР! Новость хотелось озвучивать всем. Люди улыбались и поздравляли друг друга.

Свой вклад в мое видение большого мира внес и дедушка Захар Матвеевич – участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Он иногда рассказывал о своем прошлом: например, как несколько недель солдаты на поезде ехали на Дальний Восток, к Тихому океану, где велись военные действия, и обратно; о том, какая огромная у нас страна. Дедушка с войны привез скрипку, которая заняла почетное место на стене. Он не играл на инструменте. Детям категорически запрещалось его трогать, можно было только смотреть. Все испытывали трепет перед скрипкой, даже изумление! Я до сих пор не понимаю, откуда у малограмотного крестьянина из белорусской деревеньки в несколько дворов было такое уважение к изящному инструменту. Наверное, здесь скрывается личная история, о которой я никогда не узнаю... Мне тоже захотелось увидеть Дальний Восток

и Тихий океан, однако этому желанию не суждено было сбыться в полной мере. Лишь почти полвека спустя, в далеком 2003 г., я все-таки увидела океан и даже поплавала в нем, но только с восточного берега Австралии.

А. Д.: *Как Вы выбирали свой жизненный путь после окончания школы? Удалось ли сразу определиться с призванием? Кто для Вас был кумиром, кто стал образцом в жизни?*

С. Б.: Из-за частых переездов семьи за время учебы я сменила четыре школы. Приходилось адаптироваться к новым условиям, вливаться в коллектив и налаживать отношения с одноклассниками и учителями. Тем не менее я всегда училась хорошо и любила все предметы. В каждом классе у меня были подруги. Среднюю школу № 12 старинного города Полоцка я окончила с серебряной медалью. В аттестат закралась всего одна четверка по черчению, по остальным предметам были пятерки (тогда еще действовала пятибалльная система). Особый интерес у меня вызывали уроки русского языка и литературы. Запомнилась молодая красивая учительница Элеонора Николаевна, которая вела их в 8-м и 9-м классах. Ее погруженность в предмет, умение привлечь внимание своими рассказами, примерами, анализом классических произведений, подробным разбором образов литературных героев, их характеров оказали на меня большое влияние. У Элеоноры Николаевны я училась грамотно писать и выражать свои мысли в сочинениях, что получалось у меня неплохо. Мне нравились и география, и астрономия, и геометрия. Отличные оценки я получала по физике, хотя, например, до сих пор не понимаю, что такое электрический ток, просто принимаю это как данность, как чудо.

После школы у меня не существовало иной альтернативы, кроме высшего образования. Это воспринималось как факт. Вопрос заключался только в выборе вуза. Что касается профессии, то я хотела учить иностранные языки, которые мне не очень легко давались, и ездить по миру. В старших классах я дружила с Ниной (кстати, она окончила школу с золотой медалью), с которой мы мечтали стать журналистами-международниками. Я не знаю, откуда появились романтические желания, ведь в то время не было большого потока информации, как сегодня. Потока вообще не было. В нашем провинциальном городке новости узнавали по радио и из газет. Информация поступала в довольно ограниченном количестве, но, как мне видится сейчас, в достаточном объеме, щадящем психику, в отличие от сегодняшнего агрессивного потока. Не было интернета, компьютеров, мобильных телефонов, да и стационарных телефонов было мало. Телевидение тогда только зарождалось. В начале 1960-х гг. в квартирах простых граждан нашего города редко можно было встретить телефон и телевизор...

Еще нужно сказать о кино того времени, которое формировало подростковое мировоззрение и ценностные ориентиры. Все новые фильмы мы смотрели в городском кинотеатре: «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Судьба человека», «Дом, в котором я живу», «Максим Перепелица», «Карнавальная ночь», «Неподдающиеся», «Чистое небо» и др. Это шедевры советского кинематографа! Они не могли не волновать, заставляли думать о жизни и своем месте в ней, о человеческих отношениях, о добре и зле.

Наш с Ниной выбор вуза решили события, происходившие на Кубе в конце 1950-х гг. Местные революционеры вызывали у нас искреннее восхищение, особенно их лидер Фидель Кастро. Все они говорили на прекрасном испанском языке, ставшем очень популярным, тогда его модно было изучать. Мы выбрали для учебы отделение испанского языка Минского лингвистического института (в народе иняз), которое в 1963 г. только открылось. Помню, что набирали всего 13 человек, конкурс составил 26 человек на место. В итоге Нина поступила (молодец!) и сделала потом прекрасную карьеру, а я сдала первый экзамен на три балла и забрала документы. Шансов поступить у меня тогда уже не осталось: нужно было сдать все экзамены только на пять. Конечно, это стало ударом, но не очень сильным... Я твердо знала, что поступлю в вуз через год, два... Однако поступила туда только с четвертой попытки. Каждый год выбирала для себя новое направление. Были метания, искания... В последний раз я поступала в 1966 г. на юридический факультет Киевского государственного университета имени Тараса Шевченко. Почему юрфак? Пришла мысль, что многие известные люди имели юридическое образование. Значит, оно хорошее! На юрфак в то время можно было поступать только тем, у кого был трудовой стаж не менее двух лет, а у меня к тому времени он уже накопился: более двух лет я работала ткачихой на Полоцком заводе стеклянного волокна. Это вредное производство с довольно тяжелыми условиями труда: круглосуточная посменная работа шесть часов без перерыва, сильный шум от станков, стеклянная пыль в воздухе. Я старалась, даже стала ударником коммунистического труда. Остались хорошие воспоминания о том времени: более чем достойная зарплата, молодой коллектив, много интересных комсомольских мероприятий. В частности, в 1964 г. группа молодых рабочих с нашего завода отправилась в рамках культурного обмена в Польшу. Я впервые поехала за границу. Мы посетили Варшаву, Краков, Освенцим. Сильное впечатление на меня произвел лагерь смерти – острое напоминание о войне. До сих пор перед глазами газовые камеры, комнаты с остриженными волосами узников, с отобранными у них личными вещами...

...Сейчас я думаю, что такой долгий выбор профессии неслучаен. Надо было повзрослеть, выждать паузу, чтобы оказаться там, где нужно. Именно

во время учебы на юридическом факультете, на который удалось поступить, сдав на отлично только один экзамен (такое правило было для медалистов), я встретила людей, определивших мою судьбу в дальнейшем.

Летом 1966 г. я не только поступила в вуз, но и вышла замуж за одноклассника Анатолия Букова. Мы прожили более 50 лет, до его смерти. Для того чтобы быть вместе, Анатолий перевелся из Донецкого политехнического института в Белорусский политехнический институт, а я перешла из Киевского государственного университета в БГУ, на юридический факультет. Все студенческие годы мы арендовали жилье, которое обходилось нам очень недешево. О жизни семьи студентов и ее проблемах я знаю не понаслышке. Этот личный опыт помог мне в исследовательской работе. Во время обучения у нас родилась дочь Наташа. Совмещать семейную жизнь, уход за маленьким ребенком и академическую нагрузку очень непросто, особенно когда нет собственного жилья. Спасибо моей маме и маме мужа, которые нам очень помогали.

А. Д.: *Расскажите об учебе в Белорусском государственном университете. Чем запомнились студенческие годы?*

С. Б.: Есть мнение, что студенческие годы – это самое веселое и беззаботное время. О себе я такого сказать не могу. Для меня учеба в университете была напряженным этапом: лекции, подготовка к семинарским и практическим занятиям, семейные обязанности, бытовые хлопоты, уход за маленьким ребенком и начало моей исследовательской деятельности.

Надо сказать, что в 1960-х гг. на юридическом факультете работали преимущественно мужчины. Преподавали в основном опытные педагоги, многие из них участвовали в Великой Отечественной войне, имели серьезные ранения, были удостоены государственных наград, например профессора Василий Федорович Чигир и Андрей Васильевич Дулов. Доцент Петр Азарович Дубовец – в те годы еще ребенок – тоже пострадал, получив осколочное ранение. Большинство преподавателей были видными исследователями, имели множество заслуг как в науке, так и в педагогической деятельности. Они вызывали уважение, особенно в праздники, когда надевали свои ордена и медали. Учиться у таких людей было огромной удачей. Девушек на юрфаке было мало: в потоке из 150 человек только четвертая или даже пятая часть. Повторю, в БГУ я пришла на второй курс, будучи замужем, а после третьего курса уже родила дочь. Насколько помню, среди однокурсниц я одна стала мамой так рано.

После многих попыток поступить, достигнув цели, я училась старательно, с большим интересом. Стремилась иметь повышенную стипендию, поскольку наша семья жила очень скромно. Охотно откли-

калась на разные идеи и предложения. На втором курсе для написания курсовой работы мне назначили научного руководителя – доцента Николая Григорьевича Юркевича. В годы войны он был еще несовершеннолетним, но воевал наравне со взрослыми, находясь со своей семьей в партизанском отряде. Николай Григорьевич имел государственные награды, и это вызывало к нему особое уважение. В 1960-х гг. Н. Г. Юркевич работал над докторской диссертацией, которую защитил в 1967 г. и стал профессором. Он преподавал семейное право и гражданский процесс.

Однажды Николай Григорьевич, собрав студентов на консультацию по написанию курсовых работ, предложил создать кружок, который изучал бы семью с помощью социологических методов. Это было непонятно, но заинтриговало! Семья! Социология! Исследование! Идея меня увлекла, и я с радостью присоединилась к кружку. Причем никто из пришедших туда не понимал, что такое социология и как изучают семью. В то время в СССР практически не существовало подготовки по специальности «социология», не существовало такой науки. Николай Григорьевич был передовым человеком, стремился узнавать все новое. Ему разрешалось выезжать за границу. И идея изучать социологию и проводить исследования, как я думаю, появилась в связи с командировками не только в Москву, но и в страны Европы.

Н. Г. Юркевич стал одним из первых энтузиастов возрождения социологии и эмпирических исследований в БССР. Грамотный, ищущий и размышляющий человек был искренне и глубоко увлечен наукой. Его основным исследовательским интересом стало правовое регулирование семьи и брака, изучение их как социальных институтов и как малых групп. Для этого нужны были социологические исследования. Заинтересованная студенческая молодежь юридического факультета стала хорошим и доступным резервом для того, чтобы начать такую работу.

А. Д.: *Расскажите подробнее об этом периоде. Ведь он был началом возрождения социологической науки. Какой была социология, люди, мнения, среда? Как состоялся выбор своей темы?*

С. Б.: Поначалу в социологическом кружке, насколько я помню, было 12–15 студентов второго и третьего курсов. Постепенно по разным причинам часть из них ушла, осталось 7–9 студенток, которых социология и семья как объект исследования интересовали больше, чем ребят. Николай Григорьевич предложил изучать мотивы брака, семейные ценности, причины развода и его последствия. Он рассказывал нам о проблемах семьи с точки зрения законодательства. В действительности, говорил профессор, никто не знает, что происходит с конкретными людьми в семейном союзе, каковы истинные

мотивы вступления в брак у мужчин и женщин, что сплачивает семью, по мнению супругов, а что приводит к разрыву, какова ситуация после развода для разных субъектов: женщин, мужчин, детей и т. д. Исследовать перечисленное может только социолог, для чего необходимо изучать правовые и судебные документы, например дела о бракоразводных процессах, или проводить интервью с женщинами и мужчинами, пережившими развод.

Нужно отметить, что в СССР брачно-семейное законодательство менялось неоднократно. Сейчас не стоит задача описать происходившее. Хочу акцентировать внимание на том, что в 1965–1966 гг. советское законодательство о разводах пережило кардинальную трансформацию. Долгий, финансово затратный для желающих расстаться супругов двухстадийный порядок развода был заменен на довольно легкий – одностадийный. Процедура значительно упростилась, и за год уровень разводов в стране вырос почти в два раза. Однако процессуальное послабление было лишь одной из причин распада семей. СССР всегда являлся лидером по количеству разводов, с первых послереволюционных лет, когда заключение брака и его расторжение стали несложными процессами. Легкость данной процедуры предопределяла и легкомысленное отношение к институту брака. Н. Г. Юркевич был озабочен этими тенденциями, как ученый он хотел внести свою лепту в понимание проблемы и ее разрешение.

Повторюсь, что идея профессора изучать семью мне очень понравилась. Заниматься исследовательской работой, которая имела инновационный характер, под руководством увлеченного и уважаемого ученого было интересно. Должна сказать, что на мою профессиональную переориентацию повлияло важное обстоятельство. На третьем курсе начиналась специализация по направлениям юриспруденции – государственно-правовому, уголовно-правовому и хозяйственно-правовому. Мне нравилось уголовно-правовое направление, и я хотела стать следователем или адвокатом, однако девушек туда практически не принимали. В итоге меня определили на хозяйственно-правовую специализацию, где готовили юрисконсультов для предприятий. Мне это казалось скучным и малоинтересным. Работа юрисконсульта строго регламентирована, направлена в основном на обеспечение внутренней правовой деятельности организации или предприятия и т. д. Забегая вперед, скажу, что после окончания университета меня распределили на должность юрисконсульта минского молочного завода, но работать там мне так и не пришлось. Об этом я никогда не жалела.

Вернусь к работе в социологическом кружке. Мы собирались регулярно, Николай Григорьевич рассказывал о правовой проблеме семьи, браков и разводов, знакомил с социологическими методами, с помощью которых можно изучать данный

институт. Социология, несомненно, давала возможности, которых была лишена юриспруденция. Все «кружковцы» писали курсовые и дипломные работы по брачно-семейной проблематике у профессора Н. Г. Юркевича. Он говорил, что каждый из нас может использовать данные своего исследования при написании курсовой или дипломной работы, которые, несомненно, повысят ее уровень, ведь новые сведения всегда интересны специалистам! Они добыты собственным трудом. Каждый выбрал тему, которую хотел бы развивать в дальнейшем. Мне была интересна тема разводов. Николай Григорьевич говорил, что она почти не изучена. Проблема расторжения брака очень актуальная, многогранная и многофакторная, поэтому нужно было уточнить, что именно я буду изучать и что положу в основу моих курсовых, а потом и дипломной работы. В итоге мы с научным руководителем остановились на теме причин и последствий развода для женщины и ребенка. Началась практическая, исследовательская работа: я изучала в народных судах Минска бракоразводные дела по определенной схеме – Николай Григорьевич составил список вопросов. Допуск в суды нам обеспечивал ректорат: он организовывал студентам БГУ исследовательскую базу на разных предприятиях и в учреждениях в рамках учебной практики.

В 1970 г. профессор Н. Г. Юркевич опубликовал монографию «Советская семья: функции и условия стабильности», которая в СССР имела большой резонанс и востребованность юристами, а также социологами (их становилось все больше). В основе работы были материалы проведенных в Минске социологических исследований. Теоретические положения подтверждались примерами из судебной практики. Николай Григорьевич подарил свою книгу каждому «кружковцу», в том числе и мне. На титульном листе было написано: «Коллеге Буровой Светлане Никифоровне в расчете на дальнейшее сотрудничество и с наилучшими пожеланиями». Это произошло 7 января 1971 г., когда я была пятикурсницей, выпускницей. Такие обращение и пожелание являлись для меня и большим авансом, и честью. А еще я подумала: возможно, я стану социологом...

Монография «Советская семья...» на многие годы стала моей настольной книгой: и учебником по социологии семьи, и бестселлером, в котором каждый раз находишь что-то новое. Знакомясь с результатами многочисленных исследований Николая Григорьевича, я приходила к мысли, что я тоже хочу заниматься проблемами семьи с социологических позиций, мне это очень интересно. С того момента я пыталась участвовать во всех исследованиях, которые организовывал Н. Г. Юркевич, чтобы иметь необходимый опыт.

Пришло время окончивать юридический факультет. Я успешно защитила диплом по специальности

«правоведение», посвященный вопросам бракоразводного процесса, в котором использовались данные самостоятельных исследований, проведенных под контролем Н. Г. Юркевича.

Я ждала дня выхода на работу юрисконсультом. И какой же была моя радость, когда Николай Григорьевич сообщил, что он создал хоздоговорную группу, которая будет трудиться на юридическом факультете БГУ при кафедре гражданского права и процесса. Он набирал сотрудников и предложил мне должность старшего лаборанта. Конечно же, я сразу согласилась, оформила перераспределение и в сентябре 1971 г. приступила к работе. В группу входили юристы, историки, философы и филологи. Всех объединяло желание изучать семью с использованием социологических методов. Н. Г. Юркевич заключил долговременный договор с Минским камвольным комбинатом, ставшим на несколько лет нашей исследовательской площадкой. Мы изучали разные аспекты социально-бытовых проблем сотрудников предприятия.

На камвольном комбинате в то время работали преимущественно женщины. Я исследовала последствия развода для женщины и ребенка. План интервью и конкретные вопросы предлагал Николай Григорьевич, я лишь участвовала в обсуждении. Он подробно объяснял, как должен вести себя интервьюер. Женщин, разведенных пять или больше лет назад, которые имели детей от расторгнутого брака, опрашивала я. Это было очень ответственно и интересно. Все охотно откликались на приглашение поговорить. Чувствовалось, что им хочется рассказать о своей жизни, себе, детях, и они добросовестно и подробно отвечали на наши вопросы. Тогда для меня их эмоциональный отклик был крайне важен, потому что приводил к мысли, что мы делаем нужную работу. По результатам исследования на камвольном комбинате в 1972 г. была проведена научно-практическая конференция, вышел сборник, где была и моя маленькая статья. Я испытала незабываемое чувство, впервые увидев свой материал. Среди авторов был и Н. Г. Юркевич. Я восприняла публикацию статьи как профессиональный рост. Через некоторое время меня перевели на должность младшего научного сотрудника.

В 1974 г. хоздоговорная группа стала госбюджетной лабораторией БГУ, которая постепенно трансформировалась в научное подразделение с несколькими отделами. Я помню, что первоначально были организованы отделы идеологической работы, студенческой молодежи и проблем советской семьи. Позже создали отдел труда и отдел СМИ. В 1976 г. меня определили в отдел проблем советской семьи и по конкурсу избрали на должность старшего научного сотрудника. Тематика исследований в нашем подразделении была разнообразной: условия стабильности семьи, функции семьи, условия вос-

питания старшеклассников в городской семье, одинокое материнство и т. д. Главным методом сбора информации, как правило, было анкетирование. Опросы проводились по месту жительства респондентов, месту учебы (школы, ПТУ, университеты) или месту работы (предприятия, учреждения).

Количество анкет было относительно небольшим, а статистическая обработка данных первоначально осуществлялась вручную. Помню, как мы ставили/рисовали на отдельных листках бумаги точки, палочки, квадратики, подсчитывая ответы на каждый вопрос. О корреляциях тогда речи не шло. Были просто одномерные распределения. Все отчеты об исследованиях мы сдавали в отдел научно-исследовательских работ (НИР) БГУ в установленный срок, оценивали их на «хорошо». Сегодня у меня возникает вопрос: как нам удавалось в то время успешно работать по всем направлениям, не имея социологического образования? Конечно, Николай Григорьевич, наставник и учитель, был постоянно рядом, но мы охотно занимались и самообразованием, обсуждали друг с другом разные проблемы, дискутировали, искали нужные публикации, в том числе на иностранных языках (английском, польском), делились прочитанной информацией. Как это было увлекательно и интересно! Удавалось общаться и обмениваться мнениями на научно-практических конференциях в Минске и других городах республики. Помню знакомство с коллегами (юристами, социологами) и налаживание деловых контактов во время конференций в Москве. В 1968 г. был открыт Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, в 1972 г. переименованный в Институт социологических исследований Академии наук СССР (ИСИ АН СССР), а с 1988 г. – в Институт социологии Академии наук СССР. В институте мы познакомились с ведущим специалистом СССР в области брака и семьи Анатолием Георгиевичем Харчевым, историком по образованию. В течение многих лет он был председателем секции «Социология семьи» и вице-президентом Советской социологической ассоциации, членом Международной комиссии по исследованию семьи, а также главным редактором журнала «Социологические исследования» (с момента его основания в 1974 г. и до дня своей смерти в 1987 г.). А. Г. Харчев – автор известной книги «Брак и семья в СССР», первое издание которой было в 1964 г., а второе, дополненное, – в 1979 г. Эта книга стала для меня настольной. Она получила высокую оценку ученых и общественности. А. Г. Харчев был высокочлассным специалистом, в общении казался очень требовательным и даже суровым человеком.

В ИСИ АН СССР я познакомилась и с Михаилом Семеновичем Мацковским – улыбчивым, добродушным и разговорчивым человеком. Мы встречались неоднократно, в том числе в Минске, а поскольку он был моим ровесником, то через некоторое вре-

мы перешли на «ты». Михаил Семенович получил высшее физическое образование, что не мешало ему успешно заниматься социологией. Вместе с А. Г. Харчевым в 1978 г. он опубликовал книгу «Современная семья и ее проблемы», очень востребованную в научных кругах. М. С. Мацковский подарил мне экземпляр с автографом. Его интересные и очень полезные работы – глава «Современная американская семья как объект эмпирического исследования» в книге «США глазами американских социологов» (1982), издания «Фундаментальные программы исследования брака и семьи» (1989) и «Социология семьи: проблемы, теории, методологии и методики» (1989) – стали для меня настоящими учебными пособиями по социологии семьи, ее методологии и методам. Книга «Социология семьи...» включала описание категорий и понятийного аппарата социологии семьи, т. е. сущностные социальные характеристики семьи и брака, наиболее значимые как при теоретическом анализе, так и при эмпирическом исследовании. Все было представлено системно и аргументированно, чего мне, как и моим коллегам, не хватало в работе. Именно этот понятийно-категориальный аппарат позже был положен мной в основу учебного пособия для студентов по предмету «Социология семьи», которое вышло в БГУ в 2011 г., спустя 20 лет. Подчеркну, что для меня все работы А. Г. Харчева, М. С. Мацковского и Н. Г. Юркевича стали учебниками по социологии семьи.

На одной из конференций я познакомилась с коллегой из Москвы – юристом Ольгой Александровной Хазовой, специалистом в области семейного права. У нас оказалось много общих интересов, мы подружались. По ее рекомендации я вступила в Международное общество семейного права (ISFL), независимую международную научную ассоциацию, которая занималась изучением и обсуждением вопросов семейного права и смежных дисциплин. Ассоциация предоставляет международную площадку для анализа правовой политики в сфере семейных отношений. Два раза в год она выпускает информационный бюллетень, где мой материал о брачно-семейном законодательстве и проблемах семьи в Республике Беларусь издавался дважды (в Англии и Голландии). Это был первый опыт опубликования результатов работы за границей, поэтому запомнился.

Шаг за шагом я осваивала профессию социолога: участвовала в исследованиях, изучала статьи и монографии специалистов, общалась с коллегами, писала научные отчеты, готовила собственные публикации... Все происходило под постоянным руководством и с помощью Н. Г. Юркевича. О нем я всегда вспоминаю с благодарностью. Именно Николай Григорьевич предложил мне поступить в аспирантуру. Я об этом даже не думала: с одной стороны, казалось, что наука – очень сложная вещь и что

я вряд ли ее одолею; с другой стороны, я понимала, что если я продолжаю работать в данном направлении, то нужен профессиональный рост, а аспирантура – лучшая возможность. Исследовательская деятельность мне очень нравилась, и я не хотела ее терять. Наставник сказал: «Дорогу осилит идущий». После некоторых раздумий я согласилась с ним и поступила в аспирантуру при кафедре гражданского права на заочное отделение. Тема диссертации была «Расторжение брака судом». К 1979 г. я подготовила и опубликовала монографию «Социология и право о разводе», где использовались данные социологических исследований и обобщение практики судов по делам о разводах. Я изучила 1200 бракоразводных дел в трех районах Минска за несколько лет, исследовала причины и последствия расторжения брака, а также основания развода и порядок его оформления. В том же году я успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Профессоры А. Г. Харчев и М. С. Мацковский, которых также считаю своими учителями, рано ушли из жизни, и я с грустью вспоминаю об этой потере... Поразила ранняя смерть как Анатолия Георгиевича (в 1987 г., в возрасте 66 лет), так и Михаила Семеновича (в 2002 г., в возрасте 57 лет). Было печально не только по-человечески: наука с ними потеряла многое.

А. Д.: *В чем заключалась работа в социологии? Тематика, исследовательская практика, результаты, статьи, книги, защиты и жизнь в науке...*

С. Б.: В 1976 г. я была избрана на должность старшего научного сотрудника отдела проблем советской семьи. Кроме меня, в отделе работало еще семь человек: в должностях младших научных сотрудников – Светлана Сидоренко, Александра Воднева, Лариса Горбатенкова, Николай Местовский, Виктор Балцевич, в должностях лаборантов – Инесса Дегтярик и Зоя Королева.

Отделом на общественных началах руководил Н. Г. Юркевич. О тематике исследований я уже говорила раньше. В 1979 г. заведующим отделом стал Владимир Олегович Рукавишников – приглашенный специалист из Ленинграда. Он имел степень кандидата философских наук, был очень общительным, живым, в меру амбициозным. Мне казалось, что на нас он смотрел свысока, как старшие смотрят на младших, хотя ему в то время было 32 года, а мне, например, 34. Как потом стало известно, Владимир Олегович приехал в Минск на время, из-за жилищной проблемы, а через несколько лет вернулся в Москву. Главное, что я усвоила из нашего с ним общения, – необходимо не просто проводить исследования и сдавать отчеты в отдел НИР БГУ, а издавать монографии, которые были бы доступны как специалистам, так и широкому кругу читателей. Знакомство с работами отдела, занимающегося семейной

проблематикой, просвещало бы людей, а наше подразделение было бы узнаваемым и востребованным.

Действительно, брачно-семейная тема и информация, в частности социологическая, о взаимоотношениях мужчин и женщин, мужей и жен, родителей и детей была в то время очень актуальной и востребованной. Существовал вакуум, который нужно было заполнить, чтобы удовлетворить интерес общества, его запросы. Во всех союзных республиках, особенно в Беларуси, республиках Прибалтики, Российской Федерации и Украине, появлялось все больше исследователей, в том числе по проблемам брака и семьи.

Заведовал Проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований (ПНИЛСИ) в то время профессор Георгий Петрович Давидюк – легенда белорусской прикладной социологии и очень уважаемый ученый. Для нас крайне важным было то, что он являлся автором трудов «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979), а позже и создателем первого в Беларуси и в СССР «Словаря прикладной социологии» (1984). Значимым было и то, что он активно продвигал идею подготовки профессиональных социологов. В 1973–1981 гг. Георгий Петрович заведовал кафедрой марксистско-ленинской философии БГУ, а в 1976 г. возглавил созданное по его инициативе Белорусское отделение Советской социологической ассоциации. Его назначение в 1981 г. в ПНИЛСИ стало событием.

С приходом нового руководителя научная жизнь лаборатории преобразилась: стали регулярными и обязательными для посещения методологические семинары (был введен своего рода социологический ликбез, курсы повышения квалификации). В качестве докладчиков выступали либо Георгий Петрович, либо ведущие научные сотрудники лаборатории, либо приглашенные специалисты, в том числе и зарубежные. Регулярно проходили заседания научного совета, в состав которого входили заведующие всех отделов и ведущие научные сотрудники. На заседаниях заслушивались отчеты заведующих о текущей работе, о завершенных плановых темах, обсуждались тексты материалов, готовящихся к публикации, отчеты сотрудников, которые шли на конкурсные отборы для занятия той или иной научной должности и т. д. Существовали библиотечные дни, в которые сотрудники обязательно работали в библиотеках, знакомились с научной литературой и периодикой, следили за поступающими новинками и т. д.

С приходом в ПНИЛСИ Георгия Петровича произошли кадровые перестановки, коснувшиеся и меня. Стало неожиданностью, даже шоком, когда мне предложили занять освободившееся после отъезда В. О. Рукавишникова место заведующего отделом проблем советской семьи. Руководить я не стреми-

лась. Однако Георгий Петрович привел аргументы: я имела ученую степень (у других ее в то время не было), достаточное количество публикаций, в том числе и монографию по теме, релевантной профилю отдела, опыт исследовательской работы. После непродолжительных раздумий я согласилась и в декабре 1981 г. была избрана по конкурсу заведующим отделом. Особых проблем при работе в новой должности не возникло. Я продолжала трудиться в коллективе, который хорошо знала и с которым у меня были хорошие отношения. За несколько лет мы сдружились, вместе не только работали, но и отдыхали. В отдел приходили новые специалисты, всем находилось место и дело. Некоторое время в нашем подразделении работал Давид Генрихович Ротман. Он не был специалистом в семейной проблематике, но являлся профессионалом: отлично владел методами сбора и анализа социологической информации, был хорошим организатором.

В 1980-х гг. многое происходило и в стране, и в науке. Мы продолжали активно сотрудничать с Н. Г. Юркевичем. Социологические данные накапливались, статистическая обработка информации становилась лучше, методы ее анализа усложнялись, расширялись междисциплинарные контакты. Много делалось для того, чтобы приносить реальную пользу обществу и оказывать помощь конкретным людям. Именно активизация прикладной части социологической работы стала отличительной чертой 1980-х гг.

Расскажу об этом подробнее. Во время либерализации общественной жизни СССР в середине 1980-х гг. в школьную программу был введен предмет «Этика и психология семейной жизни» как элемент подготовки молодых людей к будущей семейной жизни. До его повсеместного введения в БССР провели социальный эксперимент по внедрению данного предмета. Наш отдел исследовал уровень осведомленности школьников старших классов о взаимоотношениях парня и девушки, дружбе, любви, семейной и супружеской жизни и т. д. Результаты показали довольно слабые знания в этих вопросах. В нескольких школах Минска в разных классах (восьмом, девятом, десятом) в течение года преподавали данный предмет как пробный, а затем опять провели социологический замер знаний по указанной тематике среди тех, кто прослушал курс (экспериментальная группа), и тех, кто его не изучал (контрольная группа). Как и ожидалось, сравнительный анализ данных контрольной и экспериментальной групп свидетельствовал, что знания школьников, изучавших предмет «Этика и психология семейной жизни», значительно обогатились. Результаты исследования показали целесообразность преподавания предмета, на основании чего в БССР, а затем и в других республиках было введено его изучение в девятих классах (оптимальный

возраст для восприятия знаний такого рода) всех средних школ.

Введение нового предмета требовало издания учебной литературы. Коллектив под руководством Н. Г. Юркевича подготовил учебник для учителей БССР «Этика и психология семейной жизни» (1989). Многие сотрудники нашего отдела стали его авторами. Для учащихся Николай Григорьевич предложил выпустить серию научно-популярных брошюр «Школьникам о семейной жизни», которая отражала тематику курса. В результате вышло около 10 изданий: «Семья и личность», «Будущий муж и отец», «Свадьба», «Молодожены», «Первый ребенок в семье» и т. д. Их авторами были практически все мои коллеги. Например, я подготовила брошюру «Будущая жена и мать» (1986). Это был мой первый опыт написания научно-популярного текста для подростков. В брошюре рассматривались вопросы отношения старшеклассниц к созданию семьи и рождению детей, описывались качества личности, необходимые для построения крепкой и счастливой семьи, совмещения профессиональной деятельности и ролей жены и матери, приводились и социологические данные по теме. Я помню, что с удовольствием и вдохновением писала этот материал еще и потому, что моя дочь в то время тоже была подростком. В качестве читателя я представляла дочь, поэтому старалась подбирать слова, которые были бы ей понятны, а описываемые образы девушек и женщин вызывали бы интерес и запоминались. Дочери брошюра понравилась, как и ее подругам. Издание действительно имело успех, об этом я поняла спустя два года. Хочу остановиться на этом факте подробнее.

В 1988 г. Ши Госюн – улыбчивый китаец средних лет – приехал в ПНИЛСИ. Вернее, он приехал ко мне (!) и привез мою брошюру «Будущая жена и мать», переведенную на китайский язык. На титульном листе китайского издания было написано: «Светлане Никифоровне – автору этой книги. На добрую память. С уважением от китайского переводчика. Ши Госюн». На последней странице я прочитала: «С. Н. Бурова. Будущая жена и мать». Остальной текст – китайские иероглифы, в которых я ничего не понимаю. Сказать, что я была удивлена, ничего не сказать! Как это возможно? В Китае, где живет полтора миллиарда человек и каждый день выходят тысячи книг, нашелся переводчик, который заметил мою брошюру. Он счел важным мой материал для миллионов китайских девочек (возможно, я преувеличиваю, но лестно так думать) и перевел его на родной язык. А потом преодолел тысячи километров до Минска, просто чтобы познакомиться и вручить эту книгу. Потрясающе! Ши Госюн подарил мне прекрасный китайский веер из сандалового дерева, от которого исходил удивительный сладковатый запах... Веер лежал в изящной деревянной коробочке со стеклянной крышкой. Аромат сохранился до сих

пор. В общем, этот визит и подарок вызвали изумление, которое осталось со мной навсегда.

После нескольких лет преподавания в девятых классах курс «Этика и психология семейной жизни» был исключен из программы изучения, что вызвало у нас большое сожаление. Предмет показал свою эффективность: спустя пять лет после его введения социологическими методами были выявлены различия в семейной жизни тех, кто прослушал данный курс, и тех, кто его не изучал. Явный перевес был в сторону первых. Почему же предмет изъяли из программы обучения? Причин было несколько. Во-первых, методологическая и методическая необеспеченность: в стране не хватало учебных изданий. Во-вторых, не было подготовленных педагогов. «Этика и психология семейной жизни» – специфическая дисциплина, в ней много «чувствительных» тем, которые нужно доносить до подростков аккуратно, понимая, что в классах учатся дети из разных семей. Однако администрация школ часто воспринимала его как легкий предмет, неважный, поэтому поручала преподавать его учителям-предметникам в качестве дополнительной нагрузки – а они не могли донести детям эту дисциплину. Урок превращался в формальность. Вместо живого общения учителя и учеников, увлекательного путешествия в мир семьи было назидание и заскорузлое нравоучение. Предмет не мог понравиться учащимся. Нередки были ситуации, когда его преподавали учителя с негативным опытом семейной жизни, о чем мы узнали после опроса экспертов. В-третьих, в 1991 г. СССР распался, начались преобразования, в том числе в сфере просвещения. Нередко это делалось без достаточных на то оснований.

Я до сих пор сожалею, что данного предмета нет в школьной программе. Убеждена, что семейная жизнь, прочная многодетная семья – это то, что сегодня нужно каждому человеку, обществу и государству. Особенно с учетом того, что в стране огромное количество разводов, неполных и конфликтных семей, низкая рождаемость, сложная демографическая ситуация, а многие дети не только не получают семейного тепла и заботы обоих родителей, но и не представляют себе, что значит жить в полной дружной семье. У нас много растерянных, депрессивных и слабых духом подростков и молодых людей. Конечно, только предмет, даже если его будут преподавать грамотные и чуткие педагоги, не решит всех проблем, но с его помощью можно показать детям, что им нужно знать и как следует себя вести для создания хорошей семьи, которая будет энергетически подпитывать человека и обеспечивать его устойчивость, создавать ему надежный тыл и крепкую опору.

Вернусь к деятельности отдела. В 1987 г. в издательстве «Белорусская энциклопедия» вышла

«Энциклопедия молодой семьи». Ее можно назвать огромным сборником статей по всем аспектам брачно-семейных отношений, который подготовил большой коллектив разных специалистов, в том числе социологов. Некоторые сотрудники отдела, где я работала, тоже участвовали в написании материалов для энциклопедии. Богатая по содержанию и оформлению книга адресована молодоженам. Она выполнена как подарочное издание, имеет красочные иллюстрации и суперобложку. Радует, что энциклопедия оказалась востребованной и неоднократно переиздавалась. До сих пор ее можно приобрести на маркетплейсах.

Говоря о расширении междисциплинарного сотрудничества, нужно отметить, что в 1980-х гг. наш отдел активно контактировал с Белорусским педагогическим обществом. Многие наши исследования и печатная продукция напрямую были связаны с педагогической сферой. Так, мы нередко общались с Виктором Владимировичем Четом, профессором Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. Он был и экспертом, и коллегой, поскольку является специалистом в области семейного воспитания.

Сотрудники нашего отдела активно участвовали в научно-практических конференциях по семейной проблематике, географический охват которых впечатлял: Москва, Саратов, Казань, Тбилиси, Тюмень, Красноярск, Томск, Вильнюс, Киев, Пятигорск и др. Для изучения нашего опыта, участия в конференциях и семинарах приезжали коллеги из разных городов Советского Союза, а также из-за рубежа. Помню визиты исследовательницы из Чехословакии, стажера из Югославии (Слободан Якшич).

Мы активно пропагандировали знания по брачно-семейной тематике и свои результаты исследований в рамках республиканского общества «Знание», выступали с лекциями на предприятиях и в учреждениях Минска, а также за его пределами. Особенно активизировалась данная работа во второй половине 1980-х гг., с началом перестройки, реформ в свете новой идеологии партийного руководства. Запомнилась большая Всесоюзная конференция представителей общества «Знание» в Москве в 1988 г. Обсуждалась семейная проблематика. Я выступала с докладом перед огромной аудиторией, а потом отвечала на актуальные вопросы: что происходит в стране, семье и с семьей. Участники были заинтересованными, активно общались друг с другом. В частности, обсуждали только что вышедший на экраны фильм для молодежи – социальную драму Василия Пичула «Маленькая Вера». Сюжет был о девушке из рабочей, не очень благополучной семьи, которая недавно окончила школу и активно бездумно развлекалась, о ее встрече с парнем из другой среды, их взаимоотношениях и столкновении разных ценностей. Одним из волновавших аудиторию

моментов была откровенная сцена, чего раньше в советском кинематографе не видели. Фильм с новой эстетикой, по мнению кинокритиков, открывал и новую эпоху в советском кино. Одним словом, изменения, происходящие во всех сферах общества, волновали и озадачивали. Лекторы, которым нужно было «идти в массы», хотели разобраться, о чем им и как говорить.

Кроме чтения лекций в рамках деятельности общества «Знание», мы довольно часто комментировали результаты наших исследований в республиканских изданиях (газетах, журналах), на телевидении и по радио. Социологическая информация была очень востребованной, люди ее воспринимали с интересом. Можно сказать, что социологи в то время были, как говорится, нарасхват. Именно они давали ответы на многие вопросы, появлявшиеся в обществе.

В 1989 г. произошло очень важное событие не только для отдела, в котором я работала, но и для такого научного направления, как социология семьи: вышла в свет наша первая коллективная монография «Семья и молодежь: профилактика отклоняющегося поведения». В книге даны ответы на ряд вопросов о семье с опорой на обширные данные эмпирических социологических исследований. В частности, можно узнать о том, что может сделать семья, чтобы предотвратить появление у подрастающего поколения таких девиаций, как социальная пассивность, иждивенчество, пьянство, сексуальная распущенность. Авторы выражали признательность профессору Н. Г. Юркевичу, в свое время руководившему некоторыми исследованиями, а также рецензентам монографии профессорам С. Д. Лаптенку и В. А. Рясенцеву, доценту А. П. Лимаренко. К созданию книги был привлечен сотрудник ЦК ЛКСМБ А. Н. Данилов, имевший практический опыт работы с молодежью. Я не зря перечисляю фамилии тех, кто участвовал в подготовке указанного издания, ведь это показатель расширяющихся связей между социологами и другими специалистами – философами, юристами, педагогами. В монографии использовались более сложные методы анализа, чем раньше, например оценка интегральных показателей сплоченности семьи, типология семьи по уровню демократизации внутрисемейных отношений, анализ типологических свойств личности молодых людей.

Спустя два года, в 1991 г., мы издали еще одну коллективную монографию – «Студенческая семья: состояние, проблемы, перспективы». В основу книги были положены результаты исследований, проведенных в 32 вузах БССР сотрудниками ПНИЛСИ в 1988–1990 гг. По утвержденной схеме мы изучали документы и беседовали с экспертами в учебных отделах, студенческих профкомах, комитетах комсомола, партийных комитетах, ректоратах вузов. Рассчитать выборку для опроса было непросто: нас интересовали исклю-

чительно гомогенные студенческие семьи, т. е. пары, где оба супруга учатся на дневном отделении. Всего в девяти вузах республики были опрошены 384 студенческие семьи. В качестве метода сбора информации использовался анкетный опрос пары (отдельно мужа и жены), а также углубленное интервью супругов (отдельно мужа и жены) на предмет социально-психологической совместимости.

Кроме того, анализировалась молодежная печать по данной проблеме, а также научная литература. Социологическая информация обрабатывалась на ЭВМ ЕС-1036, использовались программы СОМИ и САС. Научное редактирование осуществляли я и А. К. Воднева, которая к этому времени уже защитила диссертацию и стала кандидатом философских наук. Я подробно описываю методы сбора и обработки информации для того, чтобы показать, насколько далеко мы продвинулись в профессии за 10–15 лет. Говоря о студенческих семьях и их проблемах, замечу, что в России сегодня отмечается повышенный интерес к институту семьи, которую можно создать в годы учебы, не откладывая на потом. Государственная дума Российской Федерации проработала меры поддержки семей студентов, и в июле 2025 г. президент подписал закон «О поддержке студенческих семей как особой категории молодежи». Согласно документу будут выплачивать повышенные пособия по беременности и родам, помогать семье в налаживании быта: ведь чем меньше возраст первородящей женщины, тем больше вероятность того, что она за фертильный период родит больше детей. В условиях демографического кризиса данное решение очень важно и стратегически верно. Я думаю, что об этом необходимо позаботиться и нам.

В 1986 г. при Государственном комитете СССР по народному образованию была запущена Всесоюзная программа «Общественное мнение». Нашу республику представлял Д. Г. Ротман. В рамках указанной программы Давид Генрихович апробировал собственные методики проведения оперативных социологических исследований. Он доказал, что время исследования можно значительно сократить за счет четкой организации работы, применения рациональных методов сбора, обработки и анализа информации, создания территориальной опросной сети, современной технической оснащенности исследовательского процесса и др. Это важно было сделать, потому что количество заказов на проведение социологических исследований заметно увеличивалось. Результаты нужны были для принятия управленческих решений. Время будто сжималось: изменения множились, и социологам нужно было становиться мобильными, чтобы изучать их. Да, фундаментальные исследования нужны и важны, но без оперативных исследований также не обойтись. Участие в программе «Общественное мнение» давало возможность социологам разных республик объеди-

няться и совместными усилиями решать задачи социального масштаба.

Мы часто выезжали в командировки по стране для организации сбора необходимой социологической информации. Помню всесоюзное исследование «Социально-психологическое самочувствие женщины-учительницы», в котором я участвовала в качестве не только локального организатора, но и разработчика программы. Речь шла о школьных учительницах, которые составляли 85 % штата школ всей страны. Исходная гипотеза заключалась в том, что у них есть много проблем, мешающих им в полной мере осуществлять свою профессиональную деятельность. Интересные результаты об имеющихся противоречиях довели до руководителей разных структур народного образования. Исследование проводилось в конце 1980-х гг., перед распадом Советского Союза. После этого социального потрясения многое потерялось и, к сожалению, не было восстановлено...

Статус исследований в рамках государственной программы был очень высоким, что подтверждает один из следующих эмпирических индикаторов. Поездка в командировку предвлялась правительственной телеграммой на имя руководителя учебного заведения, куда должны были прибыть социологи. На местах (в университетах, институтах) работа специалиста всегда начиналась со встречи с ректором и деканами факультетов. Он объяснял цель и задачи исследования. Процесс сбора информации в вузах всегда был четко организован. Социологи получали нужную помощь, обеспечивались всем необходимым для опроса. Препятствий для проведения исследования не возникало, наоборот, были только доброжелательное внимание и помощь. Мне запомнились поездки в Среднюю Азию: Ташкент, Бухару, Душанбе, Ашхабад, где не хватало социологов, а потребность в проведении исследования существовала. Ярko запомнилось азиатское радушие и гостеприимство, колоритная национальная культура и традиции.

Среди оперативных исследований, методологию которых разработал Д. Г. Ротман, хочу выделить экспресс-исследование – «по горячим следам». В качестве примера сошлюсь на экспресс-опрос 1991 г., выполненный на большой территории – Беларусь, Россия и Украина.

В Беловежской пуще в декабре 1991 г. прошла встреча лидеров трех советских социалистических республик – С. Шушкевича (Белорусская ССР), Б. Ельцина (Российская СФСР), Л. Кравчука (Украинская ССР) и других официальных лиц. На ней СССР официально прекратил свое существование как субъект международного права и геополитической реальности, было заявлено о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Участники этого саммита беспокоились о последствиях принятых решений,

о возможном социальном взрыве. Социологи изучили общественное мнение на территории Беларуси, России и Украины. Репрезентативное экспресс-исследование было проведено в течение 48 ч. Только представьте эту огромную территорию! Все было сделано на высшем уровне. Результаты показали, что большинство людей на указанной территории ((64 ± 2) % в разных регионах) одобряют принятое решение о распаде СССР и создании СНГ. Стало понятно, что социального возмущения не будет. Позже настроения поменялись, хотя и не кардинальным образом.

А. Д.: *Было ли ощущение кризиса? Как социологи диагностировали назревающий кризис распада большой страны? Годы распада и суверенитет Беларуси, отстраивание новых научных структур, работа в свободном полете...*

С. Б.: В мае 1986 г. в моей трудовой книжке появилась запись: «Возложить временно исполнение обязанностей заведующей ПНИЛ социологических исследований, сохранив за ней заведование сектором проблем советской семьи на общественных началах». Г. П. Давидюк ушел с должности заведующего ПНИЛСИ, хотя ему было всего 63 года. На его место подбирали подходящую кандидатуру. Временное исполнение длилось полгода. Место руководителя занял профессор Сергей Данилович Лаптенюк, ведущий специалист Беларуси по этике и социальной педагогике. Надо сказать, что с его приходом статус лаборатории изменился: она стала Социологическим научно-исследовательским центром НИЧ БГУ. В ноябре 1986 г. я была переведена на должность старшего научного сотрудника, а в 1990 г., с созданием в центре НИЛ социологии культуры и быта, назначена ее заведующим. Мне не нравилось, что из названия лаборатории ушло слово «семья». Все пертурбации плохо запомнились... Об этом говорят записи в трудовой книжке. Изменения, перестановки проходили мимо. Мы занимались делом: организовывали и проводили исследования согласно плановым темам, ездили в командировки по большой стране, готовили статьи и монографии, публично выступали.

1990-е гг. – время, богатое на разные события (мирового, регионального, национального, личного уровня), которые часто так сильно переплетались между собой, что трудно было отделить одно от другого, не разорвав какие-то связи или не потеряв смыслы.

По инициативе Д. Г. Ротмана в начале 1990-х гг. была создана первая независимая социологическая служба «Беларуская думка» (иногда мы ее называли «Общественное мнение»). Я занимала должность исполнительного директора. На «социологическом рынке» мы были не единственными, однако заказов хватало всем. Эмпирическая социология оказалась невероятно востребованной.

Становление нашей службы проходило непросто. Мы сталкивались с множеством финансовых, организационных и кадровых проблем, однако благодаря таланту и изобретательности Давида Генриховича постепенно получили признание. Он умело искал заказчиков в республике, устанавливал зарубежные контакты, вливался в международные проекты, готовил кадры. По поручению Д. Г. Ротмана была создана республиканская опросная сеть для сбора данных по всей Беларуси. Эту важнейшую для социологической службы задачу решала доцент Лариса Алексеевна Соглаева. В стране существовал запрос на электоральные исследования, в частности перед первыми президентскими выборами, поэтому наличие сети анкетеров – основных сборщиков информации на местах (в областных и районных городах) – выступало необходимым условием работы службы. Позже мы стали выпускать информационные бюллетени «Какой мы видим Беларусь?» с результатами всех исследований.

Скажу честно, коммерциализация социологии, монетизация исследовательской деятельности меня немного удручали. Однако советская действительность уходила в прошлое, надо было приспосабливаться к новым реалиям. Благодаря Д. Г. Ротману все сотрудники службы постепенно адаптировались к создавшимся условиям. Нужно было рекламировать свою деятельность и возможности социологических исследований. Как оказалось, наши выступления в средствах массовой информации стали лучшей рекламой. Запомнились международные проекты, в которых мы принимали участие благодаря Д. Г. Ротману. Первый проект был инициирован в Австрии в рамках большой европейской программы «Новый демократический барометр». В период его реализации мы несколько раз выезжали в Вену. Затем поступило приглашение участвовать в программе INTAS (*International Association for the Promotion of Cooperation with Scientists from the New Independent States of the Former Soviet Union*) – международной ассоциации, финансировавшей научное сотрудничество ученых постсоветских республик и Европейского союза. Было много проектов, но со временем я принимала в них участие все реже: появились другие интересы и задачи. В 1992 г. я стала преподавать на кафедре социологии БГУ. Основная работа требовала много внимания и времени.

В 1993 г. в моей жизни произошло знаменательное событие – знакомство с человеком, который вывел меня на новую дорогу. Однажды к Давиду Генриховичу на прием пришла женщина и попросила провести социологическое исследование. Заказчик была желанным гостем в нашей службе: красивая, яркая, элегантная. Как оказалось, Людмила Семеновна Петина вела успешную деятельность: возглавляла собственную экскурсионно-туристическую фирму и являлась лидером общественного объединения

«Женское христианско-демократическое движение». Д. Г. Ротман пригласил меня обсудить поступившее предложение – провести социологическое исследование состояния белорусской семьи. Людмила Семеновна готовила доклад на конференцию по семейной проблематике за рубежом и нуждалась в актуальной информации. Давид Генрихович попросил меня руководить организацией и проведением исследования. Совместная работа с Л. С. Петиной вызвала взаимную симпатию, позже мы общались и по другим вопросам.

В 1990-х гг. быстро множились общественные организации, партии. Отчасти это происходило благодаря появлению в стране международных фондов, которые выдавали гранты на проектную деятельность по заявкам некоммерческих и неправительственных организаций, партий и других общественных объединений. Самыми крупными являлись USAID (Агентство США по международному развитию) и фонд Сороса. Последний был открыт в Беларуси в 1993 г., о его теневой стороне мы узнали нескоро. Представитель сети грантодателей института «Открытое общество» тогда выглядел очень привлекательно. Официально объявлялось, что фонды данного общества по всему миру оказывают финансовую поддержку общественным организациям и группам граждан в целях содействия развитию правосудия, здравоохранения, образования и независимых СМИ.

Среди тех, кто получал гранты, были люди, рассматривающие их в качестве легкого способа получения денег. Многие расстроились, когда некоторые фонды в Беларуси закрылись, в том числе фонд Сороса. В 1997 г., через четыре года после открытия, по решению Александра Григорьевича Лукашенко, он прекратил свою работу. Это был первый масштабный акт, направленный на защиту суверенитета белорусского государства и традиционных ценностей нашего общества. Время показало, насколько данное решение было важным и стратегически верным. Сегодня мы знаем, для чего фонды приходили в постсоветские республики, особенно USAID. Даже президент США Дональд Трамп признал их деятельность деструктивной и распорядился сначала сократить их финансирование и штат, а затем и вовсе закрыть.

Теперь об очень важном мировом событии. В 1995 г. в Пекине прошла Четвертая Всемирная женская конференция, инициированная ООН. В ней участвовало 17 тысяч делегатов и представителей правительств из 189 стран. На конференции была принята Пекинская платформа действий – документ, который сложно переоценить. Его подписали представители 189 правительств. Это стратегическая программа расширения прав и возможностей женщин, которая сегодня остается самой полной глобальной рамочной программой для реализации гендерного равенства и прав человека в отношении

женщин и девушек во всем мире. Платформа содержит концептуальный план действий в 12 важнейших областях, где встречаются основные сложности на пути к улучшению положения женщин (экономика, образование и профессиональная подготовка, здравоохранение, вооруженные конфликты, нищета, насилие и др.).

Приняв Пекинскую платформу действий, наше правительство взяло на себя обязательства перед мировым сообществом включать гендерный аспект во все государственные институты, планы и решения (как и остальные 188 государств). Иными словами, при осуществлении любых государственных действий необходимо заранее анализировать их последствия и для женщин, и для мужчин, т. е. изучать потребности обоих полов, чтобы не нарушать права и интересы ни одного из них. Несомненно, это был шаг вперед, потому что ранее в международной повестке (на трех предыдущих международных женских конференциях) упор делался исключительно на положении женщин. Введение гендерного компонента требовало пересмотра всей структуры общества, в том числе основ неравенства, в отношении как женщин, так и мужчин. Именно с 1995 г. в стране стали происходить изменения в структурах власти и управления с учетом гендерных аспектов. Принятие Пекинской платформы действий стимулировало проведение в республике социологических исследований, направленных на выяснение положения женщин и выявление проблем, с которыми они сталкиваются. В 2012 г. в стране был создан Национальный совет по политике гендерного равенства при Совете Министров Республики Беларусь.

...А еще в 1999 г. я потеряла маму. Она ушла из жизни, но до сих пор со мной.

А. Д.: *Что происходило с социологией в БГУ? Что нового появилось в преподавании и как расширилось международное сотрудничество? Расскажите об этом подробнее.*

С. Б.: В 1989 г. было принято решение об открытии на философско-экономическом факультете кафедры социологии, где с сентября 1992 г. я стала работать в должности доцента. Предложение о переходе на указанную кафедру поступило в 1991 г., тогда там трудились четыре человека: профессор Иван Яковлевич Писаренко, доцент Лариса Григорьевна Титаренко, через несколько лет ставшая профессором, доцент Александр Петрович Лимаренко и заведующий кафедрой профессор Альберт Николаевич Елсуков. Постепенно штат пополнялся новыми специалистами. С теплотой вспоминаю профессоров Павлу Петровну Украинец, Леонида Авксентьевича Гуцаленко, доцентов Ольгу Викентовну Терещенко, Владимира Леонидовича Абушенко, Елену Евгеньевну Кучко, которая очень быстро стала профессором, Дмитрия Константиновича Безнюка (за короткое время он тоже достиг звания профессора) и др.

Что ни человек, то яркая индивидуальность... Со всеми было интересно общаться и работать.

Над предложением заниматься преподавательской деятельностью я раздумывала и колебалась почти год, но коллеги меня уговорили. Особенно аргументированной была позиция Д. Г. Ротмана: необходимость передавать молодежи исследовательский опыт. Однако у меня не было педагогических навыков. В конце концов я решилась на переход, понимая при этом, что будет сложно, придется перестраиваться, менять образ жизни, приобретать новые качества. Постепенно я освоила новую работу, а со временем полюбила ее. В 1995 г. меня избрали по конкурсу на ту же должность. В общем, адаптация произошла. В марте 1999 г. факультет был переименован в факультет философии и социальных наук (ФФСН). На кафедре я проработала 30 лет, до выхода на пенсию в июне 2021 г. (в 76 лет): трудилась при всех ее руководителях.

Первый заведующий кафедрой социологии профессор А. Н. Елсуков проявлял ко всем сотрудникам внимание и доброжелательность, но ненавязчиво и с полной уверенностью в том, что все справятся со своими обязанностями без его вмешательства. Он руководил до 2003 г. В 2003–2005 гг. кафедру на общественных началах возглавлял профессор Д. Г. Ротман, стиль руководства которого отличался энергичностью и динамичностью. В 2005 г. заведующим кафедрой стал член-корреспондент НАН Беларуси профессор Александр Николаевич Данилов.

Хочу сказать, Александр Николаевич, что Ваш стиль руководства отличается спокойствием, активной заинтересованностью в развитии и росте каждого сотрудника, укреплении всего коллектива. Вы многое для этого делаете.

Коллектив кафедры – это профессионалы, они же представители научной интеллигенции с широким кругозором. В связи с этим часто вспоминаются организованные Вами для членов кафедры посещения главных культурных объектов. Мы побывали в Национальном художественном музее Республики Беларусь и осмотрели его постоянную экспозицию; в новом здании Национальной библиотеки Беларуси и ознакомились с ее устройством, фондами и художественными галереями; в Большом театре Беларуси после его реконструкции в 2009 г. и осмотрели обновленный зрительный зал, сцену, помещения всех служб театра, включая костюмерные, комнаты для реквизита, репетиционные залы, а в камерном зале имени Ларисы Александровской мы прослушали концерт, в котором отмечу великолепное исполнение одной из ведущих солисток знаменитой песни А. Алябьева «Соловей». Это было прекрасно и осталось в памяти. Не забываются и летние выезды на Минское море: празднование окончания очередного учебного года. В общем, мне очень импонирует Ваше человеческое отношение к сотрудникам

кафедры, техническому персоналу и ко всему, что Вы делаете. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить за это и за долгие годы совместного труда.

В мою преподавательскую нагрузку изначально входили два предмета – «Методология и методы социологического исследования» (МиМСИ) и «Социология брака и семьи» (СБиС). МиМСИ является основной дисциплиной на нашем отделении и включает четыре большие части: 1) подготовку социологического исследования; 2) методы сбора информации; 3) количественный анализ информации; 4) качественный анализ информации. Я преподавала первую и четвертую части. Дисциплина читается три года, на втором, третьем и четвертом курсах. Методологическими разработками по этому предмету (рекомендуемым планом дисциплины и списками доступных научных источников) меня обеспечил Иван Яковлевич Писаренко. Он очень помогал, мы многое обсуждали. Я нередко обращалась к И. Я. Писаренко с вопросами относительно преподавания курса, ведь он был специалистом по профессиональной и педагогической этике. Иван Яковлевич – достойный человек, участник Великой Отечественной войны, имел боевые ранения и государственные награды... В 1996 г. его не стало. Это была большая потеря и для науки, и для кафедры.

Мой первый год работы на кафедре социологии был очень сложным: нужно было создавать новый материал для преподавания сразу по двум предметам, осваивать взаимодействие со студенческой аудиторией и адаптироваться в новом коллективе, а также совмещать преподавание с проведением социологических исследований, которых было немало.

Повторюсь, было непросто: учебников по предмету не было, методологических и методических разработок не хватало. Не скажу, что приходилось все делать с нуля. Во-первых, более чем за 20 лет исследовательской деятельности в эмпирической социологии на разных уровнях (от изучения однородной социальной группы вуза до анализа пестрой международной конгломерации) у меня накопился материал. Во-вторых, имелись российские разработки по методологии и описанию социологических методов сбора информации, а также методов ее качественного анализа. В-третьих, были статьи в профессиональных журналах. В-четвертых, действенную помощь мне оказывал И. Я. Писаренко. Тем не менее нужно было все осмыслить, упорядочить, логически выстроить и изложить так, чтобы второкурсники поняли. Причем не только поняли, но и заинтересовались, а также увлеклись! Чтобы они влюбились в профессию, осознали, как замечательно быть социологом, как здорово проводить исследования и получать информацию, которую никто, кроме тебя, еще не получал! Чтобы потом ее положили в основу важных и правильных решений, чтобы улучшали ситуацию, к примеру в вузе, городе или даже стране, меняли к лучшему жизнь людей.

Со временем ко мне пришло понимание того, что студентам нужно не только слушать лекции и участвовать в семинарах, но и проходить индивидуальную и групповую практику: самостоятельно обнаруживать социальную проблему, определять проблемную ситуацию, выделять объект и предмет исследования, ставить цель и формулировать вытекающие из нее задачи, придумывать гипотезы и основательно прорабатывать понятийно-категориальный аппарат, а также планировать и рассчитывать выборку (как правило, учебные исследования – это выборочные исследования). Будущим социологам необходимо обдумывать методы сбора информации, инструментарий, апробировать его, «выходить в поле» и собирать нужные данные. И если «поле» – это квартиры людей, или студенческие аудитории, или улицы города, то студентам следует пройти по этим местам, пообщаться с разными людьми (онлайн-опросы – это совсем другая история), найти к ним подход, суметь наладить контакт и получить ответы на все вопросы. Вот тогда можно прочувствовать, что значит быть социологом – анкетером/интервьюером (без практики нельзя ощутить всю прелесть профессии)! Затем полученную информацию нужно подготовить к обработке, статистически обработать и проанализировать первичные данные. И это еще не все! На заключительном этапе необходимо представить результаты (изложить ясным профессиональным языком, который будет понятен читателю), отметить, подтвердились или были опровергнуты гипотезы, сделать сжатые и внятные выводы. Если студент может сформулировать, то хорошо бы дать рекомендации тем, кто изучает такую же проблемную ситуацию. Убеждена, что без исследовательской практики социологом нельзя стать! Необходимо освоить все методы сбора информации (количественные и качественные), методы количественной обработки и качественного анализа данных. Конечно, нужны и социологи-теоретики, но глубокие теоретики, как говорится, товар штучный. Если вы не проверите свою теорию на практике, она будет мертвой. Профессиональная подготовка на нашем отделении включает получение теоретических знаний об обществе, истории социологии как науки, специальных социологических теориях, обучение эмпирической (и прикладной) социологии, учебную практику. Считаю, что хороших прикладников среди наших выпускников должно быть много, потому что именно они получают новую и нужную информацию, которую, кроме них, никто не добудет.

Чем больше я погружалась в сущность методологии программы социологических исследований, тем чаще находила ошибки во многих документах исследовательских проектов. Слово может иметь несколько значений. В прикладной социологии каждое слово в общении с респондентом должно однозначно пониматься и социологом, и отвечающим. Я замеча-

ла, что многие социологи данный факт игнорируют, используют абстрактные термины, семантика которых не проанализирована. В то же время работа со словами-понятиями принципиально важна при подготовке программы исследования, поскольку далее эти слова становятся инструментарием. Речь идет о переходе от абстрактного понятия (или категории) к его конкретным структурным элементам, а затем к эмпирическим индикаторам, что является творческой и довольно сложной работой, требующей и жизненного, и исследовательского опыта. Если у кого-то из второкурсников я замечала социологическое чутье, умение, то искренне радовалась этому, приводила в пример их работы. Социологическое чутье, интуиция в эмпирической социологии важны. Здесь речь идет о призвании, как и в любой профессии. Не каждый может стать социологом, врачом, летчиком. Нужно искать свое место в профессии. Если честно, то среди обучающихся на нашем отделении за 30 лет я встретила не очень много прикладников. Хочется, чтобы их было больше. Возможно, объяснение заключается в том, что мы даем масштабное образование, которое имеет системный характер, поэтому есть возможность делать карьеру в разных направлениях гуманитарной сферы, не только в социологии. Коллеги, конечно, могут со мной не согласиться. Не буду спорить.

Благодаря опыту работы на кафедре у меня сложилось мнение о профессии преподавателя социологии в университете. Главная мысль – не отставать от жизни. Социология – это знания об обществе, о реальной жизни, которая постоянно изменяется, а сегодня все быстрее. Профессия обязывает всегда держать уровень: читать специальную литературу, быть в гуще происходящего, следить за новостями, видеть социальные тренды и факты, вырабатывать собственное отношение к событиям и тенденциям. Именно поэтому я всегда совмещала профессиональную и общественную деятельность, участвовала в исследовательских проектах, осваивала новые методы работы с аудиторией. Считаю, что таким образом можно быть максимально полезной студентам. Я часто анализировала результаты нашего всесоюзного исследования конца 1980-х гг. «Социально-психологическое самочувствие женщины-учительницы». Объектом исследования были женщины – учителя старших классов средних школ, студентки педагогических вузов и учащиеся старших классов обоих полов. Один из важнейших сделанных тогда выводов заключался в том, что и у среднестатистической работающей учительницы, и у студентки педагогического вуза широта кругозора была уже, а уровень интересов ниже, чем у среднестатистического учащегося. Это являлось большой проблемой для сферы просвещения и образования. Как может педагог с уровнем знаний ниже, чем у ученика, давать ему знания? Поясню: профессия учителя в стране

в то время считалась непрестижной, и в педагогические вузы шли, наверное, самые слабые абитуриенты. Часто в педагогический вуз шли потому, что он ближе к дому, или из-за небольшого конкурса. Результаты исследования свидетельствовали: около половины учительниц и студенток не любят детей, а эта профессия им нужна только для зарабатывания денег (хотя все знают о зарплатах учителей!). Помните культовый фильм Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром»? Главный герой Женя Лукашин (врач) в диалоге с героиней Надей (учитель) рассуждает о престижности их профессий: «...судя по зарплате, этого не скажешь!» Проблема не новая, о ней все знают. Можно задаваться риторическими вопросами. Как же так? Мы отдаем учителям, врачам самое дорогое, что у нас есть, – своих детей, а платим им меньше, чем всем другим? На самом ли деле дети – самое дорогое, что у нас есть? Попробуйте сравнить зарплаты учителя и доставщика пиццы. Как видится, решение обозначенной проблемы включает две составляющие: тщательный отбор абитуриентов и достойное материальное вознаграждение за педагогический труд, который надо уважать.

Помня о результатах указанного исследования, я старалась хотя бы на несколько шагов быть впереди обучаемых. А студенты у нас разные! Есть очень подготовленные и пытливые. Я никогда не считала зазорным учиться у тех, кто развивается. Молодежь живет в своем мире и своей среде, а ее интересы часто непонятны старшему поколению. Я старалась прислушиваться ко всем предложениям и вопросам, звучавшим в аудитории. Узнавала от студентов что-то новое, расспрашивала их, поддерживала. Например, от студентов в начале 2000-х гг. я впервые услышала слова «флешмоб», «информационная гигиена» и «информационная безопасность», «субкультура фурри» и т. д.

За 30 лет работы на кафедре я видела разных студентов. Практически каждый набор имел очень ярких индивидов, с которыми было интересно взаимодействовать. Обычно отношения со всеми у меня складывались хорошо. Если сравнивать уровень подготовленности обучающихся социологии, то, по моим представлениям, год от года он снижался. И не потому, что раньше «травка была зеленее, а ягоды слаще»... Есть объективные показатели. Я хорошо помню один из первых своих выпусков – 1999 г. Из 28 человек половина получила красные дипломы, а остальные только немного не дотянули до отличных результатов. Студенты учились увлеченно, можно сказать, азартно. С некоторыми выпускниками 1999 г. и последующих лет я до сих пор контактирую, мы интересуемся жизнью друг друга: Наташа Миклаш, Наташа Александрович, Ира Дудник, Оля Янчук, Таня Воронцова, Аня Шебеко, Оля Гринкевич, Саша Харитоновна, Юлиана Брейво, Марина Балбуц-

кая, Карина Врублевская... Почти все девочки, выйдя замуж, поменяли свои фамилии, многие живут не в Беларуси. Уже есть те, кто работает на кафедре социологии: Наташа Курилович, Аня Душевская, Таня Бурак, Таня Щелкова, Анжела Сакович, Аля Похомова, Олег Кобяк... И Юра Черняк (светлая память!), недавно ушедший из жизни в возрасте 44 лет. Ваши студенческие годы были и моими годами...

Со временем социологов по призванию, на мой взгляд, становится меньше. Это не просто слова. При знакомстве со второкурсниками я всегда задавала вопрос: как вы оказались на нашем отделении, что вас сюда привело, что вы знаете о работе социолога? И если в первые годы моей работы часто звучали ответы о том, что нравится профессия, что узнали о профессии от родителей или друзей, что специальность порекомендовал авторитетный человек и т. п., то позже все чаще я слышала о том, что попал сюда случайно, что где-то недобрал баллов, что перевели с другого отделения, и т. д. Особенно поражало, когда студенты отвечали, что им просто нужен диплом о высшем образовании, а у нас его получить проще, чем где-то еще. Правда, такое мнение я слышала только на заочном отделении, но неоднократно.

Обучение на первом курсе – только подготовка к профессиональному обучению, закладка фундамента. Со второго курса начинается подготовка социологов-прикладников: теперь им нужно чаще думать самостоятельно, учиться наблюдать за окружающим миром, видеть в своей жизни признаки того, что является частью общей социальной проблемы. Нередко лекция или семинар начинались с ответов на вопрос: что из увиденного сегодня свидетельствует о наличии социальной проблемы, в чем ее суть? Когда студенты выбирали темы для своих исследований, курсовых проектов, я интересовалась, почему они хотят изучать именно этот вопрос, пыталась разбудить их интерес, но ничего не навязывала, просто направляла в нужное русло, добивалась, чтобы курсовая или дипломная работа была достойна высокого балла.

В 2010 г. после защиты курсовых проектов студенты поинтересовались у меня, что происходит с их работами после защиты. Я пояснила, что дипломные проекты сдаются в архив и хранятся там определенное правилами время, а курсовые находятся на кафедре. Позже я задумалась, хорошо ли, что работы просто лежат, и поделилась размышлениями с доцентом Ларисой Владимировной Филинской. Вместе мы решили, что лучшие работы со всех курсов нужно публиковать в ежегодных альманахах. Тогда студенты и преподаватели отделения будут иметь возможность знакомиться с ними, знать актуальную тематику работ, видеть, как нужно излагать материал, чтобы получить высокую оценку. Наконец, наличие публикаций важно использовать при защите дипломной работы или при поступлении

в магистратуру, аспирантуру. Кроме того, тексты были бы доступны и материализованы «для истории», а не пылились бы в шкафах. С такими мыслями мы пришли к А. Н. Данилову. Он поддержал идею, и на заседании кафедры данное предложение было одобрено. Коллеги тоже нас поддержали. Название альманаха согласовали со студентами – «Социологические дебюты». Уже через год вышло первое издание. Спасибо всем причастным! Я думаю, что если не будет возможности издавать альманах в печатном виде, то в электронном формате его всегда можно опубликовать. Это же копилка студенческих достижений!

Теперь давайте поговорим о моем любимом предмете «Социология брака и семьи», программу и содержание которого я разрабатывала самостоятельно, поскольку учебного пособия еще не было. До начала учебного года оставалось время, и я сумела подготовить несколько лекций.

Сложность преподавания предмета «Социология брака и семьи» заключалась в том, что он включал большое количество тем. Много появлялось публикаций, исследовательского материала. В этом море информации можно было утонуть, а программа определяла для преподавания дисциплины конкретное число часов. Помню, как студенты огорчались, что лекции читали только один семестр.

В начале 1990-х гг. литературы (книг, статей) по семейной проблематике становилось все больше, но учебников все еще не было. Позже в Москве вышла книга профессора Анатолия Ивановича Антонова и доцента Виктора Михайловича Медкова «Социология семьи» (1996). Каждый педагог, который готовится преподавать предмет, понимает, что прежде ему нужно составить программу, разработать план дисциплины, список рекомендуемой литературы, продумать интересные методы работы на семинарских и практических занятиях. И, конечно, написать содержание лекций, изложить их. Должна сказать, что на протяжении 30 лет преподавательской деятельности на кафедре я неоднократно перерабатывала и программу, и содержание лекций. Замечу, что сегодня я тоже нашла бы, что изменить и добавить. Структура последнего варианта программы выглядит так: первая часть – история, теоретические и методологические основы социологии брака и семьи и ее представители; вторая – основные предметные области эмпирической социологии семьи. Убеждена, что в развитии любой науки необходима преемственность, т. е. использование и развитие наиболее значимых идей и достижений предшественников. Я опиралась прежде всего на труды советских ученых. Особо скажу о М. С. Мацковском (1945–2002) – яркой и авторитетной фигуре в советской и постсоветской социологии семьи. Его книга «Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики» (1989) до сих пор, на мой взгляд, очень значима

для разработки теоретико-методологических основ в отечественной науке. Преемственность означает не бессмысленное повторение, а последовательное движение вперед, творческую разработку идей и теоретических предложений. Например, в учебном пособии «Социология семьи» (2011), структурируя понятийно-категориальный аппарат указанного направления, я использовала основные идеи Михаила Семеновича как остов, содержательно же категории сопровождала новыми материалами, работами современных теоретиков и практиков, а также результатами собственных социологических исследований и данными коллег, изучавших брачно-семейную проблематику.

Вернусь немного назад. Моя первая книга по социологии семьи – «Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии» – для студентов отделения социологии была издана только в 2010 г. и представляла собой систематизированный материал, который я использовала в процессе многолетнего преподавания дисциплины. Книга содержит биографические данные о философах и ученых из Европы, США, России, Беларуси, а также Восточно-Азиатского региона, внесших вклад в становление и развитие социологии брака и семьи. Присутствует социально-историческая информация о семейной жизни китайцев и японцев, развитии брачно-семейных отношений в СССР и их социологическом изучении. Обращу внимание на то, что в учебниках по социологии как в США, так и в Европе материалов, посвященных странам Восточной Азии, нет. Их не принято включать в генезис мировой социологической мысли. Причина заключается не в их отсутствии, а в преувеличенном значении опыта западной научной и социокультурной традиции, ориентированной в основном на универсально-технократическое развитие, прогрессистское видение истории, мировой культуры в целом и игнорирование роли восточной социальной мысли. Сегодня очевидно, что нельзя рассматривать только западный опыт. Уже давно возникла необходимость при разработке новой парадигмы мироустройства учитывать мнения и знания всех наций и народов мира. Азиатское общество с его богатейшей историей и социокультурным опытом представляет собой широкое поле для научных исследований. Именно поэтому я решила включить в лекционный курс материалы о китайской и японской семье и о том, как развивается их наука о семье. Есть небольшой материал и об Индии, хотя это уже не Восточная, а Южная Азия.

Книга содержит вступительное слово профессора А. Н. Данилова. Для меня было большой честью, что Александр Николаевич принял активное участие в подготовке издания. Вместо заключения приводятся размышления о любви, браке и их роли в жизни современной молодежи. Кроме того, книга содержит выдержки из студенческих эссе о любви раз-

ных лет. Согласно программе изучения социологии брака и семьи в течение семестра студенты пишут эссе о реальной истории любви, которая их больше всего впечатлила. Для большинства самым важным оказался собственный опыт и личные переживания. Это, на мой взгляд, хороший пример рефлексии.

Издание было посвящено студентам отделения социологии и кафедре социологии БГУ, которой с момента образования исполнилось 20 лет. Я считаю, что социология брака и семьи – очень специфическая дисциплина, потому что у каждого человека есть свои представления о браке и семье, причем с детства. И в этом заключается сложность. При изучении данного предмета необходимо преодолевать собственные стереотипы и личный опыт. Нужно подниматься выше, чтобы, образно говоря, за отдельными деревьями видеть лес. Дисциплина не только дает научные знания о семье и браке в систематизированном виде, но и является основой для личностного роста и повышения компетентности в указанной сфере. Указанная книга была издана тиражом всего 150 экземпляров, потому что выпускалась за собственные средства. Я хотела зафиксировать в печатном виде все свои наработки. Университет выделил средства на вторую часть издания по социологии семьи, хотя и она имела небольшой тираж – 100 экземпляров. Для наших студентов книга стала большим подспорьем. В идеале нужно было бы объединить две части в одно издание под общим названием «Социология брака и семьи». Однако этого не случилось...

Думаю, что социология брака и семьи – интегральная дисциплина. Так считает и профессор А. И. Антонов. Социология семьи привлекает данные социальной философии, иных наук – антропологии, социальной истории, психологии, демографии, этнографии, юриспруденции и др., а также отраслей социологического знания – гендерной теории, социологии личности, социологии молодежи, художественной литературы и т. д. Социологическое знание о семье и браке является будто бы скелетом, а «плоть» – это данные и факты социологических исследований, других отраслей. Например, для исследования такой предметной области, как образ жизни семьи, мной был проведен сравнительный анализ семейного уклада в Японии и Камеруне (можно было взять и другие страны, но в указанных государствах наблюдается наибольший контраст: семьи расположены не только на разных континентах, но и будто бы в разных временах). Сравнялось географическое положение стран, продолжительность жизни граждан, уровень рождаемости, традиции, воспитание детей, распределение обязанностей между супругами.

На семинарских и практических занятиях, чтобы всем было интересно, я всегда использовала интерактивные методы, опыт, приобретенный в ходе работы в разных проектах в Беларуси, а также на тренингах в других странах. Среди методов были ролевые

игры, дебаты на актуальные темы, обсуждение способов воспитания детей в разных странах, написанные эссе о любви, просмотры образовательных фильмов и их дальнейшее обсуждение, анализ женских и мужских персонажей народных сказок, сочинение собственных сказок на современные темы и т. д.

Помню интересный случай: при изучении теорий семьи (в 2010 или 2011 г.) я представила второкурсникам теорию «естественной семьи», автором которой был современный американский социолог профессор Алан Карлсон. Студенты заинтересовались ее деталями, я предложила им уточнить у автора некоторые моменты. Мы составили перечень вопросов и перевели их на английский язык. Нам повезло связаться с профессором, а на международной конференции по семейной проблематике в Анталии (Турция) я увидела его и передала письмо с вопросами от студентов. Он с удовольствием позже прислал по электронной почте ответы. Мы обсуждали их на очередном семинаре. Это было запоминающимся! Переписку студентов и профессора опубликовал журнал «Социология». Спасибо Александру Николаевичу!

Расскажу еще об одном памятном случае. В 2009 г. мы со студентами второго курса (я была их куратором) сняли видеофильм «Мужчина и женщина» о двух молодых парах. Нашей целью было показать разницу в характере отношений традиционной пары, где доминирует мужчина, и современной, где в приоритете равноправие. Все обязанности съемочной группы были распределены между студентами: сценаристы, режиссеры-постановщики, операторы, звукорежиссеры и, конечно, актеры. Прошел и кастинг: для исполнения главных ролей отобрали несколько человек. Фильм снимали около месяца, а потом устроили публичный показ, на который пригласили второкурсников и преподавателей. Все участники мероприятия получили диски с записью фильма. В дальнейшем я практически ежегодно демонстрировала данную студенческую работу на втором курсе как учебный материал.

...Социолог – это врач-диагност. Мне очень нравится такое сравнение. И, как любому специалисту, ему необходима качественная подготовка, теоретическая, и практическая, богатый опыт. Социолог видит социальные патологии, выявляет противоречия. В идеале он диагностирует проблему, определяет причины ее возникновения и предлагает пути устранения (если у него для этого хватает знаний и опыта). Конечно, он не «лечит». Этим занимаются те, кто обладает соответствующими компетенциями и полномочиями. Объективность и беспристрастность, профессионализм и честность – необходимые качества социолога. С одной стороны, он дает возможность обществу, социальным группам посмотреть на себя в социологическое зеркало. Это привычное сравнение. Определяющее значение здесь

имеет желание общества посмотреть на себя. С другой стороны, «зеркало» должно быть без изъянов. Специалисты могут быть ангажированными, распространять ложную информацию. Таких случаев и в XX, и в XXI в. известно немало. Чего стоят социологические замеры рейтингов кандидатов в президенты в США в 2024 г.!

В русском языке есть поговорка «Каков вопрос, таков и ответ». Я убеждена, что социолог должен быть беспристрастным, объективным, честным человеком, и он не должен работать один. Социологические исследования – это коллективный труд. При проработке методологической части любого исследования нужны коллективные обсуждения, сверка взглядов, моральных принципов. И всегда важны честность и объективность! Не устаю это повторять. Подтасовку данных можно расценивать как лжесвидетельство. Сегодня в жизни много неправды, подлости, фальши, фейков. Трудно оставаться правдивым, но это необходимо, чтобы быть профессионалом. И человеком... Извините за пафос. Наболело...

Хочу подчеркнуть, что каждый год я перерабатывала и обновляла материалы по обоим предметам, которые преподавала. Всегда что-то меняла, добавляла, потому что появлялись новые исследования, публикации, возникали новые социальные проблемы, в стране и мире происходили разные события. Хотелось быть в курсе всего, вникать в происходящее и учитывать его, обсуждать с коллегами и студентами. Этим и захватывало преподавание.

После нескольких лет работы на кафедре социологии мне поручили разработку и преподавание на четвертом курсе предмета «Сравнительная социология». Казалось, что это интересный и полезный предмет, но он просуществовал недолго. Как только ФФСН перешел на болонскую систему преподавания, предмет исключили из программы изучения. И не только его. Значительно сократили учебную и другую практику. У меня было ощущение, что наше отделение стало деградировать... В том смысле, что раньше студенты прирастали новыми знаниями и навыками, а потом стали сокращать часы для изучения предмета. Болонская система – это европейская система образования, которая унифицирует процессы и многое упрощает. Она не свойственна нам, снижает качество образования, присущее нам раньше.

Перейду от темы преподавания к научной и исследовательской деятельности. В 2000-х гг. я участвовала в нескольких проектах, координировала их. Одним из первых было совместное исследование молодой семьи в Минске и Москве, инициированное в 2001 г. Российским государственным социальным университетом, профессором Галиной Ивановной Осадчей. С белорусской стороны проектом руководила я. По результатам исследования было опубликовано несколько работ.

Много раз я сотрудничала с ЮНИСЕФ: участвовала в проектах, которые были связаны с пробле-

мами детей и семьи. Самым значимым для себя считаю национальный проект по изучению причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь, который в 2007 г. координировала. В нем была задействована и ведущий демограф страны профессор Людмила Петровна Шахотько. Она провела глубокий анализ статистических данных о брачности и разводимости населения Беларуси, рождаемости и многих других показателей, касающихся здоровья людей, за четверть века, описала имеющиеся тенденции. В состав исследовательской группы входили также кандидаты социологических наук Александра Константиновна Воднева и Ольга Александровна Янчук, представитель Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь Марина Борисовна Артеменко. В качестве метода сбора информации использовался анкетный опрос женщин-матерей (500 человек) и мужчин-отцов (500 человек), у которых были дети школьного возраста. Мужчины и женщины представляли разные семьи. Содержание анкет было идентичным. Кроме того, опросили 500 учащихся старших классов (они не имели отношения ни к женщинам, ни к мужчинам, которые участвовали в анкетировании). Исследование было выборочным, с использованием квотного метода, и репрезентативным для всей страны. Кроме анкетного опроса, для оценки экспертами ситуации в сфере семьи и брака в нашей стране мы применили метод фокус-группы.

Публичная презентация отчета прошла на ФФСН в конце 2009 г. Было много приглашенных, в том числе из Министерства образования Республики Беларусь. Отчет содержал все материалы исследования: концепцию, инструментарий, систематизированный анализ результатов, сравнительные данные по разным массивам анкет, одномерные распределения по всем пунктам опросников, выводы и рекомендации для совершенствования семейной политики, повышения престижа семьи и семейного образа жизни, оптимизации отношений между супругами, родителями, детьми и т. д.

Немного о сотрудничестве с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), налаженном в конце 1990-х гг. В то время в Беларусь прибыло много людей из Грузии и Афганистана. Нам предложили поработать с афганскими женщинами. Это было новым направлением для меня, ответственным, но интересным. В качестве метода исследования мы выбрали идею создания женского клуба для беженок, в котором афганки могли бы общаться с белорусками и адаптироваться к жизни в новой стране. Женщины занимались разнообразной деятельностью: кройкой и шитьем, приготовлением блюд национальной кухни, языковыми курсами и др. Позже УВКБ обратилось к нам с просьбой провести социологическое исследование «Гендерные аспекты насилия в среде афганских беженцев». Это стало особым исследованием отчасти потому, что существовало

много языковых трудностей и культурных различий. Однако нам удалось выявить проблемы в среде беженцев-мужчин и беженцев-женщин и разработать практические рекомендации. Были и другие проекты. С данной организацией мы работали более 10 лет.

Хочу продолжить разговор о наградах. Я счастливый обладатель нагрудного знака Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі» (2010), медали «За общественное служение Союзному государству» (2018) как член Международной общественной палаты созыва 2017–2020 гг. и медали Научного фонда Антонио Менегетти в номинации «Женщины третьего тысячелетия» (2019), которую мне вручили на 5-м Международном женском конгрессе в Минске, а также нагрудного знака отличия «100 лет БГУ» (2021).

Отдельная тема в моей научной и творческой биографии – гендерные исследования. Отмечу лишь, что в этой сфере я сделала немало, участвовала во многих национальных и международных проектах. Отчасти данный вопрос отражен в моей статье «Гендерные исследования в Беларуси: история, социальный контекст, персоны» («Журнал Белорусского государственного университета. Социология», 2018, № 1). С гендерных позиций написана моя книга «Мужчины в жизни современной женщины». Ее замысел появился после прочтения издания американского доктора философии Кларисы Пинкола Эстес «Бегущая с волками», посвященного женским архетипам. Мне показалась интересной идея выявить роль отцов, дедушек, братьев, мужей, сыновей и внуков в жизни и формировании современных белорусок. Эмпирической основой книги стали глубокие фокусированные интервью с женщинами разных поколений и профессий, а также разного семейного статуса. Они переосмысливают видение мужчин и нередко бывают не удовлетворены отношениями с ними. Женщина считается основным воспитателем детей, в том числе сыновей. В общем, если кто-то захочет продолжить исследование данной темы, то, обратившись к моей книге, получит интересную информацию и сделает неожиданные открытия.

Жаль, что с недавних пор научный термин «гендер» стали применять в неблагоприятных политических целях, а гендерной тематикой спекулируют и злоупотребляют. В науке все просто: пол и гендер – две взаимосвязанные категории. Пол – биологическое понятие, гендер – социальное. Есть только два пола: женский и мужской. Это норма. Третьего не дано. Значит, и социальная надстройка есть только двух видов: женское (женственность) и мужское (мужественность). Гендерная тематика с энтузиазмом воспринималась студенческой молодежью, и понятно, почему. Это новый взгляд на мужчин и женщин, взгляд не только через призму пола, но и через социальное и культурное конструирование мужского и женского в разных сферах деятельности, в разных обществах. По-моему, данный процесс очень увлекательный и продуктивный. Я всегда

поощряла внимание студентов к новым взглядам на проблему социального раскрытия и самореализации мужчин и женщин, на их взаимодействие.

А. Д.: *Поделитесь историей создания и особенностями работы научной школы социологии семьи в Беларуси, лидером которой Вы являетесь (люди, идеи, исследования, гранты, труды, конференции, международное признание). Какова, на Ваш взгляд, перспектива этого направления?*

С. Б.: В обычном понимании научная школа – это система взглядов отдельного научного сообщества. В Беларуси научная школа социологии семьи была основана Н. Г. Юркевичем, а в России – А. Г. Харчевым и М. С. Мацковским. Я являлась одной из учениц этих школ, а потом стала продолжательницей, сохраняла преемственность, собирая и осмысливая новую информацию, делая аналитические публикации. Наверное, к продолжателям можно отнести моих магистранток и аспиранток.

Я имею «свою» школу – всех тех, кому я 30 лет читала на отделении социологии курс «Социология брака и семьи». Очень надеюсь, что у всех, кто познакомился с этим предметом, осталось хотя бы 10 % знаний, пригодившихся им в личной жизни. Каждый год на нашем отделении студенты защищали несколько курсовых и дипломных работ по брачно-семейной проблематике. Результаты были хорошими. Все время появлялись люди, которые нуждались в индивидуальном общении, моей поддержке и совете. Необходимую помощь я всегда оказывала. И тогда, и спустя годы я слышала благодарные отклики. Думаю, что предмет «Социология брака и семьи» они изучали не напрасно и наше общение было полезным. Рада, что смогла кому-то помочь.

В душе живет надежда, что мои публикации по брачно-семейным вопросам имеют образовательное и практическое значение. Самыми удачными и информационно наполненными считаю свои статьи «Современная семья: крах или другая жизнь?» (журнал «Социология», 2015, № 2) и «Неполная семья в Беларуси: социологический анализ» (журнал «Социальные технологии, исследования», 2020, № 2).

Хочется верить в то, что дисциплина «Социология брака и семьи» будет преподаваться молодежи всегда и ее содержание будет дополняться и обновляться новыми жизненными примерами, теориями и эмпирическими данными, потому что семья – не только социальный институт или объект для изучения, но и наша реальная жизнь. Она существует столько, сколько существуют люди. Нам нужно об этом помнить.

А. Д.: *Расскажите, пожалуйста, о своем понимании жизни, счастья, судьбы. Как Вы сейчас живете? Каковы Ваши жизненные принципы и как бы Вы ответили, какие уроки следует учесть идущим за нами?*

С. Б.: Очень масштабный и глубокий вопрос, Александр Николаевич! Еще на одно большое интервью. Я ограничусь тезисными ответами.

Я уже говорила о своих жизненных принципах, поэтому нынешний этап моей жизни – осмысление прожитого и настоящих человеческих ценностей. Не потому, что я раньше этого не делала, а потому, что, как сказал С. Есенин, «лицом к лицу лица не увидеть. Большое видится на расстояньи...». Сейчас – с расстояния – я могу увидеть то, что было когда-то «лицом к лицу». Однако я живу не прошлым, а настоящим, здесь и сейчас. В каждом возрасте можно найти и положительные, и отрицательные моменты. У моего возраста много плюсов. Ушло все сиюминутное, суетливое. Нет больше хронической нехватки времени, нет ощущения, что оно слишком быстро ускользает. Парадоксально, но сегодня есть чувство, что сутки стали растягиваться... Это внутри. Хотя снаружи замечаю, что время бежит все быстрее. Оно очень динамичное, сложное, насыщенное событиями, тревожное и одновременно очень интересное как исторический период, поэтому слежу за мировыми, белорусскими и российскими новостями. В этом смысле социолог во мне продолжает жить. Использую только те источники, которым доверяю. Слушаю только тех людей, кто интересен. Видимо, социология – это действительно мое призвание. Очень важно найти свое место в жизни, когда профессия, работа интересны, приносят радость и пользу. Я была на своем месте. Отмечу, что моя школьная мечта сбылась. Не так, как виделось тогда, по-другому, но сбылась.

Социологам сейчас непросто. Всем людям непросто. А когда было просто? Но трудности надо преодолевать. Сегодня очень много информации, много и фейков. Искусственный интеллект делает «фальшивки», которые трудно отличить от правды. Подделывают все: внешность человека, локации, голос, язык. Сложно не попасть в такие капканы. Со временем правда все же становится очевидной. И я думаю, что социологи должны помогать людям видеть неправду. Транслировать надо объективную информацию. Делать это все сложнее, но необходимо. Думается, что большой потенциал есть у междисциплинарного подхода в изучении общества, объединении социологов и психологов, включении в методику получения информации чего-то нового, например изучения невербальной коммуникации. В последнее время слежу за работами Михаила Дементьева, автора но-

вого подхода к изучению человеческого взаимодействия, который он назвал «кинетический интеллект». Думаю, что здесь есть чему поучиться и социологам. В общем, надо искать новое с помощью новых технологий. Это очень захватывает!

Сейчас актуальным становится вопрос верификации информации. Полученные количественными методами сведения нужно проверять качественными способами: посредством наблюдения, углубленного личного интервью (живая беседа, не онлайн), фокус-групп, анализа документов и т. д. Я надеюсь, что люди перестанут верить ложным публикациям и фейковым сообщениям в социальных сетях. Категория «доверие» становится все более актуальной, поэтому надо думать над вопросами: как его обеспечить? как проверять данные? кто кому верит? Обычно верят родным, близким, друзьям – тем, кто не был замечен в обмане, кто говорит правду, не подводит. Такими качествами должны обладать и социологи.

Согласна с Маргаритой Симоньян, которая считает, что скоро люди устанут от виртуального мира и захотят общаться вживую. Очень в это верю. Нужно принимать вызовы времени, которых становится все больше, и оставаться людьми. Сегодня практически все, в том числе дети и пенсионеры, поглощены «жизнью» в интернете, социальных сетях. Желание общаться с реальными людьми становится меньше, но хочется верить, что мы не превратимся в придаток искусственного интеллекта, что у нас хватит ума не превратиться в цифру.

Всем, кто начинает профессиональную деятельность, желаю найти свое место в жизни, а еще желаю иметь настоящую, дружную семью, хорошего супруга/супругу и детей. Человек без семьи как перекасти-поле: ни корней, ни ветвей.

Желаю любви! Ненависть, злоба, зависть, жадность, подлость разрушают и отдельного человека, и общество в целом, наносят ему огромный ущерб. Герой романа Ф. М. Достоевского сказал: «Красота спасет мир». Многие соглашались, но, если красота лишена духовного начала, она не спасает. Верю, что мир спасет только любовь, потому что она созидает.

Спасибо, Александр Николаевич, за Ваши вопросы, за внимание! Надеюсь, что мои ответы кому-то будут интересны.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.36.303.425.2(476)

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК В СТРАНАХ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

А. А. БЕЛОВ^{1), 2)}, А. Н. ДАНИЛОВ³⁾, М. А. КОРНЕЕВЕЦ^{3), 4)}, Л. В. ФИЛИНСКАЯ^{3), 5)}

¹⁾ Филиал ООО «ИнКата» по Могилёвской области,
военный городок № 1 «Крепость», стр. 1/26, 213809, г. Бобруйск, Беларусь

²⁾ Научно-технологический парк ООО «ИнКата»,
пр. Пекинский, 18, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень»,
222210, Смолевичский р-н, Минская обл., Беларусь

³⁾ Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

⁴⁾ Гипросвязь, ул. Сурганова, 24, 220012, г. Минск, Беларусь

⁵⁾ Центр социологических и политических исследований БГУ,
ул. Академическая, 25, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе результатов программы «Поколения и гендер» рассматривается влияние ценностных ориентаций на реализацию репродуктивных установок в странах второго демографического перехода. Исследование позволяет выявить, как новые вызовы воздействуют на семейную и демографическую динамику, включая трансформацию представлений о семье, браке, родительских и гендерных ролях, межпоколенческих отношениях, репродуктивных установках, распределении семейных обязанностей. Подтверждается, что институт семьи продолжает сохранять свой ценностный приоритет, хотя наблюдаются значительные трансформации в традиционных нормах семейных отношений. Выявляется тенденция к либерализации взглядов на брак, сожителство, разводы, родительство в различных странах Европы, включая Беларусь. Подчеркивается необходимость учета этих изменений при разработке государственной социальной политики и образовательных программ, направленных на сохранение семейных ценностей и обучение навыкам конструктивного разрешения конфликтов.

Образец цитирования:

Белов АА, Данилов АН, Корнеевец МА, Филинская ЛВ. Влияние ценностных ориентаций на реализацию репродуктивных установок в странах второго демографического перехода. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;3:58–74.
EDN: AKUZYM

For citation:

Belov AA, Danilov AN, Korneyevets MA, Filinskaya LV. The influence of value orientations on the realisation of reproductive attitudes in the countries of the second demographic transition. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:58–74. Russian.
EDN: AKUZYM

Сведения об авторах см. на с. 74.

Information about the authors see p. 74.

Ключевые слова: современный социум; программа «Поколения и гендер»; ценности; брак; семья; гендерные роли; межпоколенческие отношения; репродуктивные установки.

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения целей устойчивого развития» (№ гос. регистрации 2/21/001130).

THE INFLUENCE OF VALUE ORIENTATIONS ON THE REALISATION OF REPRODUCTIVE ATTITUDES IN THE COUNTRIES OF THE SECOND DEMOGRAPHIC TRANSITION

A. A. BELOV^{a, b}, A. N. DANILOV^c, M. A. KORNEYEVETS^{c, d}, L. V. FILINSKAYA^{c, e}

^aInKata LLC branch (Mogilev Region),
military town No. 1 «Krepost'», 1/26 building, Bobruisk 213809, Belarus

^bTechnopark of InKata LLC,
18 Piekinski Avenue, China-Belarus Industrial Park «Great Stone»,
222210, Smaliavichi District, Minsk Region, Belarus

^cBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^dGiprosvyaz, 24 Surganova Street, Minsk 220012, Belarus

^eCentre for Sociological and Political Research, Belarusian State University,
25 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.vitebsk55@gmail.com)

Abstract. Based on the results of the programme «Generations and Gender», the influence of value orientations on the realisation of reproductive attitudes in countries undergoing the second demographic transition is considered. The study identifies how new challenges are impacting family and demographic dynamics, including the transformation of ideas about family, marriage, parental and gender roles, intergenerational relationships, reproductive attitudes, and the distribution of family responsibilities. It confirms that the institution of the family continues to retain its value priority, despite significant transformations in traditional norms of family relations. A trend toward liberalisation of views on marriage, cohabitation, divorce, and parenthood is identified in various European countries, including Belarus. The need to consider these changes when developing state social policy and educational programmes aimed at preserving family values and teaching skills for constructive conflict resolution is emphasised.

Keywords: modern society; programme «Generations and Gender»; values; marriage; family; gender roles; intergenerational relations; reproductive attitudes.

Acknowledgements. The study was prepared within the framework of the project «Strengthening the scientific and educational potential of the Republic of Belarus in the field of collection, analysis and use of demographic data for achieving the sustainable development goals» (state registration No. 2/21/001130).

Введение

Проблемы семьи всегда находились в центре внимания социологов. В Беларуси сложилась и активно функционирует научная школа социологии семьи. В XX в. были написаны первые крупные научные работы, отражающие социологические аспекты брака и семьи: монографии С. З. Каценбогена «Спорные вопросы в учении о происхождении брака и семьи» (1923), «Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана «Бетюала»» (1923); С. Я. Вольфсона «Социология брака и семьи» (1929), «Семья и брак в их историческом развитии» (1937) и др. [1]. После возрождения социологии весомый вклад в развитие этого научного направления внесли социологи БГУ Н. Г. Юркевич [2], С. Д. Лаптенюк [3], С. Н. Бурова¹ и др. В эти

годы сложилась научная школа социологии семьи, которая была признана в мире. В крупных международных проектах был постоянно задействован Центр социологических и политических исследований БГУ, который создал и долгое время возглавлял профессор Д. Г. Ротман (1944–2024). В самых престижных мировых форумах, посвященных проблемам семьи, активное участие принимала С. Н. Бурова. И сегодня, в XXI в., эстафету этой научной школы продолжают социологи БГУ нового поколения. Мир меняется, и возникают новые социальные изменения. Катализаторами перемен предстают ценности, прежде всего ценность семьи [4–7], которая также претерпевает изменения под влиянием трансформации социальной жизни.

¹Бурова С. Н. Социология семьи : курс лекций. Минск : БГУ, 2011. 208 с.

Брак, семья и гендерные роли в меняющемся обществе

В современном обществе фиксируется трансформация ценностей брака, семьи, родительства, межпоколенческого взаимодействия. Поведение в брачно-семейной сфере во многом определяет образ жизни человека. Рост индивидуалистических взглядов среди населения Европы влияет на представления людей о браке, его роли в жизни человека, а также представления об альтернативных формах брачных отношений. Однако создание семьи и рождение детей приводят к ограничению индивидуализма и принятию ответственности за других людей. В связи с этим актуализируется вопрос о месте брака и детей в структуре ценностей населения. Ввиду разнообразия форм семейных отношений (сожительство, гражданский брак, однополые партнерства, монородительство) возникает необходимость осмысления и анализа их места и значения в страновом и межпоколенческом контексте в зависимости от наличия и количества детей. В рамках настоящей статьи по указанной проблематике исследовались данные шести стран – Беларуси, Австрии, Великобритании, Германии, Хорватии и Эстонии. Для анализа динамики ценностных ориентаций рассматривались три поколения: 1) поколение 1971–1975 гг.; 2) поколение 1981–1985 гг.; 3) поколение 1986–2000 гг.

Представители поколения 1971–1975 гг. из Беларуси и Эстонии формировали свои репродуктивные установки и семейные ценности в условиях стабильности позднего советского периода, в 1991 г. респондентам было от 16 лет (учеба в школе) до 20 лет (учеба в профессионально-технических, средних специальных учебных заведениях, учреждениях высшего образования или работа). Респонденты из более молодых поколений выросли в атмосфере независимости, в условиях быстрых социальных изменений. При характеристике ценностных предпочтений представителей поколения 1981–1985 гг. рассматривались различия в ответах тех, кто не имеет детей, и тех, у кого есть один ребенок, двое детей, трое и более детей.

Социально-демографическое исследование в рамках программы «Поколения и гендер» традиционно включает изучение ценностных ориентаций и жизненных позиций в отношении брака; развода; сожительства; межпоколенческих взаимодействий; гендерных установок, связанных в том числе с получением образования, участием в политической деятельности и др. Таким образом, результаты данного исследования позволяют охватить широкий спектр вопросов, касающихся трансформации семейных отношений в современном обществе.

При использовании единого базового инструментария программы допускаются некоторые изменения в наборе вариантов предлагаемых для оценки

утверждений, а также их замена. Один из вопросов включал несколько утверждений.

1. Брак – это устаревшее явление.

2. Мужчина и женщина могут жить вместе без официального оформления своих отношений (без вступления в брак).

3. Это нормально, если несчастливые пары разводятся, даже если у них есть дети.

4. Для того чтобы женщина чувствовала себя полноценной, она должна иметь детей.

5. Для того чтобы мужчина чувствовал себя полноценным, он должен иметь детей.

6. Чтобы расти счастливым, ребенку нужны дом и оба родителя (в инструментарий в Великобритании данное утверждение не было включено).

7. Если у дошкольника мать работает, ребенок, вероятнее всего, страдает от этого.

8. Гомосексуальные пары должны иметь те же права, что и гетеросексуальные пары (в инструментарий в Беларуси данное утверждение не было включено).

Для оценки этих утверждений предлагались следующие варианты ответа: 1) полностью не согласен; 2) не согласен; 3) ни согласен, ни не согласен; 4) согласен; 5) полностью согласен. В ходе анализа варианты ответа «полностью не согласен» и «не согласен» были заменены на вариант ответа «не согласен», варианты ответа «согласен» и «полностью согласен» – на вариант ответа «согласен».

Все перечисленные утверждения относятся к теме семейных ценностей и касаются трансформации представлений о семье, браке, родительских и гендерных ролях в современном обществе. Анализ результатов исследования позволил зафиксировать изменения традиционных норм, появление новых форм семейных отношений, а также отношение населения указанных стран к этим изменениям. Рассмотрим степень согласия (несогласия) в отношении каждого утверждения.

Брак – это устаревшее явление. Более половины участников исследования не согласились с данным утверждением, исключение составляют австрийские респонденты из поколений 1981–1985 гг. и 1986–2000 гг. (49,0 и 43,9 % соответственно). Больше всего противников данного утверждения проживают в Беларуси: для 72,1 % представителей поколения 1981–1985 гг. и 64,8 % представителей поколения 1986–2000 гг. идея брака как единственно возможной формы отношений не потеряла актуальность, хотя каждый седьмой (14,3 %) молодой житель страны был согласен с данным утверждением. Во всех странах молодые люди более либерально относятся к вопросам института брака. Чаще соглашались с утверждением «Брак – это устаревшее явление» участники исследования, у которых нет детей или есть только один

ребенок. Например, в Беларуси с данным утверждением согласны 20,0 % бездетных респондентов и только 7,9 % многодетных респондентов.

Мужчина и женщина могут жить вместе без официального оформления своих отношений (без вступления в брак). Сожительство без брака становится все более распространенным явлением: абсолютное большинство (80 % и более) респондентов считают возможным совместное проживание мужчины и женщины без официального оформления отношений. В Германии сожительство без брака одобряют 91,3 % представителей поколения 1986–2000 гг. Исключение составляют жители Беларуси и Хорватии: в этих странах большинство респондентов согласны с данным утверждением. Однако сторонников таких отношений несколько меньше. Так, в Беларуси их доля среди представителей поколения 1981–1985 гг. составляет 53,1 %, среди представителей поколения 1986–2000 гг. – 60,5 %. В Хорватии с данным утверждением согласны 57,7 % представителей поколения 1981–1985 гг. и 66,5 % представителей поколения 1986–2000 гг.

Во всех анализируемых странах от поколения к поколению фиксируется рост допустимости сожительства, что указывает на либерализацию взглядов на семейные отношения. Наличие детей незначительно влияет на количество поддерживающих сожительство респондентов. Наиболее существенная разница в ответах наблюдается в Беларуси: поддерживают сожительство 73,3 % бездетных респондентов; 66,1 % респондентов, у которых есть один ребенок; 28,9 % многодетных респондентов.

Это нормально, если несчастливые пары разводятся, даже если у них есть дети. В современном обществе разводы перестали быть чем-то из ряда вон выходящим; многие люди готовы к такому шагу, если видят, что дальнейшее совместное проживание невозможно. Результаты исследования показывают полное единодушие в данном вопросе: более 80 % опрошенных согласились с допустимостью развода в такой ситуации. В Беларуси с данным утверждением согласны 64,7 % респондентов из поколения 1971–1975 гг., 71,1 % респондентов из поколения 1981–1985 гг. и 75,4 % респондентов из поколения 1986–2000 гг. Как показывают данные исследования, наличие детей не меняет отношения людей к прекращению отношений. Более того, в некоторых странах сторонников такого мнения среди многодетных родителей даже больше. В Великобритании за развод несчастливых пар выступают 80,4 % бездетных представителей поколения 1981–1985 гг. и 92,1 % многодетных представителей поколения 1981–1985 гг. В Беларуси самыми решительными являются респонденты, имеющие одного ребенка, – 85,3 % из них поддерживают идею развода. Среди бездетных респондентов доля согласных составляет 70,0 %; среди респондентов, которые имеют двух детей, – 67,0 %; среди многодетных респондентов – 61,6 %.

Полученные данные свидетельствуют о принятии развода как нормы.

Для того чтобы женщина чувствовала себя полноценной, она должна иметь детей. Данное утверждение содержит традиционный взгляд на роль женщины в обществе. Однако в современном мире все больше женщин стремятся к самореализации не только в материнстве, но и в карьере, творчестве и других сферах. Результаты исследования свидетельствуют о том, что это утверждение находит определенную поддержку лишь в Беларуси. Однако в нашем государстве число сторонников среди молодых респондентов в 1,7 раза меньше, чем число сторонников среди респондентов из поколения 1971–1975 гг. (29,0 и 50,5 % соответственно). В остальных странах число несогласных с данным утверждением превышает число тех, кто выразил согласие, в 5 и более раз. Особенно категоричны представители поколения 1986–2000 гг. из Великобритании, Австрии, Эстонии (82,0, 80,3 и 77,1 % соответственно). Следовательно, наблюдается значительная трансформация мнений, которая объясняется уменьшением важности материнства для признания полноценности женщины. Наличие детей оказывается значимым фактором согласия с данным утверждением только в Беларуси: среди бездетных респондентов доля сторонников этого мнения составляет 17,2 %; среди респондентов, имеющих одного ребенка, – 46,8 %; среди респондентов, имеющих двух детей, – 48,4 %, среди многодетных респондентов – 57,9 %.

Для того чтобы мужчина чувствовал себя полноценным, он должен иметь детей. Данное утверждение также может свидетельствовать о традиционном взгляде на роль мужчины в обществе. Однако для многих мужчин отцовство, особенно осознанное, является важной частью жизни, оно помогает им почувствовать себя более зрелыми и ответственными. Оценка данного утверждения идентична оценке предыдущего утверждения: основная масса респондентов из Хорватии, Эстонии, Австрии, Германии и Великобритании (более 60 %) не согласна с такой точкой зрения. В Беларуси принимают такую точку зрения более 40 % респондентов из старшей возрастной группы и только четверть представителей поколения 1986–2000 гг.

Чтобы расти счастливым, ребенку нужны дом и оба родителя. Это утверждение подчеркивает важность полной семьи для гармоничного развития ребенка. Вместе с тем наиболее значимым условием для обеспечения счастья ребенка выступает не наличие обоих родителей, а здоровая атмосфера в семье независимо от ее состава. Сторонников данного взгляда на семью более 50 % среди представителей всех изучаемых поколений из Хорватии и среди представителей поколения 1971–1975 гг. из Эстонии, Австрии и Германии. Среди респондентов из поколений 1981–1985 гг. и 1986–2000 гг. в этих странах

полную семью поддерживают четверть участников исследования. В Беларуси по-прежнему считают, что для ребенка лучше расти в полной семье: с данной точкой зрения согласны 77,0 % представителей поколения 1971–1975 гг., 73,4 % представителей поколения 1981–1985 гг. и 70,0 % представителей самого младшего поколения, которое выросло в условиях разнообразных форм семейных отношений и, возможно, имеет более либеральные взгляды. Таким образом, несмотря на изменения социальных норм и установок, большинство жителей Беларуси считают, что для ребенка лучше расти в полной семье. Наличие детей оказывается значимым фактором согласия с данным утверждением для респондентов из Беларуси и Хорватии. Для респондентов из остальных стран данный фактор не является решающим.

Если у дошкольника мать работает, ребенок, вероятнее всего, страдает от этого. Данное утверждение связано со стереотипными представлениями о влиянии работы матери на ребенка. Во всех

странах фиксируется рост или неизменность числа несогласных с этим утверждением, что свидетельствует о трансформации взглядов на роль работающих матерей. Отличается позиция лишь у многодетных респондентов из Беларуси и Австрии, более трети которых (35,9 и 34,1 % соответственно) отметили, что работа матери может негативно сказаться на ребенке.

Гомосексуальные пары должны иметь те же права, что и гетеросексуальные пары. Данные исследования свидетельствуют о толерантном отношении к ЛГБТ-сообществу представителей всех поколений из Австрии, Германии, Великобритании: более 72 % опрошенных из этих стран согласились с данным утверждением. В Эстонии наиболее толерантным являются респонденты из поколения 1986–2000 гг.; в Хорватии выразили поддержку лишь 28,7 % представителей поколения 1971–1975 гг. и 34,3 % представителей поколения 1986–2000 гг.

Подробная структура ответов на все вышеописанные утверждения представлена в табл. 1–3.

Таблица 1

Распределение ответов представителей разных поколений из Беларуси, Хорватии и Эстонии в зависимости от их отношения к утверждениям о гендерных ролях и семейных ценностях, %

Table 1

Distribution of responses from representatives of different generations from Belarus, Croatia and Estonia depending on their attitude towards statements about gender roles and family values, %

Варианты ответа	Респонденты из Беларуси			Респонденты из Хорватии			Респонденты из Эстонии		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
<i>Брак – это устаревшее явление</i>									
Не согласен	73,0	72,1	64,8	64,4	62,2	62,0	68,0	60,5	52,4
Ни согласен, ни не согласен	17,0	17,7	20,9	24,5	27,0	26,6	26,3	29,7	34,3
Согласен	10,0	10,2	14,3	11,1	10,8	11,4	5,7	9,8	13,3
<i>Мужчина и женщина могут жить вместе без официального оформления своих отношений (без вступления в брак)</i>									
Не согласен	34,5	24,7	21,4	17,9	16,7	11,9	9,1	4,0	4,4
Ни согласен, ни не согласен	24,0	22,2	18,1	29,4	25,6	21,6	15,8	11,2	6,4
Согласен	41,5	53,1	60,5	52,7	57,7	66,5	75,1	84,8	89,2
<i>Это нормально, если несчастливые пары разводятся, даже если у них есть дети</i>									
Не согласен	12,8	11,3	9,6	5,4	6,3	6,9	3,0	2,2	2,7
Ни согласен, ни не согласен	22,5	17,6	15,0	11,7	13,9	13,3	9,5	7,1	7,5
Согласен	64,7	71,1	75,4	82,9	79,8	79,8	87,5	90,7	89,8
<i>Для того чтобы женщина чувствовала себя полноценной, она должна иметь детей</i>									
Не согласен	22,0	25,2	43,5	62,1	62,8	68,8	43,8	58,5	77,1

Окончание табл. 1
Ending of the table 1

Варианты ответа	Респонденты из Беларуси			Респонденты из Хорватии			Респонденты из Эстонии		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
Ни согласен, ни не согласен	27,5	28,2	27,5	24,3	26,4	20,8	25,0	23,1	13,6
Согласен	50,5	46,6	29,0	13,6	10,8	10,4	31,2	18,4	9,3
<i>Для того чтобы мужчина чувствовал себя полноценным, он должен иметь детей</i>									
Не согласен	24,5	29,7	44,6	58,7	57,2	64,7	38,9	56,7	75,2
Ни согласен, ни не согласен	31,0	28,8	29,8	27,8	28,7	22,3	28,6	24,2	15,1
Согласен	44,5	41,5	25,6	13,5	14,1	13,0	32,5	19,1	9,7
<i>Чтобы расти счастливым, ребенку нужны дом и оба родителя</i>									
Не согласен	10,5	9,2	11,4	21,3	19,5	21,5	18,3	25,8	31,9
Ни согласен, ни не согласен	12,5	17,4	18,6	23,1	22,6	25,3	29,9	31,7	30,1
Согласен	77,0	73,4	70,0	55,6	57,9	53,2	51,8	42,5	38,0
<i>Если у дошкольника мать работает, ребенок, вероятнее всего, страдает от этого</i>									
Не согласен	41,8	44,5	46,4	66,5	67,9	64,6	57,5	59,2	59,6
Ни согласен, ни не согласен	36,6	31,4	36,9	21,2	21,1	25,2	26,8	28,6	29,0
Согласен	21,6	24,1	16,7	12,3	11,0	10,2	15,7	12,2	11,4
<i>Гомосексуальные пары должны иметь те же права, что и гетеросексуальные пары</i>									
Не согласен	–	–	–	45,5	43,6	42,9	43,5	34,0	21,8
Ни согласен, ни не согласен	–	–	–	25,8	27,8	22,8	21,5	20,5	18,1
Согласен	–	–	–	28,7	28,6	34,3	35,0	45,5	60,1

Таблица 2

**Распределение ответов представителей разных поколений из Австрии,
Германии и Великобритании в зависимости от их отношения к утверждениям
о гендерных ролях и семейных ценностях, %**

Table 2

**Distribution of responses from representatives of different generations from Austria,
Germany and Great Britain depending on their attitude towards statements
about gender roles and family values, %**

Варианты ответа	Респонденты из Австрии			Респонденты из Германии			Респонденты из Великобритании		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
<i>Брак – это устаревшее явление</i>									
Не согласен	57,5	49,0	43,9	59,3	54,1	51,5	59,9	60,3	54,9
Ни согласен, ни не согласен	28,1	29,2	30,5	26,3	26,8	26,2	23,2	22,6	23,9

Окончание табл. 2
Ending of the table 2

Варианты ответа	Респонденты из Австрии			Респонденты из Германии			Респонденты из Великобритании		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
Согласен	14,4	21,8	25,6	14,4	19,1	22,3	16,9	17,1	21,2
<i>Мужчина и женщина могут жить вместе без официального оформления своих отношений (без вступления в брак)</i>									
Не согласен	8,0	4,9	6,8	5,6	4,6	4,1	7,3	8,3	6,6
Ни согласен, ни не согласен	6,0	6,0	4,5	5,8	5,8	4,6	11,9	11,0	8,4
Согласен	86,0	89,1	88,7	88,6	89,6	91,3	80,8	80,7	85,0
<i>Это нормально, если несчастливые пары разводятся, даже если у них есть дети</i>									
Не согласен	4,3	4,4	5,4	5,6	6,5	5,6	4,1	4,9	4,0
Ни согласен, ни не согласен	4,7	5,8	5,8	4,8	6,0	6,2	13,4	10,0	10,0
Согласен	91,0	89,8	88,8	89,6	87,5	88,2	82,5	85,1	86,0
<i>Для того чтобы женщина чувствовала себя полноценной, она должна иметь детей</i>									
Не согласен	67,8	72,9	80,3	56,7	60,2	74,4	76,7	80,0	82,0
Ни согласен, ни не согласен	17,3	14,0	11,2	26,5	24,3	16,0	19,4	16,4	13,0
Согласен	14,9	13,1	8,5	16,8	15,5	9,6	3,9	3,6	5,0
<i>Для того чтобы мужчина чувствовал себя полноценным, он должен иметь детей</i>									
Не согласен	65,0	68,3	76,3	55,1	58,5	72,6	73,7	77,1	80,3
Ни согласен, ни не согласен	19,2	16,4	13,4	28,7	25,7	17,7	22,5	18,9	14,4
Согласен	15,8	15,3	10,3	16,2	15,8	9,7	3,8	4,0	5,3
<i>Чтобы расти счастливым, ребенку нужны дом и оба родителя</i>									
Не согласен	37,8	38,8	43,8	31,2	34,4	44,3	–	–	–
Ни согласен, ни не согласен	12,0	13,6	15,7	16,2	17,1	15,6	–	–	–
Согласен	50,2	47,6	40,5	52,6	48,5	40,1	–	–	–
<i>Если у дошкольника мать работает, ребенок, вероятнее всего, страдает от этого</i>									
Не согласен	52,0	56,2	52,5	61,7	70,7	68,5	55,7	57,4	56,8
Ни согласен, ни не согласен	15,3	15,6	21,8	16,8	14,1	17,3	27,8	25,6	28,0
Согласен	32,7	28,2	25,7	21,5	15,2	14,2	16,5	17,0	15,2
<i>Гомосексуальные пары должны иметь те же права, что и гетеросексуальные пары</i>									
Не согласен	15,8	14,1	10,2	15,3	12,7	7,8	6,2	6,9	5,7
Ни согласен, ни не согласен	8,0	7,9	5,7	12,2	10,7	7,1	18,2	13,8	11,5
Согласен	76,2	78,0	84,1	72,5	76,6	85,1	75,6	79,3	82,8

Таблица 3

Распределение представителей поколения 1981–1985 гг. из разных стран Европы, согласившихся с утверждениями о гендерных ролях и семейных ценностях, в зависимости от количества детей, %

Table 3

Distribution of representatives of the 1981–1985 generation from different European countries who agreed with statements about gender roles and family values depending on the number of children, %

Категория респондентов	Страна					
	Беларусь	Хорватия	Эстония	Австрия	Германия	Великобритания
<i>Брак – это устаревшее явление</i>						
Респонденты без детей	20,0	13,6	16,8	28,2	26,4	22,9
Респонденты с одним ребенком	10,0	11,9	10,6	22,8	18,6	17,7
Респонденты с двумя детьми	8,6	8,6	5,3	19,5	15,0	11,7
Респонденты с тремя детьми	7,9	8,1	8,3	15,4	12,4	11,3
<i>Мужчина и женщина могут жить вместе без официального оформления своих отношений (без вступления в брак)</i>						
Респонденты без детей	73,3	61,2	88,9	90,2	91,3	78,1
Респонденты с одним ребенком	66,1	70,8	85,9	91,0	90,5	82,9
Респонденты с двумя детьми	51,6	54,5	84,1	89,7	89,6	89,0
Респонденты с тремя детьми	28,9	43,3	79,9	84,0	84,9	81,5
<i>Это нормально, если несчастливые пары разводятся, даже если у них есть дети</i>						
Респонденты без детей	70,0	79,8	90,8	89,8	88,9	80,4
Респонденты с одним ребенком	85,3	84,8	92,2	87,7	88,0	88,6
Респонденты с двумя детьми	67,0	78,6	89,3	91,4	86,9	84,8
Респонденты с тремя детьми	61,6	82,2	90,3	86,6	86,6	92,1
<i>Для того чтобы женщина чувствовала себя полноценной, она должна иметь детей</i>						
Респонденты без детей	17,2	9,8	16,2	11,2	10,7	5,1
Респонденты с одним ребенком	46,8	7,8	18,7	10,5	16,3	2,5
Респонденты с двумя детьми	48,4	10,9	20,5	13,7	17,2	2,4
Респонденты с тремя детьми	57,9	15,3	16,7	18,1	20,5	2,6
<i>Для того чтобы мужчина чувствовал себя полноценным, он должен иметь детей</i>						
Респонденты без детей	16,7	12,6	18,5	14,2	11,0	4,2
Респонденты с одним ребенком	40,4	8,8	17,9	9,3	16,8	4,5

Окончание табл. 3
Ending of the table 3

Категория респондентов	Страна					
	Беларусь	Хорватия	Эстония	Австрия	Германия	Великобритания
Респонденты с двумя детьми	43,6	16,3	19,7	16,5	18,6	3,6
Респонденты с тремя детьми	50,0	19,3	19,1	19,0	16,8	4,4
<i>Чтобы расти счастливым, ребенку нужны дом и оба родителя</i>						
Респонденты без детей	60,0	54,8	43,2	45,8	42,6	–
Респонденты с одним ребенком	72,1	49,7	43,9	43,1	50,1	–
Респонденты с двумя детьми	72,6	60,8	41,4	52,3	50,9	–
Респонденты с тремя детьми	82,5	65,9	42,8	43,4	49,5	–
<i>Если у дошкольника мать работает, ребенок, вероятнее всего, страдает от этого</i>						
Респонденты без детей	20,6	12,3	12,2	29,6	18,0	17,2
Респонденты с одним ребенком	25,0	9,4	9,4	18,2	11,2	18,1
Респонденты с двумя детьми	18,3	7,8	12,9	28,7	13,4	14,4
Респонденты с тремя детьми	35,9	14,1	12,7	34,1	17,5	19,1

Таким образом, результаты исследования позволяют зафиксировать значительные изменения в традиционных нормах семейных отношений и выявить тенденцию к либерализации взглядов на брак, сожительство, разводы, родительство в различных странах Европы, включая Беларусь. Анализ представленных показателей дает возможность сделать некоторые выводы.

1. Институт брака продолжает сохранять свою актуальность, несмотря на рост либеральных взглядов среди молодежи. Большинство респондентов, особенно респонденты из Беларуси, не считают брак устаревшим явлением, хотя младшее поколение демонстрирует более гибкое отношение к альтернативным формам отношений. Для бездетных людей институт брака менее важен, чем для тех, у кого есть дети, главным образом многодетных родителей.

2. Сожительство без брака становится приемлемой формой отношений, особенно среди молодых людей. Все большую поддержку получает сожительство, что свидетельствует о либерализации взглядов на семейные отношения. В Беларуси и Хорватии этот процесс проходит медленнее, чем в других европей-

ских странах: большая часть респондентов из этих государств также одобряют сожительство, но процент лояльных к данному явлению несколько ниже, особенно среди многодетных родителей.

3. Разводы в современном обществе воспринимаются как нормальное явление. Большинство респондентов поддерживают право несчастных пар на развод даже при наличии у них детей, что указывает на изменение отношения к стабильности брака и приоритетов (личное счастье становится важнее формальных отношений). Наличие детей не является сдерживающим фактором, а в некоторых случаях может даже способствовать разводу.

4. Наличие детей в жизни женщины и мужчины перестает быть определяющим их полноценность фактором. Традиционные взгляды на отцовство и материнство теряют свою актуальность, особенно среди молодежи. В Беларуси тенденция к изменению мнения наблюдается в наибольшей степени в молодежной среде; традиционные взгляды на роль женщины-матери и мужчины-отца здесь более распространены, чем в других европейских странах, особенно среди представителей старшего поколения и многодетных родителей.

5. Наличие полной семьи по-прежнему считается важным условием для гармоничного развития ребенка, особенно в Беларуси. Однако в других странах все большее значение придается качеству семейных отношений, а не их формальной структуре. Следует также отметить определенное противоречие в ответах участников исследования из Беларуси: с одной стороны, более 70 % респондентов считают нормальным развод несчастливых пар даже при наличии детей; с другой стороны, столько же респондентов (70 %) уверены в том, что для счастья ребенка нужны дом и оба родителя. Следовательно, в ответах людей обнаруживается конфликт идеальных представлений о семье и реальных жизненных ситуаций, т. е. респонденты поддерживают развод как решение для несчастливых пар, но при этом продолжают верить в идеал полной семьи. Данное обстоятельство также может свидетельствовать о том, что белорусское общество, как и общества некоторых других постсоветских стран, находится на этапе перехода от традиционных ценностей в отношении брачно-семейных отношений к более современным ценностям, распространенным во многих странах западного мира. В связи с этим люди поддерживают одновременно и новые, и старые нормы. Семья перестает быть исключительно институтом для воспитания детей и становится пространством, позволяющим получить счастье и самореализоваться.

6. Стереотипные представления о негативном влиянии работающей матери на ребенка постепенно исчезают. Во всех странах наблюдается рост числа респондентов, поддерживающих таких матерей, исключение составляют лишь многодетные респонденты из Беларуси и Австрии. В целом полученные результаты отражают изменение гендерных ролей в обществе.

7. Права ЛГБТ-сообщества получают признание в большинстве европейских стран, особенно среди молодежи Австрии, Германии и Великобритании. В Хорватии отношение к этому вопросу остается более консервативным, хотя и здесь наблюдается постепенная либерализация взглядов.

Полученные выводы свидетельствуют о том, что традиционные нормы семейных отношений постепенно уступают более гибким и либеральным взглядам на них. Особенно быстро такие изменения происходят среди молодежи, которая более открыта к разнообразным формам отношений и гендерным ролям. Однако скорость таких преобразований различается. В Беларуси и Хорватии, где сохраняются традиционная культура и ценностные ориентации, этот процесс проходит медленнее. Полученные данные подчеркивают необходимость учета этих изменений при разработке государственной социальной политики и образовательных программ, направленных на сохранение семейных ценностей и обучение навыкам конструктивного разрешения конфликтов.

Межпоколенческие отношения и репродуктивные установки

Межпоколенческие отношения – это комплекс связей и взаимозависимостей, включающий экономические, социальные, духовно-нравственные, социально-психологические, бытовые направления. Изучение межпоколенческих отношений как одного из существенных факторов развития и функционирования общества в современных условиях приобретает особую значимость. В демографической структуре общества происходят следующие качественные изменения: увеличивается продолжительность жизни; меняются границы детства, вхождения во взрослость; увеличивается продолжительность этапа продуктивной профессиональной деятельности (второй возраст), этапа продуктивной пост-профессиональной жизни (третий возраст).

В контексте изучаемой темы следует отметить несколько важных моментов.

1. Ценности семьи, брака, деторождения часто передаются от старшего поколения младшему. Но в настоящее время наблюдается конфликт между традиционными и современными ценностями: старшее поколение может придерживаться традиционных взглядов, тогда как молодые люди ориентируются

на индивидуальные ценности (самореализацию) и карьеру.

2. В странах второго демографического перехода старшее поколение все еще играет значимую роль (например, уход за детьми, финансовая и эмоциональная поддержка), что может влиять на репродуктивные установки молодежи при принятии решения о рождении детей.

3. Происходит переход от многопоколенной семьи к нуклеарной, что меняет характер межпоколенческих взаимодействий.

Таким образом, фиксируется два тренда в развитии межпоколенческих отношений. С одной стороны, межпоколенческие взаимодействия помогают сохранить преемственность семейных ценностей и формируют идентичность младшего поколения, что может влиять на их репродуктивные установки, так как люди стремятся продолжить традиции семьи. С другой стороны, различия в ценностях, взглядах на жизнь между поколениями могут приводить к конфликтам, что, в свою очередь, влияет на готовность младшего поколения к деторождению.

В инструментарий, применяемый в рамках программы «Поколения и гендер», включен вопрос о помощи родителей своим взрослым детям и помощи детей своим родителям. Перед респондентами ставилась задача выразить согласие (несогласие) с несколькими утверждениями.

1. Родители должны обеспечивать финансовую поддержку взрослым детям, когда у детей есть финансовые трудности.

2. Родители должны помогать своим взрослым детям в уходе за внуками (это утверждение присутствовало только в бланке интервью для респондентов из Беларуси).

3. Дети должны брать на себя ответственность за своих родителей и заботиться о них, когда родители в этом нуждаются.

4. Детям следует обеспечивать финансовую поддержку своих родителей, когда у родителей есть финансовые трудности.

Для оценки этих утверждений предлагались следующие варианты ответа: 1) полностью не согласен; 2) не согласен; 3) ни согласен, ни не согласен; 4) согласен; 5) полностью согласен. В ходе анализа варианты ответа «полностью не согласен» и «не согласен» были заменены на вариант ответа «не согласен», варианты ответа «согласен» и «полностью согласен» – на вариант ответа «согласен».

Анализ ответов о степени согласия (несогласия) с этими утверждениями позволил изучить ценностные установки, связанные с межпоколенческой поддержкой и семейной солидарностью. Данные утверждения отражают ожидания родителей и детей относительно их обязанностей и нормы, которые существуют в обществе.

Родители должны обеспечивать финансовую поддержку взрослым детям, когда у детей есть финансовые трудности. Это утверждение отражает норму взаимопомощи в семье. Такая установка также может быть связана с экономическими условиями и культурными традициями. Более 50 % всех респондентов из Германии, Хорватии, Австрии и представители поколения 1971–1975 гг. из Беларуси согласились с данным утверждением. В Эстонии число согласных колеблется от 36,6 до 41,6 %, в Великобритании – от 43,7 до 48,5 %. В Беларуси согласились с утверждением 49,1 % респондентов из поколения 1981–1985 гг. и 44,5 % респондентов из поколения 1986–2000 гг. Самый высокий процент согласных фиксируется в Австрии и Германии, что может свидетельствовать о зависимости взрослых детей от родителей либо указывать на сильную семейную солидарность.

Родители должны помогать своим взрослым детям в уходе за внуками. Данное утверждение

отражает роль старшего поколения в поддержке молодых семей с детьми, что особенно важно, когда оба родителя работают. В Беларуси такая установка связана с традиционными ценностями, которые предполагают, что бабушки и дедушки активно участвуют в воспитании внуков. Немногим более половины представителей старшей возрастной группы из Беларуси согласны с такой помощью своим взрослым детям. Поддержку данному утверждению выразили 43,7 % респондентов из поколения 1986–2000 гг., что может свидетельствовать о некоторых изменениях в роли старшего поколения, увеличении самостоятельности молодых семей.

Дети должны брать на себя ответственность за своих родителей и заботиться о них, когда родители в этом нуждаются. Это утверждение отражает норму взаимной поддержки, которая предполагает, что дети выполняют обязанности по уходу за пожилыми родителями. Такая установка характерна для обществ с сильными семейными ценностями и (или) отсутствием развитой системы социальной поддержки для пожилых людей. Результаты исследования показали, что большинство участников исследования выразили согласие с данным утверждением: минимальный процент поддержки продемонстрировали представители поколения 1971–1975 гг. из Великобритании (56,6 %), максимальный процент поддержки – представители поколения 1986–2000 гг. из Австрии (82,3 %). Сильную семейную солидарность и понимание того, что забота о пожилых родителях – обязанность детей, показали респонденты из младшей возрастной группы.

Детям следует обеспечивать финансовую поддержку своих родителей, когда у родителей есть финансовые трудности. Такая поддержка может быть связана с экономическими условиями (низкие пенсии, отсутствие социальных гарантий для пожилых людей) или культурными традициями. Во всех исследуемых странах фиксируется высокий уровень согласия с этим утверждением; он растет от старших участников опроса к младшим. Самые высокие показатели характерны для респондентов из поколения 1986–2000 гг.: в Хорватии, Беларуси и Австрии выразили согласие с данным утверждением 76,7, 72,2 и 68,5 % молодых людей соответственно. Меньше всего согласных с необходимостью финансовой поддержки родителей в Великобритании: здесь поддерживают данное утверждение 42,9 % представителей поколения 1971–1975 гг., 41,8 % представителей поколения 1981–1985 гг. и 45,7 % представителей поколения 1986–2000 гг.

Подробная структура ответов на все вышеописанные утверждения представлена в табл. 4 и 5.

Таблица 4

**Распределение ответов представителей разных поколений
из Беларуси, Хорватии и Эстонии в зависимости от их отношения к утверждениям
об обязанностях детей и родителей, %**

Table 4

**Distribution of responses from representatives of different generations
from Belarus, Croatia and Estonia depending on their attitude towards statements
about the responsibilities of children and parents, %**

Варианты ответа	Респонденты из Беларуси			Респонденты из Хорватии			Респонденты из Эстонии		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
<i>Родители должны обеспечивать финансовую поддержку взрослым детям, когда у детей есть финансовые трудности</i>									
Не согласен	18,8	22,1	24	6,4	7,4	7,1	12,3	13,2	10,6
Ни согласен, ни не согласен	20,5	28,8	31,5	31,5	38,5	36,0	46,1	50,2	50,0
Согласен	60,7	49,1	44,5	62,1	54,1	56,9	41,6	36,6	39,4
<i>Родители должны помогать своим взрослым детям в уходе за внуками</i>									
Не согласен	18,9	18,5	22,8	–	–	–	–	–	–
Ни согласен, ни не согласен	22,4	31,5	33,5	–	–	–	–	–	–
Согласен	58,7	50,0	43,7	–	–	–	–	–	–
<i>Дети должны брать на себя ответственность за своих родителей и заботиться о них, когда родители в этом нуждаются</i>									
Не согласен	7,9	3,7	5,2	2,9	2,5	2,1	3,2	2,8	2,5
Ни согласен, ни не согласен	15,8	18,1	17,8	17,6	20,6	16,6	27,7	30,0	23,9
Согласен	76,3	78,2	77,0	79,5	76,9	81,3	69,1	67,2	73,6
<i>Детям следует обеспечивать финансовую поддержку своих родителей, когда у родителей есть финансовые трудности</i>									
Не согласен	9,2	6,7	6,2	4,1	3,0	2,7	9,0	6,0	4,2
Ни согласен, ни не согласен	23,1	21,3	21,6	22,4	22,8	20,6	41,3	35,8	35,3
Согласен	67,7	72,0	72,2	73,5	74,2	76,7	49,7	58,2	60,5

Таблица 5

**Распределение ответов представителей разных поколений из Австрии,
Германии и Великобритании в зависимости от их отношения к утверждениям
об обязанностях детей и родителей, %**

Table 5

**Distribution of responses from representatives of different generations from Austria,
Germany and Great Britain depending on their attitude towards statements
about the responsibilities of children and parents, %**

Варианты ответа	Респонденты из Австрии			Респонденты из Германии			Респонденты из Великобритании		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
<i>Родители должны обеспечивать финансовую поддержку взрослым детям, когда у детей есть финансовые трудности</i>									
Не согласен	10,3	8,0	8,8	12,4	11,1	9,0	10,8	13,4	10,0

Окончание табл. 5
Ending of the table 5

Варианты ответа	Респонденты из Австрии			Респонденты из Германии			Респонденты из Великобритании		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
Ни согласен, ни не согласен	21,4	24,1	22,4	22,7	23,1	21,5	40,7	42,9	42,7
Согласен	68,3	67,9	68,8	64,9	65,8	69,5	48,5	43,7	47,3
<i>Дети должны брать на себя ответственность за своих родителей и заботиться о них, когда родители в этом нуждаются</i>									
Не согласен	10,7	9,3	5,5	18,1	16,6	11,1	10,9	10,3	9,0
Ни согласен, ни не согласен	17,8	15,9	12,2	21,2	22,1	17,8	32,5	29,9	27,4
Согласен	71,5	74,8	82,3	60,7	61,3	71,1	56,6	59,8	63,6
<i>Детям следует обеспечивать финансовую поддержку своих родителей, когда у родителей есть финансовые трудности</i>									
Не согласен	19,8	17,8	10,8	23,6	19,4	12,6	15,7	16,2	14,4
Ни согласен, ни не согласен	26,9	23,2	20,7	26,9	25,5	21,2	41,4	42,0	39,9
Согласен	53,3	59,0	68,5	49,5	55,1	66,2	42,9	41,8	45,7

Анализ полученных результатов позволяет выявить в разных странах ряд тенденций семейной межпоколенческой поддержки среди представителей различных поколений.

1. Поддержка взрослых детей родителями при возникновении финансовых трудностей является распространенной практикой. Самый высокий процент согласных с такой поддержкой наблюдается в Австрии и Германии, что может указывать на большую зависимость взрослых детей от родителей или на сильную семейную солидарность. В Беларуси процент согласных среди респондентов из младшего поколения несколько меньше, что может свидетельствовать о постепенном изменении традиционных представлений о роли родителей в поддержке взрослых детей.

2. В Беларуси помощь в уходе за внуками является довольно распространенной практикой. Такая установка связана с традиционными ценностями. Однако процент согласных с такой помощью среди представителей младшего поколения меньше, что может свидетельствовать о некоторых изменениях в роли старшего поколения и увеличении самостоятельности молодых семей.

3. Ответственность детей за заботу о пожилых родителях является универсальной ценностью, которая поддерживается большинством людей. Это обстоятельство свидетельствует о сильной семейной

солидарности и понимании важности взаимной поддержки между поколениями. Респонденты из младшей возрастной группы демонстрируют самый высокий уровень согласия с этим утверждением.

4. Во всех исследуемых странах финансовая поддержка родителей детьми в случае наличия материальных трудностей является нормой, особенно в условиях экономических вызовов и недостаточной социальной поддержки пожилых людей. Уровень согласия с такой поддержкой от старших участников опроса к молодым повышается.

Результаты исследования показывают важность межпоколенческой поддержки в семье, которая проявляется в разных формах – финансовая помощь, уход за внуками, забота о пожилых родителях. В то же время наблюдаются некоторые различия в отношении к этим формам поддержки между респондентами из разных стран и поколений, что может быть обусловлено экономическими условиями, культурными традициями и изменениями социальных ролей. В странах с более индивидуалистической культурой, например в Великобритании, уровень согласия с различными формами поддержки ниже. Молодежь из большинства стран демонстрирует высокий уровень ответственности за пожилых родителей, что указывает на сохранение межпоколенческой солидарности даже в условиях меняющихся социальных норм.

Трансформация взглядов на распределение семейных обязанностей

Вопросы о том, для кого забота о доме и детях более важна и кто лучше справляется с этой задачей, глубоко затрагивают социальные, культурные и гендерные аспекты современного общества. Ответы

на эти вопросы позволяют выявить преобладающие в обществе стереотипы, ценностные установки и ожидания, связанные с распределением ролей в семье.

В условиях постепенного пересмотра традиционных гендерных ролей и движения общества в сторону равенства и партнерства важно понять, насколько эти изменения нашли отражение в общественном сознании. Анализ ответов на указанные выше вопросы может показать, сохраняются ли традиционные представления о том, что забота о доме и детях – преимущественно женская обязанность, и готово ли общество признать, что представители обоих полов могут в равной степени справляться с этими задачами.

В инструментарий исследования было включено два вопроса: 1) «Для кого забота о доме и детях более важна – для мужчин или для женщин?»; 2) «Кто лучше справляется с задачей заботы о маленьких детях – мужчины или женщины?».

Для кого забота о доме и детях более важна – для мужчин или для женщин? Анализ ответов на этот вопрос показывает, что процент выбора вариантов ответа «для мужчин определенно» и «для мужчин незначительно» колеблется от 0,1 до 3,6 %. Существенные различия фиксируются при выборе варианта ответа «для обоих полов в равной степени» (большинство респондентов из Хорватии, Австрии, Германии и Великобритании выбрали именно его). Минимальное значение (65,8 %) зафиксировано среди представителей поколения 1986–2000 гг. из Хорватии, максимальное значение (91,1 %) – среди представителей поколения 1971–1975 гг. из Великобритании. В Беларуси и Эстонии процент выбора вариантов ответа «для обоих полов в равной степени» колеблется от 48,9 до 64,4 % среди разных по-

колений. Такие данные свидетельствуют о развитии эгалитарных взглядов в обществе: обязанности по дому и уходу за детьми распределяются равномерно. Вместе с тем в Беларуси и Эстонии в сумме почти половина респондентов (от 42,0 до 48,3 % и от 34,8 до 43,3 % соответственно) выбрали варианты ответа «для женщин незначительно» и «для женщин определенно», что указывает на преобладание в обществе традиционных взглядов на гендерные роли, в рамках которых забота о доме и детях считается преимущественно женской обязанностью.

Кто лучше справляется с задачей заботы о маленьких детях – мужчины или женщины? Распределение ответов на этот вопрос может отражать существующий в обществе стереотип о том, что женщины по своей природе более склонны к заботе о детях, чем мужчины. Оно может быть обусловлено тем, что во многих культурах роль матери сводится к заботе о детях, а роль отца – к материальному обеспечению семьи; также на выбор ответа может повлиять предвзятость, основанная на личном опыте, наблюдениях или убеждениях. Более половины опрошенных из Беларуси, Хорватии и Эстонии уверены, что с задачей заботы о маленьких детях лучше справляются женщины. В Австрии, Германии и Великобритании такой позиции в сумме придерживаются от 31,6 до 43,1 % респондентов, но при этом более 50,0 % из них считают, что и мужчины и женщины в равной степени могут заботиться о маленьких детях.

Подробная структура ответов на вышеописанные утверждения представлена в табл. 6 и 7.

Таблица 6

Распределение ответов представителей разных поколений из Беларуси, Хорватии и Эстонии в зависимости от их отношения к утверждениям об распределении семейных обязанностей, %

Table 6

Distribution of responses from representatives of different generations from Belarus, Croatia and Estonia depending on their attitude towards statements about the distribution of family responsibilities, %

Варианты ответа	Респонденты из Беларуси			Респонденты из Хорватии			Респонденты из Эстонии		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
<i>Для кого забота о доме и детях более важна – для мужчин или для женщин?</i>									
Для мужчин определенно	1,6	0,9	0,7	0	0	0,7	0	0	0
Для мужчин незначительно	1,6	1,9	1,4	1,0	0,3	0,3	0,8	0,2	0,4
Для обоих полов в равной степени	50,0	48,9	55,9	76,8	72,2	65,8	64,4	56,5	56,5

Окончание табл. 6
Ending of the table 6

Варианты ответа	Респонденты из Беларуси			Респонденты из Хорватии			Респонденты из Эстонии		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
Для женщин незначительно	27,4	22,5	22,1	13,1	14,4	18,2	32,6	39,6	38,4
Для женщин определенно	19,4	25,8	19,9	9,1	13,1	15,0	2,2	3,7	4,7
<i>Кто лучше справляется с задачей заботы о маленьких детях – мужчины или женщины?</i>									
Мужчины определенно	0,4	0,8	0,4	0,2	0,4	0,3	0	0,2	0,1
Мужчины незначительно	0,9	1,3	1,0	0,2	0,1	0,4	0,2	0,4	0,1
Оба пола в равной степени	25,0	21,1	31,5	44,6	42,9	45,1	33,5	41,3	48,4
Женщины незначительно	22,8	23,6	24,7	19,8	22,5	23,6	54,3	45,7	43,1
Женщины определенно	50,9	53,2	42,4	35,2	34,1	30,6	12,0	12,4	8,3

Таблица 7

**Распределение ответов представителей разных поколений из Австрии,
Германии и Великобритании в зависимости от их отношения к утверждениям
об распределении семейных обязанностей, %**

Table 7

**Distribution of responses of representatives of different generations from Austria,
Germany and Great Britain depending on their attitude towards statements
about the distribution of family responsibilities, %**

Варианты ответа	Респонденты из Австрии			Респонденты из Германии			Респонденты из Великобритании		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
<i>Для кого забота о доме и детях более важна – для мужчин или для женщин?</i>									
Для мужчин определенно	0,2	0,2	0,2	0	0	0,1	0,4	0,4	0,7
Для мужчин незначительно	0,4	0,3	0,5	0,1	0,2	0,3	0,1	0,2	0,6
Для обоих полов в равной степени	70,9	70,2	75,0	74,4	75,7	79,1	91,0	90,8	88,9
Для женщин незначительно	25,3	26,2	20,7	23,4	22,1	18,7	7,3	7,1	8,0

Окончание табл. 7
Ending of the table 7

Варианты ответа	Респонденты из Австрии			Респонденты из Германии			Респонденты из Великобритании		
	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.	Поколение 1971–1975 гг.	Поколение 1981–1985 гг.	Поколение 1986–2000 гг.
Для женщин определенно	3,2	3,1	3,6	2,1	2,0	1,8	1,2	1,5	1,8
<i>Кто лучше справляется с задачей заботы о маленьких детях – мужчины или женщины?</i>									
Мужчины определенно	0	0,1	0,1	0	0	0,1	0	0	0,1
Мужчины незначительно	0,2	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1	0,7
Оба пола в равной степени	56,7	57,1	62,4	61,3	63,6	68,1	59,0	59,9	62,3
Женщины незначительно	35,7	34,5	30,0	32,5	30,8	26,9	29,7	28,2	27,2
Женщины определенно	7,4	8,1	7,2	5,9	5,4	4,7	11,2	11,8	9,7

Эгалитарные взгляды на распределение семейных обязанностей более распространены в западных странах (Австрия, Германия, Великобритания), где большинство респондентов поддерживают равное участие мужчин и женщин в заботе о детях и доме. В Беларуси

и Эстонии сохраняются традиционные гендерные роли, в рамках которых забота о доме и детях воспринимается как женская обязанность. Возможно, это обстоятельство связано с культурными традициями и низкой скоростью изменения социальных норм.

Заключение

Исследование позволило выявить доминирование института семьи в контексте трансформации аксиологических предпочтений различных социальных групп населения. Большинство респондентов, особенно респонденты из Беларуси, не считают брак устаревшим явлением, хотя младшее поколение демонстрирует более гибкое отношение к альтернативным формам отношений. В то же время фиксируется трансформация ценностей брака, семьи, родительства, межпоколенческих отношений. Наличие полной семьи по-прежнему считается важным условием для гармоничного развития ребенка, хотя сожительство без брака становится приемлемой формой отношений, особенно среди молодых людей (в Беларуси и Хорватии этот процесс проходит медленнее). Также все респонденты характеризуются более лояльным отношением к разводам. Наличие детей в жизни женщины и мужчины перестает быть определяющим их полноценность фактором. Традиционные взгляды на отцовство и материнство теряют свою актуальность, особенно среди молодежи. В Беларуси тенденция к изме-

нению социальных норм и установок наблюдается в наибольшей степени в молодежной среде, но традиционные взгляды на роль женщины-матери и мужчины-отца здесь более распространены, чем в других европейских странах, особенно среди старшего поколения и многодетных семей. Белорусское общество, как и общества некоторых других постсоветских стран, находится на этапе перехода от традиционных ценностей брачно-семейных отношений к более демократичным ценностям, распространенным в странах западного мира. Отмечается важность межпоколенческой поддержки в семье, которая проявляется в разных формах: финансовая помощь, уход за внуками, забота о пожилых родителях. Молодежь в большинстве стран демонстрирует высокий уровень ответственности за пожилых родителей, что указывает на сохранение межпоколенческой солидарности. Институт семьи меняется, что необходимо учитывать при разработке государственной социальной политики и образовательных программ, направленных на сохранение семейных ценностей.

Библиографические ссылки

1. Белов АА, Данилов АН, Денисов АЮ, Филинская ЛВ. Белорусская семья в меняющемся мире. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024;24(3):571–585. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-571-585.
2. Юркевич НГ. *Избранные труды*. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право»; 2015. 592 с. (Наследие права).
3. Данилов АН, Зеленков АИ, Лаптенюк АС, составители. *Память и слава: Сергей Данилович Лаптенюк. К 90-летию со дня рождения*. Минск: БГУ; 2025. 255 с.
4. Белов АА, Похомова АА, Соглаева ЛА, Филинская ЛВ. Лонгитюдное исследование белорусской семьи по методологии программы «Поколения и гендер». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;1:74–81. EDN: GPVMXN.
5. Булынько ДМ, Ротман ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018*. Минск: БГУ; 2019. 191 с.
6. Терещенко О, Кучера Т, редакторы. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 2, Анализ результатов исследования «Поколения и гендер»*. Минск: Белсэньс; 2018. 196 с.
7. Ротман ДГ, Эмери Т, редакторы. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 1, Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер»*. Минск: Белсэньс; 2018. 162 с.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025.
Received by editorial board 24.06.2025.

Авторы:

Андрей Александрович Белов – кандидат социологических наук; директор¹⁾, заместитель директора²⁾.

Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Максим Андреевич Корнеев – аспирант кафедры цифровой экономики экономического факультета³⁾, младший научный сотрудник отдела анализа и прогноза развития Центра перспективных исследований в сфере цифрового развития⁴⁾.

Лариса Владимировна Филинская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук⁵⁾, старший научный сотрудник⁵⁾.

Authors:

Andrey A. Belov, PhD (sociology); director^a and deputy director^b.

belov404.net@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4664-6531>

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

a.vitebsk55@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-2110-0229>

Maksim A. Korneyevets, postgraduate student at the department of digital economy, faculty of economics^c, and junior researcher at the department of ICT development, Centre of Information Research and Analysis^d.

korneyevets.maksim@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0970-3314>

Larisa V. Filinskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences^e, and senior researcher^e.

filinskay@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4133-5416>

УДК 316.334.23-057.875(476)

СТАРТАП-ЭКОСИСТЕМА БЕЛАРУСИ: ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ НАМЕРЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И. В. ПИНЧУК¹⁾, А. А. ПОХОМОВА¹⁾, Л. В. ФИЛИНСКАЯ^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Центр социологических и политических исследований БГУ, ул. Академическая, 25, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены экосистемы стартап-движения в Республике Беларусь в разрезе предпринимательских интенций и возможностей студенческой молодежи. Определено понятие «стартап-экосистема» и его элементы. Проанализированы результаты социологического исследования, проведенного в 2024 г. учебно-научно-исследовательским кластером «Общественное мнение» Белорусского государственного университета по инициативе Секретариата Наблюдательного совета Парка высоких технологий среди студенческой молодежи 10 учреждений высшего образования Беларуси. Отмечена важная роль университетов в функционировании стартап-экосистемы и повышении привлекательности предпринимательства для молодежи, способствование деятельности стартап-центров в структуре учреждений высшего образования развитию инновационного предпринимательства как стратегически значимого сектора для экономики страны. Представленные результаты могут быть использованы для дальнейшего развития стартап-движения в Республике Беларусь, а также формирования национальной стартап-экосистемы.

Ключевые слова: студенческая молодежь; предпринимательские намерения; предпринимательская культура; стартап; стартап-экосистема; стартап-центр; предпринимательский университет.

Благодарность. Коллектив авторов выражает признательность Секретариату Наблюдательного совета Парка высоких технологий в лице Д. И. Микулко, а также коллегам по кафедре социальной коммуникации факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета И. А. Лемецу и Е. К. Артеменко-Мельянцовой за помощь в сборе и обработке данных.

STARTUP ECOSYSTEM OF BELARUS: ENTREPRENEURIAL INTENTIONS OF THE STUDENT YOUTH

I. V. PINCHUK^a, A. A. POKHOMOVA^a, L. V. FILINSKAYA^{a, b}

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bCentre for Sociological and Political Research, Belarusian State University,
25 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: A. A. Pokhomova (pakhom@bsu.by)

Abstract. The article is devoted to the ecosystem of the startup movement in the Republic of Belarus in the context of entrepreneurial intentions and opportunities of students. The concept of a startup ecosystem and its elements are defined. The article analyses the results of a sociological study of Belarusian students conducted in 2024 in 10 institutions of higher education of the Republic of Belarus by the Public Opinion research cluster of the Belarusian State University (hereinafter referred to as the BSU Management Committee) on the initiative of the Secretariat of the Supervisory Board of the Hi-Tech Park. It is noted that universities play an important role in the functioning of the startup ecosystem and increasing the attractiveness of entrepreneurship among young people, the activities of startup centers in the structure of higher education institutions contribute to the development of innovative entrepreneurship as strategically important for the country's economy.

Образец цитирования:

Пинчук ИВ, Похомова АА, Филинская ЛВ. Стартап-экосистема Беларуси: предпринимательские намерения студенческой молодежи. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2025;3:75–84.
EDN: CEAYIW

For citation:

Pinchuk IV, Pokhomova AA, Filinskaya LV. Startup ecosystem of Belarus: entrepreneurial intentions of the student youth. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2025;3:75–84. Russian.
EDN: CEAYIW

Сведения об авторах см. на с. 84.

Information about the authors see p. 84.

The results obtained can be applied in the development of measures for the further development of the startup movement in the Republic of Belarus, as well as the formation of a developed national startup ecosystem.

Keywords: student youth; entrepreneurial intentions; entrepreneurial culture; startup; startup ecosystem; startup centres; entrepreneurial university.

Acknowledgements. The team of authors expresses its gratitude to the Secretariat of the Supervisory Board of the High Technology Park represented by D. I. Mikulko, as well as to colleagues from the department of social communication of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, I. A. Lemets and E. K. Artemenko-Melyantsova, for their assistance in data collection and data processing.

Введение

Сегодня практически все знают об онлайн-площадке для краткосрочной и долгосрочной аренды жилья *Airbnb*, о приложении *Uber*, видеоплатформе *Twitch*, платформе для дизайна *Canva*, компании *SpaceX*, сервисе доставки еды *Delivery Club*, маркетплейсе *Wildberries*, платформе для онлайн-образования *TeachMeSkills* и других стартапах, которые не только приобрели большую популярность и коммерческий успех, но и значительно изменили качество жизни людей. Их пример вдохновляет молодежь на собственный бизнес-поиск, показывая, что инновационные идеи могут трансформироваться в успешные международные проекты.

Долгое время в научной коммуникации и общественном пространстве широко распространенным было понятие «предпринимательство». Предпринимательство можно рассматривать как форму проявления общественных отношений, возникающих в результате инициативной деятельности индивидуальных или коллективных хозяйствующих субъектов в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ, нацеленную, как правило, на получение прибыли (дохода) и осуществляемую от имени предпринимателя, на его риск и под его имущественную ответственность [1, с. 65]. В фокусе таких отношений находится риск и получение максимальной прибыли. Существование в обществе слоя предпринимателей позволяет говорить о становлении предпринимательской культуры. Однако однозначного мнения о том, что такое предпринимательская культура, в научных кругах не сформировалось. Кроме того, представляется оптимальным рассмотрение данного явления на трех уровнях: макро-, мезо- и микроуровне [2, с. 54]. На макроуровне предпринимательская культура как неотъемлемая часть общества со сформированным слоем предпринимателей, имеющих разные половозрастные характеристики, отражает отношение населения к предпринимательской деятельности, нормы, правила и традиции ведения бизнеса в определенных социокультурных, экономических

и правовых условиях. На мезоуровне предпринимательская культура охватывает вопросы ведения бизнеса в рамках отдельной организации, принимаемая форма организационной культуры. На микроуровне предпринимательская культура отражает готовность/намерения граждан организовать свое дело, что невозможно без сформированных предпринимательской грамотности и компетенций. Предпринимательская грамотность отражает базовые знания и умения, необходимые для ведения предпринимательской деятельности [3]. В Республике Беларусь на формирование предпринимательской грамотности направлены факультативные занятия в старших классах учреждений среднего образования (например, «Предпринимательство в действии»¹), а также университетские образовательные проекты для школьников, например инициатива экономического факультета Белорусского государственного университета (БГУ) совместно с Институтом дополнительного образования БГУ – онлайн-уроки в Школе предпринимательства для старшеклассников².

Предпринимательская компетентность отражает определенный уровень владения полученными знаниями и умениями, а также готовность субъекта применять данные знания в трудовой деятельности.

Предпринимательская грамотность и компетентность обуславливают во многом предпринимательские интенции/намерения субъекта. Формирование предпринимательской культуры детерминировано уровнем развития предпринимательской экосистемы, где стартап-сегмент выступает значимым компонентом.

В рамках данной статьи мы рассмотрим предпринимательскую культуру стартап-движения на всех уровнях ее проявления: от сформированной в государстве системы поддержки стартап-движения, отдельных субъектов, оказывающих содействие в развитии стартап-культуры, до предпринимательских намерений и стартап-активности студенческой молодежи в учреждениях высшего образования.

¹Учебная программа факультативных занятий «Предпринимательство в действии» для X класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования, с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]. URL: <https://adu.by/images/2024/06/up-fz-predprinimatelstvo-10kl.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).

²Школа предпринимательства для старшеклассников [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.bsu.by/abiturientam/shkola-predprinimatelstva/> (дата обращения: 12.05.2025).

Стартап-экосистема как драйвер инновационного предпринимательства

Исследования феномена предпринимательства, в том числе инновационного, в молодежной среде практически не проводились. Указанная тема представлена в основном научными публикациями по экономическим наукам (А. В. Данильченко, Д. В. Станкевич, А. И. Поболь, Е. Л. Мордосевич, П. Е. Резкин, А. А. Рулева и др.). Вопросами молодежного предпринимательства и стартапа как формы ведения инновационного бизнеса в разные годы занимались такие белорусские социологи, как И. А. Андрос, О. В. Кобяк, В. А. Симхович, Л. В. Филинская, С. Н. Щербинин, Е. Г. Павлова, М. В. Вишнякова и др. Работ, посвященных анализу роли университета в национальной стартап-экосистеме, очень мало.

Стартапы, сохраняя общую с предпринимательством ориентацию на получение прибыли, реализуют обозначенную цель через создание и внедрение принципиально новых продуктов, технологий. Стартап-экосистема, естественным образом связанная с предпринимательской экосистемой, но не тождественная ей, ориентирована на содействие развитию стартапов [4]. Стартап-экосистему можно определить как «взаимосвязанную совокупность организаций и событий, формирующих условия для создания и развития стартапов, а также непосредственно самих стартапов, выделенную по территориальному признаку» [5, с. 49]. Национальная стартап-экосистема включает в себя ряд ключевых элементов, таких как инфраструктура, система государственного содействия развитию, ресурсы системы образования и науки, финансирование и т. д. [4, с. 55–56]. Стартап рассматривается как катализатор инноваций на мезо- и макроуровнях. В связи с этим неудивительно, что в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348, отмечено, что «стимулирование участия молодежи в сфере научно-технической и инновационной деятельности, формирование и развитие новых бизнес-моделей молодежной занятости в инновационной сфере», в том числе поддержка молодежных стартапов, будет находиться в приоритете в рамках развития инновационного предпринимательства. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 июня 2023 г.

№ 180, отмечается необходимость «создать научно-технологические парки (их филиалы) в крупных районных центрах, сформировать на их базе для начинающих инновационных предпринимателей технологическую инфраструктуру (центры прототипирования, коллективного пользования и другое)», что «позволит привлечь в научно-технологические парки более 200 стартапов». Кроме того, «планируется внедрить венчурную экосистему (инкубаторы, акселераторы стартапов, фонды разных стадий) с учетом лучших международных практик и принципов государственно-частного партнерства». В рамках государственной программы «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021–2025 гг., утвержденной постановлением Совета Министров от 29 января 2021 г. № 56, также отмечена значимость стимулирования деловой инициативы и разработки экосистемы инновационного предпринимательства.

В структуру стартап-экосистемы Беларуси на данный момент входят предпринимательские университеты, внедряющие модель «Университет 3.0», а также научные учреждения, технопарки, инкубаторы, акселераторы, инвесторы, сообщества и сети для обмена опытом³. В 2018 г. прототип карты экосистемы стартапов Республики Беларусь был разработан в рамках хакатона «FinTechHackatonMinsk'2018» и включал в себя информацию о ресурсах на разных стадиях развития стартапа (идея и концепция, прототип и вывод на рынок, роллаут, рост и масштабирование)⁴. Определенные результаты по формированию стартап-экосистемы в Беларуси уже заметны, но данный процесс только запущен. В мировом индексе стартап-экосистем (*Global Startup Ecosystem Index*, версия компании *StartupBlink*) в 2025 г. Беларусь занимает 84-е место из 100 стран мира и 1400 городов⁵. В пятерку лидеров в 2025 г. входят США, Великобритания, Израиль, Сингапур, Канада⁶.

Формирование университетской экосистемы стартапов – одна из перспективных задач по созданию благоприятных условий проявления бизнес-инициативы среди студенческой молодежи, так как первоочередными проблемами в данном направлении является слабое развитие предпринимательского духа в академической среде и тенденция к сокращению числа молодых ученых, желающих монетизировать результаты своих исследований и разработок.

³Стартап-экосистема ПВТ [Электронный ресурс]. URL: <https://spex.by/rus/news/http-startup-ecosystem> (дата обращения: 17.07.2025).

⁴Project Marketing составили карту экосистемы стартапов Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/story/karta-ekosistemy-startapov-belarusi/> (дата обращения: 17.07.2025).

⁵The Startup Ecosystem of Belarus [Electronic resource]. URL: <https://www.startupblink.com/startup-ecosystem/belarus?page=1> (date of access: 17.07.2025).

⁶Лучшие страны для стартапов в 2025 году: кто лидирует в мировой гонке инноваций [Электронный ресурс]. URL: <https://the-tech.kz/luchshie-strany-dlya-startapov-v-2025-godu-kto-lidiruet-v-mirovoj-gonke-innovaczij/> (дата обращения: 17.07.2025).

Материалы и методы исследования

Для изучения и оценки предпринимательских интенций студенческой молодежи Беларуси специалисты учебно-научно-исследовательского кластера «Общественное мнение» БГУ с 11 по 20 ноября 2024 г. провели социологическое исследование, в котором задействовали 10 учреждений высшего образования из разных регионов Беларуси и г. Минска. Сбор эмпирических данных осуществлялся методом онлайн-опроса. Объем выборочной совокупности составил 2764 респондента. Поскольку в от-

дельных университетах количество опрошенных превышало норму по квоте, в ходе обработки полученной информации была применена процедура перевзвешивания данных.

Выборочная совокупность включала 55,6 % девушек и 44,4 % юношей. Студенты бюджетной формы обучения составили 64,9 %, платной формы – 35,1 %. В опросе приняли участие 26,2 % студентов 1-го курса; 21,7 % студентов 2-го курса; 25,3 % студентов 3-го курса; 26,8 % студентов 4-го и 5-го курсов.

Результаты и их обсуждение

Согласно мнению опрошенных студентов для успешного начала предпринимательской деятельности необходимы четкий план развития собственного бизнеса на перспективу (92,9 %), стартовый капитал (или система финансовой поддержки молодых бизнесов) (91,5 %), предпринимательский склад характера (87,7 %), специальные знания в области управления, маркетинга, финансового планирования (82,1 %), команда специалистов и работников нужной квалификации (72,6 %), возможность арендовать помещение и оборудование (80,1 %) как часть системы государственной поддержки (рис. 1). Стартап-экосистема в Беларуси находится на стадии формирования, поэтому ее потенциал и возможности для развития стартап-движения раскрыты не в полной мере и являются для студенческой молодежи неочевидным условием успешного начала своего бизнеса.

Следует отметить, что девушки чаще, чем юноши, указывают в ответах на важность таких факторов, как наличие стартап-центров в университетах (61,6 и 45,2 % соответственно) и возможность полу-

чать консультации в бизнес-инкубаторах (60,0 и 42,1 % соответственно).

Наиболее перспективной сферой для создания своего бизнеса студенты считают торговлю – 21,0 % (рис. 2). Информационные технологии и коммуникации, дизайн они отметили в среднем по 13,1 %, рекламу, маркетинг – по 10 %. Торговля более привлекательна для юношей – 27,7 % (для девушек – 15,0 %), а также обучающихся экономического и естественно-научного профилей (в среднем по 25,7 %). Сфера информационных технологий и коммуникаций также в большей степени интересна юношам – 20,0 % (девушкам – 8,7 %) и студентам технического профиля (20,5 %).

Стартап рассматривается как высокорисковый проект, который связан с применением новых технологий в деятельности человека, поэтому стартапы являются инновационным потенциалом страны. Как видно из результатов исследования, только один из десяти желающих начать свое дело готов рассматривать для этого сферу информационных технологий и коммуникаций.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«Что необходимо для успешного начала предпринимательской деятельности?», %

Fig. 1. Distribution of answers to the question
«What is necessary for a successful start of an entrepreneurial activity?», %

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос
«В какой отрасли Вы планируете создать (вести) свой бизнес?»
среди тех, кто планирует заняться бизнесом, %

Fig. 2. Distribution of answers to the question
«In which industry do you plan to create (run) your business?»
among those who plan to start a business, %

Согласно опрошенным студентам предпринимательский склад характера отличают такие личностные черты, как упорство, настойчивость, новаторство, креативность, требовательность к себе

и команде, социальная ответственность (рис. 3, а). Примечательно, что практически все условно отрицательные качества, присущие бизнесмену, для студентов имеют меньшую значимость (рис. 3, б).

Рис. 3. Оценка студентами положительных (а) и отрицательных (б) личностных качеств, необходимых для осуществления предпринимательской деятельности (по шкале от 1 до 5, где 1 – минимальная оценка, 5 – максимальная), баллы

Fig. 3. Students' assessment of positive (a) and negative (b) personal qualities necessary for entrepreneurial activity (on a scale from 1 to 5, where 1 is the minimum grade and 5 is the maximum), points

Следует отметить, что девушки чаще, чем юноши, считают, что для успешного ведения предпринимательской деятельности необходимы положительные

личностные качества. Юноши же склонны чаще оправдывать наличие у предпринимателя отрицательных качеств характера успешностью бизнеса (рис. 4 и 5).

Рис. 4. Оценка студентами положительных качеств, необходимых предпринимателю, в зависимости от пола респондента (по шкале от 1 до 5, где 1 – минимальная оценка, 5 – максимальная), баллы

Fig. 4. Students' assessment of the positive qualities needed by an entrepreneur according to the gender of the respondent (on a scale from 1 to 5, where 1 is the minimum score and 5 is the maximum), points

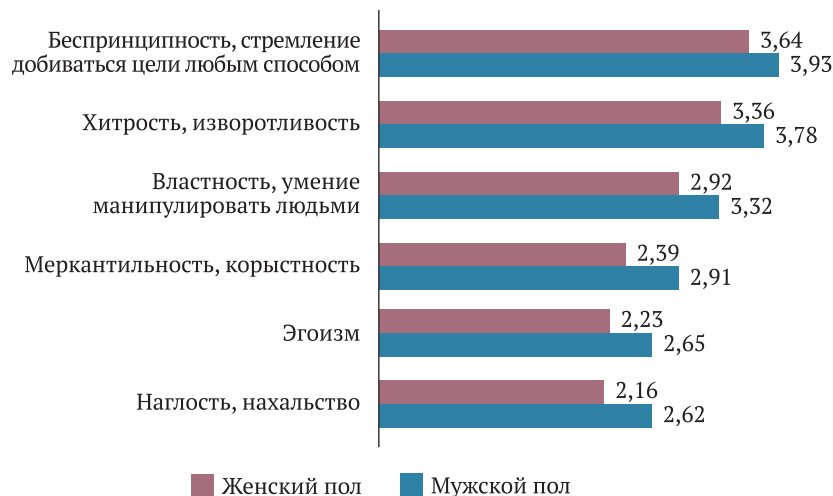

Рис. 5. Оценка студентами отрицательных качеств, необходимых предпринимателю, в зависимости от пола респондента (по шкале от 1 до 5, где 1 – минимальная оценка, 5 – максимальная), баллы

Fig. 5. Students' assessment of the negative qualities required by an entrepreneur according to the gender of the respondent (on a scale from 1 to 5, where 1 is the minimum grade and 5 is the maximum), points

Успешное ведение бизнеса, по данным опроса, студенты связывают в первую очередь с позитивными личностными качествами (настойчивость, креативность и др.), что отражает восприятие предпринима-

тельской деятельности как результата собственных усилий. Примечательно, что девушки чаще, чем юноши, отмечали важность социальной ответственности (средние значения 4,45 и 4,02 балла соответственно).

Университетская среда в развитии стартап-движения

В целом большинство студентов согласны с тем, что университет создает благоприятную среду для развития предпринимательства. Прежде всего он содействует развитию стартап-движения: 67,8 % опрошенных поддержали данное утверждение, но при этом треть студентов не согласилась с ним (32,2 %). Другие аспекты работы университета по стимулированию предпринимательской активности также находят отклик у обучающихся: создание необходимой атмосферы для развития предпринимательского духа, проведение профильных мероприятий, информирование о стартап-мероприятиях, поощрение за предпринимательскую деятельность. В той

или иной мере согласны с приведенными утверждениями от 52,7 до 61,9 % опрошенных (рис. 6). Однако следует обратить внимание на тот факт, что каждый четвертый студент (25 %) не смог определиться с ответом. Наибольшую растерянность респонденты испытывали при анализе вопросов о роли университета в вовлечении в предпринимательство (28 %) и информировании о стартап-мероприятиях (26 %). Данный факт свидетельствует о том, что сфера образования только начинает выстраивать систему поддержки предпринимательской и стартап-инициативы молодежи и интегрироваться в национальную стартап-экосистему.

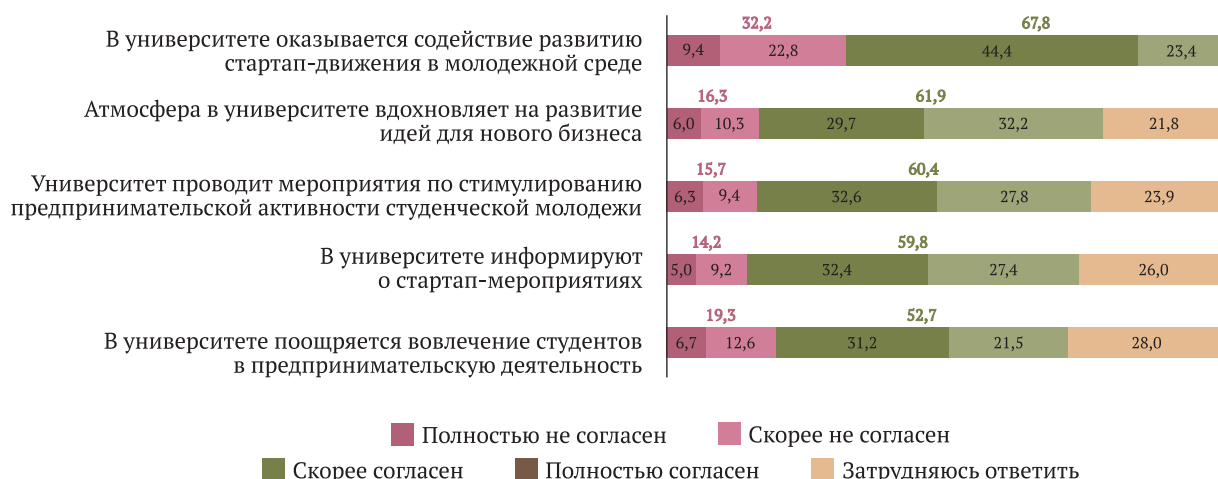

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос
«Насколько Вы согласны со следующими утверждениями об университете, где Вы учитесь?», %

Fig. 6. Distribution of responses to the question
«How much do you agree with the following statements about the university where you study?», %

Отметим, что в целом студенты старших курсов настроены скептически при оценке роли университета в развитии предпринимательской активности молодежи. Рассмотрение ответов опрошенных в разрезе профиля обучения позволило установить, что студенты экономических специальностей чаще признают роль университета в содействии развитию их предпринимательской активности. Можно предположить, что на экономических факультетах установлены тесные связи с представителями бизнес-сообщества и банковской сферы, что позволяет интенсивнее интегрировать студенческую молодежь в бизнес-процессы.

Формирование предпринимательской грамотности начинается в школах и продолжается в университетах в рамках занятий по основам предпринимательской деятельности. Учебная программа дисциплины «Основы предпринимательской дея-

тельности» (дополнительное обучение) включает вопросы стартап-предпринимательства (что такое стартап, подходы и методы разработки стратегии развития инновационной организации и др.) и направлена на формирование комплексного видения предпринимательства (в том числе знание правовых, экономических и организационных основ) в рыночно ориентированной экономической системе⁷.

Для поиска и поддержки новых идей талантливой молодежи в Беларуси на разных уровнях проводятся стартап-мероприятия. Однако доля тех, кто вовлечен в стартап-активность, невелика. Среди опрошенных студентов принимали участие в каких-либо стартап-мероприятиях всего 11 %. Примечательно, что в их числе больше старшекурсников, студентов платной формы обучения, получающих экономическое образование, и тех, кто уже имеет свое дело. Наиболее популярными

⁷Учебная программа «Основы предпринимательской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/327849/1/%d0%a3%d0%94-13331_%d1%83%d1%87.pdf (дата обращения: 18.07.2025).

в студенческой среде стартап-мероприятиями являются стартап-конкурсы, стартап-школы и конкурсы социальных и бизнес-идей. В этих мероприятиях приняли участие соответственно 45,4; 32,1 и 28,4 % студентов, участвовавших в каких-либо стартап-мероприятиях (рис. 7).

Следует отметить некоторые отличия в ответах респондентов на данный вопрос в зависимости от профиля обучения и пола. Для студентов естественно-научного профиля обучения наиболее популярными стартап-мероприятиями выступают стартап-школы, для студентов иных профилей – стартап-конкурсы (см. таблицу).

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос
«В каких именно стартап-мероприятиях Вы принимали участие?», %
Fig. 7. Distribution of answers to the question
«Which startup events have you participated in?», %

**Распределение ответов на вопрос
«В каких именно стартап-мероприятиях Вы принимали участие?»
в зависимости от профиля обучения, %**

**Distribution of answers to the question
«Which startup events have you participated in?»
depending on the training profile, %**

Мероприятия	Профиль обучения			
	Естественно-научный	Социогуманитарный	Технический	Экономический
Стартап-школы	35,9	39,2	26,2	30,3
Стартап-уикенд	4,8	11,6	10,7	9,9
Воркшоп	15,1	21,8	18,4	8,6
Стартап-конкурсы	29,2	41,7	46,0	50,6
Конкурсы социальных и бизнес-идей	13,6	26,4	27,3	33,2
Курсы обучения предпринимательству (вне учебного расписания в университете)	24,7	21,9	17,1	18,4
Другое	5,5	10,6	12,4	13,3

В гендерном аспекте ответы также имеют некоторые отличия. Юноши чаще, чем девушки, посещали курсы обучения предпринимательству (29,2 и 13,6 % соответственно), а девушки чаще участвовали в конкурсах социальных и бизнес-идей (22,6 и 32,8 % соответственно).
Опрошенные студенты в большинстве случаев (70 %) принимали участие в стартап-мероприятиях, проходивших на базе учреждения образования,

в котором они обучаются (рис. 8). Иные площадки для участия в стартап-мероприятиях значительно чаще выбирали юноши, чем девушки (19,6 % по сравнению с 8,6 %), а также те студенты, которые уже имели свое дело (21,9 % по сравнению с 10,6 % в среднем по другим группам). В другие учреждения образования для участия в стартап-мероприятиях студенты платной формы обучения выезжали в два раза чаще.

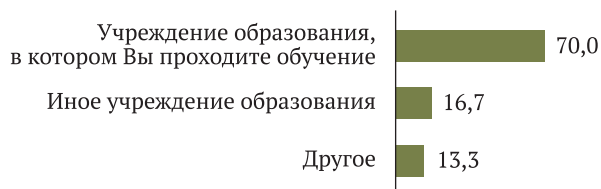

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос
«Где проходили стартап-мероприятия, в которых Вы принимали участие?», %

Fig. 8. Distribution of answers to the question
«Where were the startup events in which you participated?», %

В большинстве случаев о стартап-мероприятиях студентов информировали их преподаватели (59,3 %) и родители (33,6 %). Помимо этого, эффективным источником для самостоятельного поиска информации о стартап-мероприятиях для студентов выступал

интернет – 41,7 % (рис. 9). Согласно результатам исследования девушки чаще, чем юноши, получали информацию от преподавателей (68,4 и 47,4 % соответственно). Различий в ответах респондентов в зависимости от профиля и формы обучения обнаружено не было.

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос
«Из каких источников Вы узнали о стартап-мероприятиях, в которых принимали участие?», %

Fig. 9. Distribution of responses to the question
«From what sources did you learn about the startup events in which you participated?», %

Заключение

Формирование стартап-экосистемы является важным шагом для стимулирования инновационного предпринимательства в молодежной среде, что подтверждает пример стран, занимающих первые строчки международных рейтингов стартап-экосистем. Перспективная, амбициозная студенческая молодежь представляет собой целевую аудиторию для мобилизации предпринимательской активности с точки зрения не только профессиональной подготовки, но и наличия социального капитала. Ее устойчивый интерес к созданию собственного дела безусловно существует.

Согласно результатам исследования, проведенного среди студенческой молодежи Беларуси, для открытия своего дела сферу информационных технологий и коммуникаций чаще рассматривают юноши, чем девушки. Указанная отрасль не популярна у студентов из-за устоявшегося стереотипа, согласно которому бизнес ассоциируется с наиболее распространенной сферой предпринимательской деятельности – тор-

говлей. Влияние академической среды на решение создавать и развивать собственный бизнес большинство респондентов оценивают высоко. Студенты экономического профиля обучения по всем рассматриваемым параметрам оценивают роль университета в стимулировании предпринимательской активности студенческой молодежи выше, чем представители социогуманитарного, естественно-научного и технического профилей обучения. Студенты старших курсов более критично оценивают роль университета в содействии раскрытию предпринимательского потенциала, чем обучающиеся младших курсов.

Каждый десятый опрошенный студент принимал участие в стартап-мероприятиях, из которых наиболее популярными были стартап-конкурсы, стартап-школы, конкурсы социальных и бизнес-идей. Интерес к стартап-мероприятиям чаще проявляют обучающиеся старших курсов и студенты платной формы обучения, а также респонденты, которые уже имеют свой бизнес.

Наиболее эффективными способами распространения информации о стартап-мероприятиях в студенческой среде выступили формальные и неформальные социальные связи (преподаватели, родители), а также реклама в сети Интернет. Для студентов академическая среда является важным условием участия в стартап-мероприятиях, так как в университетах оказывается информационная и консультационная поддержка студенческих проектов в рамках деятельности стартап-центров.

В целом следует отметить, что для студентов экономических специальностей в учебных заведениях созданы благоприятные условия для развития предпринимательских компетенций и организации

собственного бизнеса. Девушки оценивают роль академической среды в развитии предпринимательской активности выше. Женское предпринимательство обладает значительным потенциалом, поскольку уровень интереса девушек к предпринимательской деятельности сопоставим с уровнем интереса юношей. При этом перспективными сферами для их самореализации могут выступать социально ориентированные проекты.

Таким образом, университеты активно включаются в предпринимательскую и стартап-экосистему, содействуя не только формированию привлекательной стартап-среды, но и подготовке высококвалифицированных сотрудников для команд стартап-проектов.

Библиографические ссылки

1. Кобяк ОВ, Андрос ИА. Феномен предпринимательства как объект социологических исследований. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;1:64–72. EDN: YSBTV.
2. Глухих ПЛ, Воронина ЛВ, Иванова АВ. Предпринимательская культура молодежи и факторы ее развития: социокультурный подход. *Управленец*. 2016;3:52–61. EDN: WIUAYF.
3. Гареева ЛИ. Понятийно-категориальный обзор предпринимательской грамотности. *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2018;10(3):85–94. DOI: 10.7442/2071-9620-2018-10-3-85-94.
4. Су Цян. Формирование стартап-экосистемы в Республике Беларусь. *Банкаўскі веснік*. 2022;12:53–64. EDN: ZWFJRF.
5. Марахина И. Инвестиционная инфраструктура белорусской стартап-экосистемы: субъекты, проблемы и направления развития. *Банкаўскі веснік*. 2020;7:49–58. EDN: EMAEXQ.

Статья поступила в редколлегию 19.07.2025.
Received by editorial board 19.07.2025.

Авторы:

Игорь Викторович Пинчук – кандидат социологических наук; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Алеся Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Лариса Владимировна Филинская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук¹⁾, старший научный сотрудник²⁾.

Authors:

Igor V. Pinchuk, PhD (sociology); associate professor at the department of social communications, faculty of philosophy and social sciences.

igor_pinchuk87@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0544-0729>

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; head of the department of social communications, faculty of philosophy and social sciences.

pakhom@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-8627-953X>

Larisa V. Filinskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences^a, and senior researcher^b.

filinskay@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4133-5416>

ПОСЕТИТЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ МУЗЕЕ: НАВИГАЦИЯ, АТТРАКЦИЯ, ИНТЕРАКЦИЯ

А. Я. САРНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены особенности коммуникационной деятельности музея в условиях формирования и развития культуры участия. Показано, как внедрение в музейную практику цифровых мультимедийных технологий и интернет-ресурсов позволяет реализовывать новые форматы взаимодействия с аудиторией на основе принципов общих ценностей, совместного творчества, интерактивности и вовлеченности. Оценены возможности эффективной деятельности музея, ориентированной на удовлетворение интересов посетителей и формирование сообщества сторонников музея, готовых содействовать его развитию в современных условиях. Проанализированы интернет-сайты Национального художественного музея Республики Беларусь и Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны путем сопоставления основных структурно-функциональных элементов данных ресурсов и ключевых инструментально-технических параметров, способствующих полноценной работе сайтов указанных учреждений.

Ключевые слова: информационная стратегия развития музея; мультимедийные технологии; культура участия; навигация; аттракция и интеракция с посетителем; экспозиционное пространство; юзабилити-аудит.

VISITOR IN A MODERN MUSEUM: NAVIGATION, ATTRACTION, INTERACTION

A. J. SARNA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines the features of the museum's communication activities in the context of the formation and development of a culture of participation. It shows how the introduction of digital multimedia technologies and Internet resources into museum practice allows for the implementation of new formats of interaction with the audience based on the principles of common values, joint creativity, interactivity and involvement. An assessment is made of the possibilities of effective museum activities aimed at satisfying the interests of the public and forming a community of museum supporters ready to contribute to its development in modern conditions. A comparative analysis of the websites of the National Art Museum and the Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War is carried out based on a comparison of the basic structural and functional elements that make up the content of these resources and the key instrumental and technical parameters that contribute to the full-fledged operation of the websites of these institutions.

Keywords: information strategy for museum development; multimedia technologies; culture of participation; navigation; attraction and interaction with visitors; exhibition space; usability audit.

Образец цитирования:

Сарна АЯ. Посетитель в современном музее: навигация, аттракция, интеракция. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;3:85–92. EDN: GEBBMD

For citation:

Sarna AJ. Visitor in a modern museum: navigation, attraction, interaction. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:85–92. Russian. EDN: GEBBMD

Автор:

Александр Янисович Сарна – доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Aliaksandr J. Sarna, associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

alsar.08@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5701-7573>

Введение

В ситуации глобального кризиса культурных институтов музеи сохраняют свое влияние и остаются одним из основных источников информации о мировой культуре и истории, однако не всегда могут делать данную информацию доступной для широкой аудитории. Одним из путей решения этой задачи является оцифровка музейных коллекций, перевод их в электронный формат. Цифровые средства репрезентации материала в музейной сфере носят мультимедийный характер. Они используются для сохранения, обработки и предоставления информации всем заинтересованным посетителям. Мультимедийные технологии меняют традиционный подход к демонстрации коллекций, открывая новые возможности для наполнения музейных экспозиций за счет расширения их контекста. Кроме того, они позволяют искать информацию по заданной теме, получать дополнительные сведения по запросу, понятно и выразительно подавать информацию.

Можно выделить следующие направления использования цифровых технологий в музейной деятельности:

- 1) информационное – публикация материалов об экспозиции, что позволяет наилучшим образом представить посетителю экспонат;
- 2) маркетинговое – создание и продвижение имиджа музея, а также информирование о музейных коллекциях;
- 3) образовательное – реализация на базе музея научно-исследовательских проектов, проведение семинаров и конференций;
- 4) административное – выстраивание системы управленческих отношений и руководство музейными проектами в соответствии с ней;
- 5) партнерское – установление связей с другими организациями и институтами для разработки и продвижения новых ресурсов и продуктов.

Использование мультимедийных технологий в рамках указанных направлений активизирует коммуникационную деятельность музея как общественно значимого культурного института. В результате устанавливаются и развиваются новые формы обмена информацией с посетителями, расширяется экспозиционное пространство музея в публичной сфере, он активно реагирует на актуальные вопросы и проблемы, формирует позитивное информационное поле¹.

Рассмотрим подробнее коммуникационное направление музейной деятельности как базу для построения информационной стратегии развития музея. Под влиянием глобальных процессов дигитализации искусства и культуры в целом (перевод аудиовизуальных текстов в цифровой формат), повсеместного внедрения в деятельность музеев

информационных технологий меняются традиционные для них модели коммуникации. Мультимедийные технологии позволяют рассматривать музейную выставку как основную форму коммуникации с посетителем, помогают выражать главную концепцию экспозиции и обогащать информационное поле музейного предмета и всей коллекции.

Использование мультимедийных технологий в музейной деятельности стимулирует информационный обмен между экспозицией и ее зрителем. Обмен может происходить на двух уровнях – демонстрационном и интерактивном. Первый уровень предполагает взаимодействие как монолог музея, прямое воздействие экспозиции на зрителя, который «прочитывает» ее идейный замысел, но лишен обратной связи. Второй уровень реализуется как диалог посетителя и музейного предмета, когда музей из внешнего, отчужденного источника информации трансформируется в аттрактивную систему, которая успешно решает задачи информирования и привлекательного представления посетителю полезных и интересных для него сведений.

Если современный посетитель формирует свое представление о музее с точки зрения так называемой автономии присутствия в экспозиционном пространстве, то важнейшими вопросами для него становятся навигация в этом пространстве, а также аттракция и интеракция, т. е. взаимодействие с ним. В данном случае проблемы коммуникации рассматриваются как общие рамки организации музейного пространства, выступающего в качестве информационной среды, которая ориентирована на запросы посетителя в большей степени, чем на логику выстраивания универсальной структуры исторического нарратива в представлении музейной коллекции.

«Коммуникационная неустроенность музейной экспозиции уже сегодня становится серьезным тормозом для ее восприятия. Музей отстает, в то время как в окружающем мире все просто вопит о коммуникации: Интернет, электронная почта, SMS-сообщения и т. д. Современный человек если и что-то воспринимает в одиночку, то желает немедленно поделиться увиденным и услышанным. А в музее от него требуют выключить мобильный телефон и говорить шепотом. Все обмениваются мнениями о телепрограммах, фильмах, спортивных передачах, а проводилось ли хоть одно публичное обсуждение музейной экспозиции? На самом деле памятники, произведения искусства, выставки и экспозиции нужны в значительной степени именно для того, чтобы о них говорить» [1, с. 4].

Экспозиция современного музея должна быть не систематизированной коллекцией различных артефактов, предъявляемых в соответствии с логикой универсальной культурной реконструкции в статичном,

¹Сапанжа О. С. Основы музейной коммуникации : учеб. пособие. СПб. : [б. и.], 2007. 114 с.

раз и навсегда выстроенном виде, а разнообразным и динамично меняющимся набором феноменов, представленных посетителю с использованием элементов театрализации, исторических реконструкций, интерактивных образовательных программ, мульти-

медийных, аудио- и видеотехнологий. Именно такое построение экспозиции и музейного пространства может быть организовано с помощью информационных технологий, вовлекающих пользователя в непрерывный процесс коммуникации.

Материалы и методы, теоретические основы исследования

Коммуникационное направление музейной деятельности органично вписывается в глобальную тенденцию нового этапа развития культуры, которая рассматривается как культура участия (*participatory culture*), формируемая на основе принципиально отличной от классической модели взаимодействия культурных институтов и общества. Данную тему применительно не только к музеям, но и к иным учреждениям культуры анализируют Р. Харт, Т. Гафар, Н. А. Комаленкова, Д. А. Агапова и другие авторы, имея в виду «свободное, деятельное и осознанное участие людей в культурных и социальных процессах, возможность для них быть не только “потребителями” или объектами воздействия, но вносить свой собственный вклад в принятие решений и создание культурных событий (например, выставок или образовательных программ)»².

О культуре участия ранее говорили в контексте гражданского и арт-активизма, развития сообществ в интернет-среде и лишь недавно стали соотносить данное явление с музейной сферой, продвигая новую модель деятельности музея. В рамках этой модели проводится параллель с активностью пользователей социальных сетей и участников музейного сообщества, когда последние отходят от стандартов пассивного потребления музейных услуг и превращаются в создателей культурных процессов, принимающих участие в разных мероприятиях и проектах. Благодаря информационным технологиям (в частности, платформе *Web 2.0*) возможности рядовых пользователей существенно расширились – теперь они становятся активными производителями контента, не ограниченными требованиями односторонней трансляции и воспроизведения сведений.

В указанном случае музей является основным проводником культуры участия на рынке креативной индустрии, предоставляя каждому посетителю право активно содействовать музейному развитию и вносить свой вклад в совершенствование культурной сферы и общественного пространства. Сегодня формируется такое явление, как партисипативный музей (*participatory museum*), который представляет собой не просто хранилище (склад) культурных артефактов, а пространство интенсивного взаимодействия и коммуникации различных социальных групп, активистов, местного сообщества и партнеров

музея, заинтересованных в его развитии и способных инвестировать в него свои силы, время, знания и умения (например, могут организовать крауд-фандинговую кампанию по привлечению средств для расширения музейной коллекции).

В концепции культуры участия выделяют четыре основных показателя, или ориентира, для развития современного музея в условиях социальных и технологических изменений. Согласно Д. Виссеру в качестве таких показателей могут рассматриваться совместные ценности, сотворчество, вовлеченность и интерактивность [2, с. 18]. При этом ценности трактуются не в узком понимании (как получение прибыли или материальной выгоды). Понятие ценности состоит из множества составляющих, включающих финансовые, социальные, политические, эмоциональные, образовательные и творческие аспекты.

Так, музей «Рейксмузеум» («Rijksmuseum») в Амстердаме подал удачный пример того, как можно повысить ценность музейной коллекции в цифровой среде. Совместно с интернет-ресурсом по продаже изделий ручной работы он предложил пользователям обратиться к музейным экспонатам как источнику идей для создания собственных творческих продуктов, которые можно впоследствии продавать через указанную площадку. Несмотря на отсутствие прямой коммерческой выгоды, данная акция способствовала росту аудитории и узнаваемости музея. Она позволила вовлечь посетителей в совместную деятельность и, как следствие, повысила значимость учреждения в глазах его сторонников.

Работа с сообществами направлена на поиск активных групп и вовлечение их в проекты, основанные на общих ценностях и личной инициативе участников. Такие сообщества могут поддерживать деятельность даже регионального или местного музея, поскольку существуют повсюду и на их формирование не надо тратить силы.

Основой культуры участия выступает сотворчество – базовый процесс, в рамках которого организация и ее целевая аудитория работают вместе над реализацией новых проектов и созданием новых продуктов. Активное сообщество может привлекаться к работе с музеем, особенно в тех сферах, где его участники компетентны, что позволяет достигать значительных результатов.

²Комаленкова Н. А. Специфика построения коммуникационной стратегии музея в эпоху цифровых технологий // Социальная реклама.ру : сайт. URL: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=6817 (дата обращения: 21.03.2025).

Для создания вовлеченности необходимо сформировать определенную эмоциональную атмосферу, мотивирующую посетителя активно сотрудничать с музеем для совершенствования его деятельности. Кроме того, вовлеченность помогает решить проблему повторного посещения, которая сегодня остро стоит перед многими музеями мира. Посетитель будет заинтересован вернуться, если рассчитывает увидеть более динамичную экспозицию – не застывшее пространство, а живой мир, интригующий происходящими в нем изменениями. При этом нужно, чтобы такие изменения происходили с учетом интересов современных посетителей, понимания их возможностей и потребностей.

Н. Саймон в работе «Партисипативный музей» («Participatory museum») указывает на важность использования практик комментирования как механизма вовлечения посетителей в изменение экспозиционного пространства за счет получения от них отзывов о музейной деятельности и обмена мнениями. Автор объясняет коммуникационную стратегию музея, построенного на принципе культуры участия, следующим образом: «Организация, основанная на принципе вовлечения, не концентрирует свою работу на передаче одного и того же послания каждому отдельному посетителю, но собирает и позволяет пользоваться разнообразным, персонализированным и постоянно меняющимся контентом, созданным совместно с посетителями» [3, с. 23]. При реализации подобных проектов могут возникать сложности. Так, кураторам иногда приходится отклоняться от первоначального замысла создателей экспозиции, чтобы адаптировать новые идеи к устоявшейся музейной практике.

Интерактивность часто рассматривают как важнейший элемент культуры участия, поскольку она лежит в основе стратегии развития современного музея и предполагает построение коммуникации с постоянными посетителями. Интерактивность предшествовала распространению культуры участия. Она возникла с внедрением в музейную сферу информационных технологий. Под интерактивностью в данном случае понимают взаимодействие посетителя и музейной системы, которая способна дать отклик на его действия. Вместо пассивного восприятия рассказа экскурсовода или просмотра экспонатов посетителю предлагается активная коммуникация с музейной экспозицией, которая в интерактивном музее реализуется как навигация в выставочном пространстве, интеракция с объектами репрезентации либо их виртуальными копиями (информационными муляжами), а также коммуникация с другими посетителями и сотрудниками музея.

При непосредственном взаимодействии с музейной коллекцией посетитель может трогать экспонаты, получать дополнительную информацию по запросу, а также самостоятельно моделировать экспозицию (например, благодаря технологиям дополненной реальности). Однако наличие в музее QR-кода или сенсорной информационной панели еще не говорит об интерактивности экспозиции: основной характеристикой интерактивного музея, превращающей его в музей партисипативный, является понимание мотивов посетителя, внимание к его потребностям и активная поддержка его стремления быть вовлеченным в культурные процессы. Реализация политики культуры участия призвана повысить пользу от общения музея с аудиторией, уровень удовлетворения потребностей и мотивацию к взаимовыгодному сотрудничеству в дальнейшем³.

Широкое распространение принципов интерактивности и вовлеченности привело к появлению полностью интерактивных музеев – так называемых музеев-эксплориумов. Чаще всего это научно-исследовательские центры, которые фактически не выполняют функцию хранения (документирования), поскольку не имеют подлинных памятников истории и культуры. Их коллекции складываются из копий либо интерактивных панелей, несущих основную информацию о профиле деятельности. Тем не менее за счет реализации принципов культуры участия и вовлеченности такому музею легче удовлетворить потребности посетителя, создать заинтересованность в близкой коммуникации с экспозицией и в результате повысить уровень взаимодействия между посетителем и музеем.

Музей-эксплориум сумел успешно конкурировать с классическими экспонатами за стеклом, которые также стремятся к интерактивности, но возможности ее применения ограничены. Для классического музея приоритетом остается необходимость сохранить подлинный экспонат, который невозможно даже частично заменить технологиями, поскольку он обладает историко-культурной ценностью. Художественные музеи более ограничены в выборе интерактивных элементов, чем естественно-научные. Тем не менее мультимедийные технологии в классических музеях успешно дополняют основную экспозицию и делают ее более функциональной⁴.

Функционал музейной экспозиции сегодня активно развивается благодаря внедрению интерактивности. Это позволяет эффективно выполнить главную задачу музея – показать предмет в условиях, максимально приближенных к подлинным,

³Комаленкова Н. А. Специфика построения коммуникационной стратегии музея в эпоху цифровых технологий // Социальная реклама.ру : сайт. URL: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=6817 (дата обращения: 21.03.2025).

⁴Там же.

соответствующим реальному контексту. Интерактивные технологии открывают новые возможности в организации экспозиционного пространства, помогают демонстрировать посетителю особенности создания экспоната, знакомить его с замыслами создателя, устанавливать контакт с людьми, которые непосредственно пользовались объектом, раскрывать способы его использования и представлять время, когда это происходило. Таким образом, чем полнее демонстрируется назначение предмета, глубже и детальнее раскрывается контекст, в котором автор воплощал свое творение, тем легче посетителю осуществлять коммуникацию с культурной традицией и историческим прошлым.

Цифровые технологии обеспечивают непосредственный контакт посетителя с экспонатом, позволяя погрузиться в атмосферу эпохи, в которой существовал артефакт. Они делают экспозицию более доступной для аудитории, без дополнительного рассказа экскурсовода, восстанавливают связь прошлого и настоящего и создают чувство сопричастности к истории. И тогда «основу проектного замысла музейной экспозиции... задает не спасительное “алиби” хронологии, автоматически вводящее явление в русло объективного процесса как его типичного представителя, а “схватывание” образа этого явления. В этом “схватывании” нет хронологии в привычном понимании линейного поступательного развития. В мета-форме первичного проектного образа одномоментно присутствуют все времена. Стрела времени, расположенная на плоскости закономерных и параллельно текущих исторических процессов, прерывается, обретая новое измерение – глубину феномена. “Спутниками” этого феномена, помогающими раскрыть новизну его содержания, оказываются не однопорядковые хронологические соседи, а вневременные явления, принадлежащие самым разным областям знаний и синтетично связанные логикой аллюзий, ассоциаций и образов» [1, с. 88].

Сегодня именно цифровые технологии являются катализатором развития упомянутых тенденций и изменений в деятельности современных музеев, привлекающих посетителей к познавательнотворческому соучастию. Многие музеи, галереи, центры искусств расширяют опыт общения с аудиторией благодаря инновационным техническим средствам, стремятся стать актуальными мультимедийными структурами, соответствующими духу времени. В условиях цифровой эпохи это позволяет им успешно адаптироваться к изменению ситуации, воплощать принципы культуры участия в форме интерактивной

коммуникации, чтобы быть привлекательными для каждого посетителя.

Культура участия может быть реализована и посредством вовлечения интернет-пользователей в работу сетевых ресурсов, репрезентирующих разные аспекты деятельности музеев. Для этого нужно понимать технические возможности данных ресурсов и степень их эффективности в интерактивном онлайн-формате. В целях выявления и комплексного анализа основных показателей эффективности сайта и его удобства для пользователей применяется юзабилити-аудит – методика оценки ключевых инструментально-технических параметров работы интернет-ресурса. Она связана с понятием «юзабилити» (*usability*) и включает в себя «комплекс визуальных и технических решений, цель которого – создать простой и понятный пользовательский интерфейс, повысить лояльность клиентов и обеспечить прогнозируемую конверсию»⁵. Юзабилити подразумевает достаточно высокий «уровень комфорта, который сопровождает пользователя на пути к целевому действию. В понятие входят: удобная навигация, качественный контент, профессиональный дизайн, аккуратная верстка, функциональная стабильность сайта»⁶.

Удобство использования интерфейса того или иного интернет-ресурса можно проверить с помощью определенного чек-листа, или дорожной карты, контрольные пункты которой помогут понять, насколько необходимо улучшить или изменить сайт. Выделяют такие позиции, как база, навигация, поиск, дизайн и пользовательский интерфейс, конверсия, контакты, текст и изображения⁷.

В качестве базовых определены параметры, предполагающие, что сервис адаптивен, стабильно отображается на экранах со всеми часто используемыми разрешениями, скорость загрузки составляет не более 1–2 с, сайт имеет SSL-сертификат, главная страница поддерживает основные принципы юзабилити и позволяет пользователю без затруднений ориентироваться в меню. При этом региональные версии (если они есть) корректно определяются и легко переключаются. Для сайта с регистрацией есть возможность входить через социальные сети с доступом к меню, а для всех страниц четко прописаны тайтлы – названия (заголовки), отображающиеся в виде ссылки на документ в поисковой выдаче, закладках браузера, постах соцсетей.

Для навигации важно, чтобы клик по логотипу активировал переход на главную страницу, главное меню располагалось в заголовке, разделы верхнего уровня дублировались постранично, а меню ограничивалось основными разделами (до восьми

⁵Что такое юзабилити сайта: анализ, примеры, чек-лист // Sibdev : сайт. URL: <https://sibdev.pro/blog/articles/chto-takoe-usability-sajta> (дата обращения: 21.03.2025).

⁶Там же.

⁷Там же.

ссылок). При этом порядок пунктов меню предполагает, что самое важное находится в начале, названия пунктов понятны, ссылка раздела, в котором находится посетитель, выделена и неактивна, внутренние страницы имеют активные ссылки друг на друга, кнопка «Назад» присутствует во всех разделах, а на сайте нет «тупиковых» страниц, из которых невозможно перейти в другие разделы.

Для поиска главное, чтобы на платформе была предусмотрена указанная функция, в целях повышения юзабилити сайта запускаемая клавишей *Enter*, поисковый алгоритм мог самостоятельно исправлять ошибки, предлагая подходящий по семантике вариант, а поиск на сайтах с большим количеством разделов предусматривал фильтрацию по заданным критериям.

Дизайн и пользовательский интерфейс подразумевают, что текст на сайте имеет соответствующий формат и представлен именно в виде текста, а не изображения, все иконки в продуманы и логичны, у страниц есть общий внешний вид и структура, они единообразны (общие блоки и элементы не меняют место при переходе на новую страницу (значимый контент остается слева, а второстепенный – справа)), кликабельность интерактивных элементов очевидна, и они достаточно крупные, курсор меняет вид при наведении на активный элемент, текстовая строка имеет длину не более 80 символов, сайт допускает внутреннее перемещение при помощи клавиатуры, а комфортный размер шрифта составляет не менее 16px. Для полноценной конверсии важно, чтобы конверсионные элементы были хорошо за-

метны, каждый коммерческий раздел позволял совершать целевое действие и текст на кнопках исключал двусмысленное толкование результата нажатия.

Номер телефона следует записывать в международном формате. Если представлено нескольких номеров, их необходимо разбить на блоки. Кроме того, на сайте необходимо разместить карту с указанием офиса или представительства. Форму обратной связи следует сделать легкодоступной (размещается в постоянном, привычном месте). Окошки онлайн-консультации должны появляться только по запросу и не мешать просмотру контента. Важно, чтобы формы содержали минимальное количество полей (для неочевидных форм используются подсказки, а объемные формы представлены пошагово с индикатором заполнения), причем обязательные поля должны быть выделены среди необязательных, а там, где это необходимо, должен присутствовать шаблон ввода, автоматически добавляющий нужные знаки – скобки, дефисы и пр.

Все заголовки текста следует делать информативными, при необходимости дополнять их подзаголовками, а размер шрифта выбирать таким образом, чтобы он позволял легко определять иерархию заголовков. Текст должен быть написан доступным языком и иметь понятную структуру. В нем не допускаются ошибки, могут присутствовать выделения жирным шрифтом, курсивом, графический контент, дополняющий основной текст. Изображения будут уместны в том случае, если они несут смысловую нагрузку, имеют высокое качество и поясняющие подписи⁸.

Результаты и их обсуждение

Применение методики «юзабилити-аудит» позволяет выявить, насколько сайт эффективен, комплексно проанализировать его ключевые показатели, удобство для пользователей. Оценим ключевые инструментально-технические параметры представленности в интернете ведущих белорусских музеев – Национального художественного музея Республики Беларусь (далее – НХМ) и Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (далее – БГМИВОВ). На сайтах данных музеев практически все перечисленные ранее показатели присутствуют, что свидетельствует о высоком уровне технической оснащенности этих учреждений и присутствии в Глобальной сети. Однако для оценки их содержательного наполнения следует провести сравнительный анализ базовых структурно-функциональных элементов, составляющих контент данных ресурсов, – информацию на главной странице и в основных тематических разделах сайтов.

На главной странице сайта НХМ в виде анонса размещается актуальная информация о текущих событиях и акциях, запланированных выставках, различных мероприятиях, важных для развития арт-пространства Беларуси, представлены основные разделы, необходимые для онлайн-навигации: «Посетителям», «Выставки», «Новости и события», «Коллекция», «О музее» и «Контакты»⁹.

В разделе «Посетителям» дана общая информация о том, в какое время и по какому телефону можно заказать экскурсии и программы для ознакомления с коллекцией, указаны проводимые в данный момент программы и выставки, ориентированные на разные возрастные категории (от 5 до 16+ лет), однако информации о лекциях, концертах, инклюзивных проектах и прочих мероприятиях нет, хотя для них отведены специальные рубрики. При этом мероприятие «Сделай буккумаку в японских традициях», явно соответствующее категории «мастер-класс», значится как «программа». Кроме

⁸Что такое юзабилити сайта: анализ, примеры, чек-лист // Sibdev : сайт. URL: <https://sibdev.pro/blog/articles/chto-takoe-usability-sajta> (дата обращения: 21.03.2025).

⁹Национальный художественный музей Республики Беларусь : сайт. URL: <https://artmuseum.by/ru> (дата обращения: 22.03.2025).

того, на сайте предусмотрена возможность открыть «личный кабинет», но его функционал не проявляется, а опция «Обращения граждан» не дает возможности оставить отзыв о работе музея, перенаправляет на портал государственной системы обработки и учета таких обращений.

В разделе «Выставки» анонсируются экспозиции, представленные не только в НХМ, но и в его филиалах – музее «Дом Ваньковичей. Культура и искусство первой половины XIX века», Музее белорусского народного искусства, Музее В. К. Бялыницкого-Бирули. Для информирования о выставках, указания времени их проведения предусмотрены специальные разделы на онлайн-странице, но только в двух из них (посвященных самому НХМ и музею Ваньковичей) мы можем найти указанные сведения. Кроме того, на сайте есть раздел «Online-выставки», однако он никак не связан с текущей экспозицией и содержит тематические подборки цифровых репродукций картин и печатных материалов о разных художниках и направлениях в живописи.

В разделе «Новости и события» дана информация о проведенных в музее акциях (например, «Ночь музеев» 20 мая 2025 г.), конференциях (традиционные ежегодные «Аладовские чтения – 2025»), концертах, кинопоказах и пр., однако анонсов предстоящих событий нет, поэтому страница воспринимается как отчет о прошедших мероприятиях за примерно две недели.

В разделе «Коллекция» предложено ознакомиться с лучшими произведениями из коллекции НХМ. На сайте представлены цифровые копии живописных полотен из основной экспозиции, причем они сгруппированы в соответствии с хронологическим принципом следующим образом: «Белорусское искусство XII–XVIII вв.», «Белорусское искусство XIX – начала XX в.», «Белорусское искусство XX – начала XXI в.», «Русское искусство XVIII – начала XX в.», «Искусство стран Европы XVI–XX вв.», «Искусство стран Востока XVI–XX вв.». Всего размещено 81 оцифрованное произведение, что далеко не полностью отражает музейную коллекцию. Об этом становится известно из следующего раздела – «О музее», где указано, что НХМ – крупнейшее фондовое и экспозиционное хранилище предметов искусства в стране. В нем представлена «самая большая в мире коллекция произведений белорусского искусства – количество произведений во всех коллекциях и фондах составляет 37 000 единиц из более чем 132 стран и около 12 веков истории человечества»¹⁰.

Наконец, в разделе «Контакты» пользователи могут узнать о местоположении НХМ и его филиалов. Здесь указаны почтовые и электронные адреса,

контактные телефоны и время работы учреждений, а также интерактивная карта, позволяющая уточнить их местонахождение и проложить маршрут для посещения. В разделе «Контакты» пользователи могут вступить в онлайн-сообщества музея в социальных сетях «ВКонтакте» (4226 подписчиков), «Фейсбук» (5900 подписчиков), «Инстаграм» (22 800 подписчиков), мессенджерах «Телеграм» (953 подписчика), и «Вайбер» (234 200 участников), а также подписаться на канал на видеоплатформе «Ютьюб» (111 000 подписчиков). Эти же сведения даны и на главной странице сайта, которая, кроме того, содержит опции для онлайн-покупки билетов, заказа индивидуальных и групповых экскурсий, бронирования мест на мероприятия, а также имеет ссылку на портал *izi.travel*, перейдя по которой можно прослушать информацию в формате аудиотуров.

На сайте БГМИВОВ указано, что деятельность государственного учреждения «направлена на сохранение, изучение и пропаганду документальных и материальных свидетельств о подвиге и жертвах белорусского народа в годы войны во имя сохранения мира на земле»¹¹. На главной странице музея представлена его концепция и слоган – «Храним и помним» (локальные версии – «История во имя мира» и «Говоря правду о войне, мы сохраняем мир»), даны сведения об истории и акциях, проводимых в рамках празднования 80-летия учреждения, афиша выставок и мероприятий музея, размещена лента новостей и «хроника огненных лет», в общих чертах рассказано об экспозиции музея и его филиалах, в рубрике «Мобильный музей» дана информация об обновлении в 2025 г. экспозиции передвижного музея в рамках патриотической акции «Наш долг – помнить!».

На главной странице сайта БГМИВОВ, как и на главной странице сайта НХМ, представлены основные тематические разделы, позволяющие онлайн-посетителю сориентироваться. Названы они практически так же, но расположены в ином порядке – сначала «О музее», затем «Новости», «Посетителям», «Экспозиция», «Коллекции», «Филиалы», «Музей детям» и «Контакты». В первом разделе представлены такие рубрики, как «80 лет музею», «Историческая справка», «Администрация», «Отделы», «Прием граждан», «Электронные обращения», «Вакансии» и «Аренда помещений»¹².

Раздел «Новости» содержит рубрики «Все новости», «Афиша», «Мероприятия», «Люди и судьбы», «Семейный альбом», «Новости филиалов», «История одного предмета» и «Письма военной поры». В разделе «Посетителям» предлагается приобрести билеты, сувениры и сертификаты, посетить экскурсии и кафе, поучаствовать в квестах, ознакомиться

¹⁰Национальный художественный музей Республики Беларусь : сайт. URL: <https://artmuseum.by/ru> (дата обращения: 22.03.2025).

¹¹Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны : сайт. URL: <https://www.warmuseum.by/> (дата обращения: 22.03.2025).

¹²Там же.

с особенностями безбарьерной среды и правилами посещения музея. Важное отличие сайта БГМИВОВ от сайта НХМ – возможность оставить свой отзыв о посещении экспозиции¹³.

В разделе «Экспозиция» можно узнать о том, что представлено в выставочных залах музея, увидеть схему экспозиции, осуществить виртуальный тур и узнать подробнее о передвижной экспозиции БГМИВОВ. В разделе «Коллекции» представлены рубрики «Вещевые источники», «Письменные и изобразительные источники», «Комплектование музейных фондов» и «Новые поступления». В разделе «Филиалы» в качестве таковых указаны военно-исторический комплекс «Старая граница» и мемориальный комплекс «Памятник воинам-интернационалистам».

В разделе «Музей детям» представлены рубрики «Зал “Музей для детей”», «Музей в чемодане», «Экскурсии и лекции», «Музейные занятия» и «Квест».

В разделе «Контакты» сайта БГМИВОВ, как и в аналогичном разделе сайта НХМ, пользователи могут узнать о местоположении музея, контактные телефоны и время работы учреждения, ознакомиться с интерактивной картой, заказать экскурсии и вступить в онлайн-сообщества музея в социальных сетях «ВКонтакте» (почти 2000 подписчиков) и «Фейсбук» (600 подписчиков), мессенджере «Телеграм» (431 подписчик), а также подписаться на канал на видеоплатформе «Ютьюб» (217 подписчиков). Указана группа и в социальной сети «Инстаграм», но страница недоступна.

Заключение

Таким образом, основным отличием сайтов БГМИВОВ и НХМ является присутствие на главной странице первого опции, которая дает возможность в режиме онлайн осуществить виртуальную экскурсию по музейному пространству, сфотографированному с разных точек внутри помещения и его выставочных залов, что позволяет сформировать общее впечатление об экспозиции и планировке музея без его посещения. Главные страницы сайтов обоих музеев служат основным средством репрезентации их деятельности и фактически делают избыточными остальные разделы ресурса. Такая перегруженность информацией выдает стремление активно влиять на посетителя и сразу же предложить ему все возможные опции, не дожидаясь, пока он самостоятельно найдет их в других разделах сайта.

Можно сделать вывод о достаточно широком спектре онлайн-услуг, предоставляемых музеями потенциальным посетителям, однако на сайтах БГМИВОВ и НХМ фактически не предусмотрен формат онлайн-общения с любителями искусства или истории: нет специальных опций для комментариев и обратной связи с представителями интернет-сообщества, точнее, нет возможности ее публично репрезентовать в Сети. И если данные ресурсы еще могут быть использованы как интерактивная платформа для обеспечения коммуникации между музеем и посетителями (но не между последними), то о формировании онлайн-сообщества активных сторонников данных учреждений речи не идет. Технические возможности для этого могут быть предоставлены лишь на сторонних ресурсах – онлайн-площадках зарубежных социальных сетей.

Библиографические ссылки

1. Дукельский ВЮ, редактор. *Музейная коммуникация: модели, технологии, практики*. Москва: Российский институт культурологии; 2010. 199 с.
2. Копелянская Н, составитель. *Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия*. Щербакова А, редактор. Москва: Музейные решения; 2012. 176 с.
3. Simon N. *The participatory museum*. Santa Cruz: Museum 2.0; 2010. 352 p.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025.
Received by editorial board 05.06.2025.

¹³Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны : сайт. URL: <https://www.warmuseum.by/> (дата обращения: 22.03.2025).

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

IN ORDER TO REMEMBER...

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА СОКОЛОВА
(к 90-летию со дня рождения)

GALINA NIKOLAEVNA SOKOLOVA
(on the 90th anniversary of her birth)

Во всем мне хочется дойти
До самой сути...

Б. Пастернак

Галина Николаевна Соколова (19.07.1935–25.09.2018) любила поэзию и часто цитировала приведенные в эпиграфе строки любимого Бориса Пастернака, которые стали для нее ориентиром в жизни.

Социология возродилась и притягивала романтиков, ею занимались по велению сердца, так как богатства и карьеры

она не обещала. Независимо было, какой вуз ты окончил, где работал и почему решил окунуться в мир «неизвестной» науки...

Восхождение на академический Олимп будущей звезды социологической науки, которую ждало блестящее будущее, началось со статьи под названием «Опыт измерения взаимосвязей требований промышленного предприятия с потребностями рабочего», опубликованной в 1976 г. в первом номере тогда единственного в СССР профессионального журнала «Социологические исследования». Об авторе написали следующее: «Галина Соколова, старший инженер-социолог Молодечненского завода силовых полупроводниковых вентелей». Научная карьера потребовала огромных усилий и полного погружения в предмет исследований. Ничто не могло остановить полного сил и энергии молодого ученого, увлеченного и влюбленного в «новую» науку, которая открывала неизвестные социальные дали.

Г. Н. Соколова пришла в социологию, уже имея за плечами высшее образование (Рязанский радиотехнический институт) и опыт работы в трудовом коллективе. В молодом, инициативном и ответственном инженер-конструкторе будущего коллегу заметили университетские социологи. Поняв, что социология – ее призвание, Галина Николаевна смело ступила на неведомый еще путь ученого. Талант исследователя, настойчивость и упорство, природная любознательность и творческое горение всегда были направлены на результат. Сильный характер и цельная натура ориентировали на добросовестное служение избранному делу.

Победа возвышает и одновременно вдохновляет на новые свершения... Сложно сосчитать, сколько побед, больших и малых, было в жизни профессора социологии Г. Н. Соколовой. Однако можно утверждать, что они действительно были. В пять лет маленькая Галя подружилась с книгой, позже имела достижения в спорте, хороший уровень английского языка. Ее радовали прекрасная семья, сын, внуки и, конечно, служение социологии, занимающее все время. Жизнь Галины Николаевны в профессии – это своеобразное восхождение и покорение вершин, подобных Эвересту: очная аспирантура Института социологических исследований Академии наук СССР с отличием, все усложняющиеся задачи в исследовательских проектах (причем поражают масштабы и объем исследований – от локальных, на промышленных предприятиях, до общенациональных и международных, в рамках отраслей), кандидатская и докторская диссертации, монографии, преподавание, почетное звание «Заслуженный работник образования»

Республики Беларусь» и, наконец, научная школа экономической социологии... Жизнь Г. Н. Соколовой принадлежит науке. Главная ее победа – заслуженный авторитет, уважение и признание коллег и научной общественности.

В жизни Галины Николаевны было много событий, отразившихся в судьбах целого поколения. Родители, врачи по образованию, по зову сердца и комсомольской путевке приехали строить Комсомольск-на-Амуре. В суровой Сибири 19 июля 1935 г. у них родилась дочь Галина. Далее было военное детство, долгожданная Великая Победа, возвращение с войны отца – майора медицинской службы, который всегда являлся примером для подражания, затем учеба, работа и неустанный поиск себя. Мечталось о многом, хотелось испытать себя в разных областях: покорить небо, прыгнуть с парашютом, заниматься спортивной гимнастикой, выучить английский язык и, конечно же, танцевать. Многие мечты Галины Николаевны сбылись: она не из тех, кто быстро отказывался от задуманного.

Стоит признать, что Г. Н. Соколова реализовалась в науке максимально, хотя дорога к признанию была непростой. Ее учителя сегодня уже являются классиками гуманитарного знания, общение и дружба с ними давали Галине Николаевне больше любых занятий. Она стала свидетелем и активным участником возрождения социологической науки в стране. Учеба в Москве открыла новые горизонты научного рос-

та и дала огромный творческий импульс. Каждодневный труд, неукротимое стремление к совершенству, открытию новых знаний и помощь коллегам стали жизненным кредо Галины Николаевны.

Г. Н. Соколова – интеллигент, тонкий ценитель богатого классического наследия, глубоко знающий отечественную и мировую культуру, особенно симфоническую музыку, поэзию и литературу. Профессор стала лидером научного направления, активным исследователем, признанным экономическим аналитиком, автором учебного стандарта и базового учебника по экономической социологии, практикума и хрестоматии, энциклопедического словаря. Галина Николаевна всегда была погружена в работу со студентами, аспирантами и докторантами: лекции, консультации, заседания в ученых советах. Каждый день был расписан по минутам. Сегодня она пример для молодежи. Высокий профессиональный уровень, самоотверженность и принципиальность позволили Г. Н. Соколовой покорить вершины социологии. Для многих специалистов, молодых социологов профессор будет примером честного и самоотверженного служения профессии, примером Исследователя и Педагога!

Галина Николаевна ушла от нас 25 сентября 2018 г. Мы помним и гордимся талантом выдающегося ученого...

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: a.vitebsk55@gmail.com

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАВЕЛЬ
(к 85-летию со дня рождения)

SERGEY ALEKSANDROVICH SHAVEL
(on the 85th anniversary of his birth)

Сергей Александрович Шавель (17.10.1940–19.08.2023) – человек-легенда среди белорусских социологов. Еще при жизни он стал символом социологической науки, для многих был другом и наставником. Ученый всецело отдавался исследовательской работе, возможности «расколдовывать» общество, в котором жил. Был скрупулезен, глубо-

бок и объективен в оценках, далеко не в любой компании открывал душу. В каждом коллективе ученого любили и признавали интеллектуальным лидером, причем это лидерство было естественным и безоговорочным. Хорошая память о нем как о человеке и профессионале отражена и в книге «Социолог С. А. Шавель. Пути к тайнам бытия» (2025), получившейся по-настоящему глубокой и теплой.

Сергей Александрович прожил трудную, но интересную и счастливую жизнь. Родился он 17 октября 1940 г. в д. Герутево Свислочского района Гродненской области в крестьянской семье. Малолетним ребенком вместе с матерью был вывезен оккупантами в Германию. Отца Сергея Александровича расстреляли как участника партизанского движения.

В родную деревню С. А. Шавель вернулся только после Великой Победы, в 1945 г. Далее была учеба в школе, работа по дому, полуголодное детство... В послевоенные годы дети рано начинали самостоятельную жизнь. Сергей Александрович увлекся авиацией, как и многие сверстники, а в 1958 г. поступил в Выборгское авиационное училище, в 1961 г. уже начал трудовую биографию техником Кременчугского вертолетного училища. Хрущевская реформа армии поставила молодого лейтенанта перед необходимостью выбирать гражданскую специальность. Любовь к книгам привела его в 1964 г. на философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ). С научной специализацией – социология – Сергей Александрович определился еще в студенчестве.

Период обучения в ведущем вузе страны стал одним из памятных этапов в биографии С. А. Шавеля: на все хватало времени, все было в радость. На ударных комсомольских стройках Сергей Александрович был в первых рядах. Их география впечатляет –

от жилых кварталов в Целиноградской области и обустройства быта в Воркуте до типографии в Красноярском крае и школы на Сахалине. А еще вместе с друзьями, будущими философами П. А. Водопьяновым и М. А. Слемневым, он сплавливал лес по р. Печоре в составе московского аспирантского отряда.

Вернувшись на родину после окончания МГУ, С. А. Шавель прошел путь от молодого специалиста до выдающегося мыслителя, состоялся как ведущий социолог, проявил себя как внимательный педагог. Ученый чувствовал время и хорошо понимал: будущее за социологией. Он стремился раскрыть потенциал этой науки и доказать, что без фундаментальной базы цифры сами по себе остаются статистикой. Важно было показать их смысл, сделать так, чтобы результаты исследования способствовали решению проблем общества, а интерпретировать полученные данные мог только профессионал. Именно таким и был С. А. Шавель.

В науку Сергей Александрович пришел уже социально зрелым человеком. Он совмещал исследовательскую и преподавательскую деятельность, много работал с организациями, заводскими социологами и постоянно совершенствовался: знакомился с новыми публикациями по социологии, экспериментировал, учился на собственном опыте и опыте коллег. Всех впечатляли интеллект, доброта и интеллигентность С. А. Шавеля.

Сергея Александровича невозможно было представить без этого «странного упоения» работой. Поражали цельность натуры и трудолюбие – науке он отдавался целиком. Исследователя всегда прельщает неизвестность, он стремится опередить время и заглянуть в будущее, поэтому в своих работах С. А. Шавель пытался раскрыть методологические аспекты социологического изучения общества, анализировал социальные ожидания человека, его ценности, потребности, мотивы деятельности. Интересным представляется исследование восприятия людьми мирового экономического кризиса и оценки стратегических подходов к преодолению его последствий. Ученый обращается к концептуализации понятия «социальная сфера», обосновывает сферный подход в социологической теории, раскрывает императивы его развития, анализирует перспективы интеграционного процесса на постсоветском пространстве.

В 1977 г. С. А. Шавель защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Управление развитием социальной структуры общества». В Белорусском государственном

университете Сергей Александрович работал в секторе прикладной социологии под руководством профессора Г. П. Давидюка.

С. А. Шавель обучал белорусских социологов тонкостям математической статистики. Он не сомневался в целесообразности освоения математических и статистических методов анализа данных. Практические задачи по вычислению средних величин, дисперсий и коэффициентов корреляции, наглядные таблицы больших чисел, матрицы факторных нагрузок на стенах лаборатории – все это было лишь подготовкой к главному. Важнее всего было научиться оперировать данными: сфокусироваться не на выведении дисперсии (этим занимались математики), а на том, чтобы понять ее смысл для социолога, интерпретировать в контексте анализа социологической информации.

В 1981 г. Сергей Александрович пришел в Институт философии и права Академии наук БССР на должность старшего научного сотрудника, а после образования в 1990 г. Института социологии возглавил одно из его ведущих подразделений – отдел теории, методологии и методики социологических исследований, был заместителем директора института. Здесь в полной мере раскрылся его многогранный талант исследователя и организатора. Основным направлением научной деятельности С. А. Шавеля была теория и методология социологических исследований, социальная мотивация, ее истоки и направленность. В 1990 г. он одним из первых в Беларуси успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук на тему «Социальная сфера и мотивация труда».

В указанный период Сергей Александрович рассматривал широкий круг проблем, таких как устойчивое развитие современного общества, социальная дифференциация, социальный капитал, социальный порядок, мотивационные стратегии потребления, социальные инновации как источник развития общества, потребление и стабильность, консенсус, образ устойчивого социума и метод его конструирования, парсонсовская модель устойчивости и воспроизведения социального действия и др. Кроме того, ряд работ С. А. Шавеля непосредственно связаны с будущим социологической науки, т. е. ее задачей сегодня: высокой общественной миссией, реальностью общественного мнения, методологическими императивами социологии, концепцией и алгоритмами построения республиканской социологической репрезента-

тивной выборки, методологическими принципами «отнесение к ценности» и «свобода от оценки» в программе социологического исследования, методологическими основами оценки кадров и др.

В последние годы своей жизни Сергей Александрович разрабатывал методологические аспекты социологического перспективизма, раскрывал эвристические функции категорий «воображение», «детерминизм», «постэкономическое общество», анализировал социологические перспективы личностного роста, социальной сферы и жизнеобеспечения, развития Союзного государства Беларуси и России. Он вернулся к раскрытию содержания общественного мнения в новых условиях как обратной связи, стабилизирующей социум, рассматривал риски в контексте перспектив инновационной деятельности.

Много внимания С. А. Шавель уделял социологическому изучению истоков возникновения белорусского этноса, формирования белорусской нации и образования суверенного государства, проблемам полиэтнической идентичности и консолидации белорусского народа в контексте исторической памяти.

Сергей Александрович с оптимизмом смотрел в будущее, был уверен в том, что социология в нашей стране имеет серьезные перспективы. Он не боялся браться за трудные темы, для любых проблем обязательно находил решение. С. А. Шавель постоянно возвращался к тезису о том, что ученый должен исследовать общество, в котором живет, хотя бы потому, что в XX в. недостаток этих знаний неоднократно приводил к тяжелым последствиям. Молодым людям независимо от их профессионального выбора профессор советовал овладеть основами социологических знаний. Тем, кто идет в социологию или уже выбрал эту профессию, он желал твердости духа, ясности мышления и социологического воображения. Сегодня эти слова звучат как наказ Учителя.

С. А. Шавель горячо любил родную Беларусь, искренне был предан малой родине – небольшой деревеньке на Гродненщине.

Сергей Александрович ушел от нас 19 августа 2023 г. Мы, его друзья и ученики, всегда будем помнить доброту и уроки жизни нашего Учителя, разделяя его веру в человека, профессию, идеал общества и родную Беларусь.

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: a.vitebsk55@gmail.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 364(091)(075.8)

Красовская Н. Н. История социальной работы : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0921-01 «Социальная работа», 6-05-0921-01 «Социальная работа и консультирование» / Н. Н. Красовская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 87 с. Библиогр.: с. 85–87. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/330421>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.06.2025, № 007817062025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «История социальной работы» предназначен для студентов специальностей 6-05-0921-01 «Социальная работа», 6-05-0921-01 «Социальная работа и консультирование». Содержание ЭУМК позволит студентам усвоить теоретико-методологические основы истории социальной работы, приобрести теоретические знания и практические навыки в области ключевых этапов исторического развития социальной работы как общественного явления.

УДК 316.36(075.8)

Сакович А. Ю. Социология брака и семьи : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0314-01 «Социология» / А. Ю. Сакович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 62 с. : ил. Библиогр.: с. 60–62. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/331452>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.06.2025, № 008530062025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Социология брака и семьи» предназначен для студентов специальности 6-05-0314-01 «Социология». В ЭУМК содержатся теоретико-методологические и прикладные вопросы современной и классической социологии брака и семьи.

УДК 303.425.2(075.8)

Общая методология социальных исследований : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0321-03 «Социальные коммуникации» / БГУ ; сост. А. А. Похомова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 112 с. Библиогр.: с. 88–90. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/331811>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.07.2025, № 009509072025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Общая методология социальных исследований» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «социальные коммуникации», учебной программой по учебной дисциплине «Общая методология социальных исследований» и предназначен для студентов специальности 6-05-0321-03 «Социальные коммуникации» очной формы получения высшего образования. Содержание ЭУМК включает в себя тексты лекций, темы и задания семинарских занятий, список контрольных вопросов по учебной дисциплине, тематику исследовательских проектов, рекомендуемый список литературы.

УДК 316.653(075.8)

Титаренко Л. Г. Социология общественного мнения : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0314-01 «Социология» / Л. Г. Титаренко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 84 с. Библиогр.: с. 58–59. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/333663>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 03.09.2025, № 009903092025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Социология общественного мнения» предназначен для студентов специальности 6-05-0314-01 «Социология» очной и заочной форм получения высшего образования. В ЭУМК входят перечень и содержание лекций, примерные задания для семинарских занятий и управляемых самостоятельных работ, перечень контрольных мероприятий, вопросы к зачету, методические рекомендации по организации самостоятельной работы обучающихся, список рекомендуемой литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Рахманов С. К.</i> Современное человечество: глобальные угрозы и будущее.....	4
<i>Карибе Ё.</i> Эпоха Водолея – эра подлинного освобождения от порабощения (от общества изоляции и разобщения к обществу сосуществования и интеграции).....	8
<i>Водопьянов П. А., Сидоренко И. Н.</i> Дуальность цивилизационного разлома: экологический тупик и антропологическое отчуждение в эпоху бифуркации.....	14

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Сидоренко И. Н.</i> Трансформация войны в современном мире: вызовы в борьбе за ментальность...	19
<i>Легчилин А. А., Воробьева С. В.</i> Концептуально-прикладные аспекты кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности.....	24
<i>Кучко Е. Е., Вишнякова М. В., Марчук Я. И.</i> Опрос синтетических респондентов: новые возможности или угроза достоверности данных?.....	31

ИНТЕРВЬЮ

<i>Бурова С. Н., Данилов А. Н.</i> «Нас объединяло желание изучать семью...».....	36
---	----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Белов А. А., Данилов А. Н., Корнеевец М. А., Филинская Л. В.</i> Влияние ценностных ориентаций на реализацию репродуктивных установок в странах второго демографического перехода.....	58
<i>Пинчук И. В., Похомова А. А., Филинская Л. В.</i> Стартап-экосистема Беларуси: предпринимательские намерения студенческой молодежи.....	75
<i>Сарна А. Я.</i> Посетитель в современном музее: навигация, аттракция, интеракция.....	85

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Галина Николаевна Соколова (к 90-летию со дня рождения).....	93
Сергей Александрович Шавель (к 85-летию со дня рождения).....	95
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	97

CONTENTS

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Rakhmanov S. K.</i> Modern humanity: global threats and the future.....	4
<i>Karibe Yo.</i> The Age of Aquarius – an era of true liberation from enslavement (from a society of isolation and fragmentation to a society of coexistence and integration).....	8
<i>Vodopianov P. A., Sidorenko I. N.</i> The duality of civilisational rift: ecological impasse and anthropological alienation in the age of bifurcation.....	14

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Sidorenko I. N.</i> The transformation of war in the modern world: challenges in the battle for mindscape...	19
<i>Liahchylin A. A., Vorobyova S. V.</i> Conceptual and applied aspects of cross-cultural models of civilisational identity.....	24
<i>Kuchko E. E., Vishnyakova M. V., Marchuk Ya. I.</i> Survey of synthetic respondents: new opportunities or threats to data reliability?.....	31

INTERVIEW

<i>Burova S. N., Danilov A. N.</i> «We were united by a desire to study the family...».....	36
---	----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Belov A. A., Danilov A. N., Korneyevets M. A., Filinskaya L. V.</i> The influence of value orientations on the realisation of reproductive attitudes in the countries of the second demographic transition.....	58
<i>Pinchuk I. V., Pokhomova A. A., Filinskaya L. V.</i> Startup ecosystem of Belarus: entrepreneurial intentions of the student youth.....	75
<i>Sarna A. J.</i> Visitor in a modern museum: navigation, attraction, interaction.....	85

IN ORDER TO REMEMBER...

<i>Galina Nikolaevna Sokolova</i> (on the 90 th anniversary of her birth).....	93
<i>Sergey Aleksandrovich Shavel</i> (on the 85 th anniversary of his birth).....	95
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	97

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 3. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Н. Н. Герасимович,*
А. С. Люкевич, С. Р. Пинчук
Технические редакторы *М. А. Панкратова, А. Р. Голик*
Корректор *В. И. Авчинникова*

Подписано в печать 30.09.2025.
Тираж 25 экз. Заказ 0000.

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 3. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *N. N. Herasimovich,*
A. S. Lyukevich, S. R. Pinchuk
Technical editors *M. A. Pankratova, A. R. Golik*
Proofreader *V. I. Avchinnikova*

Signed print 30.09.2025.
Edition 25 copies. Order number 0000.